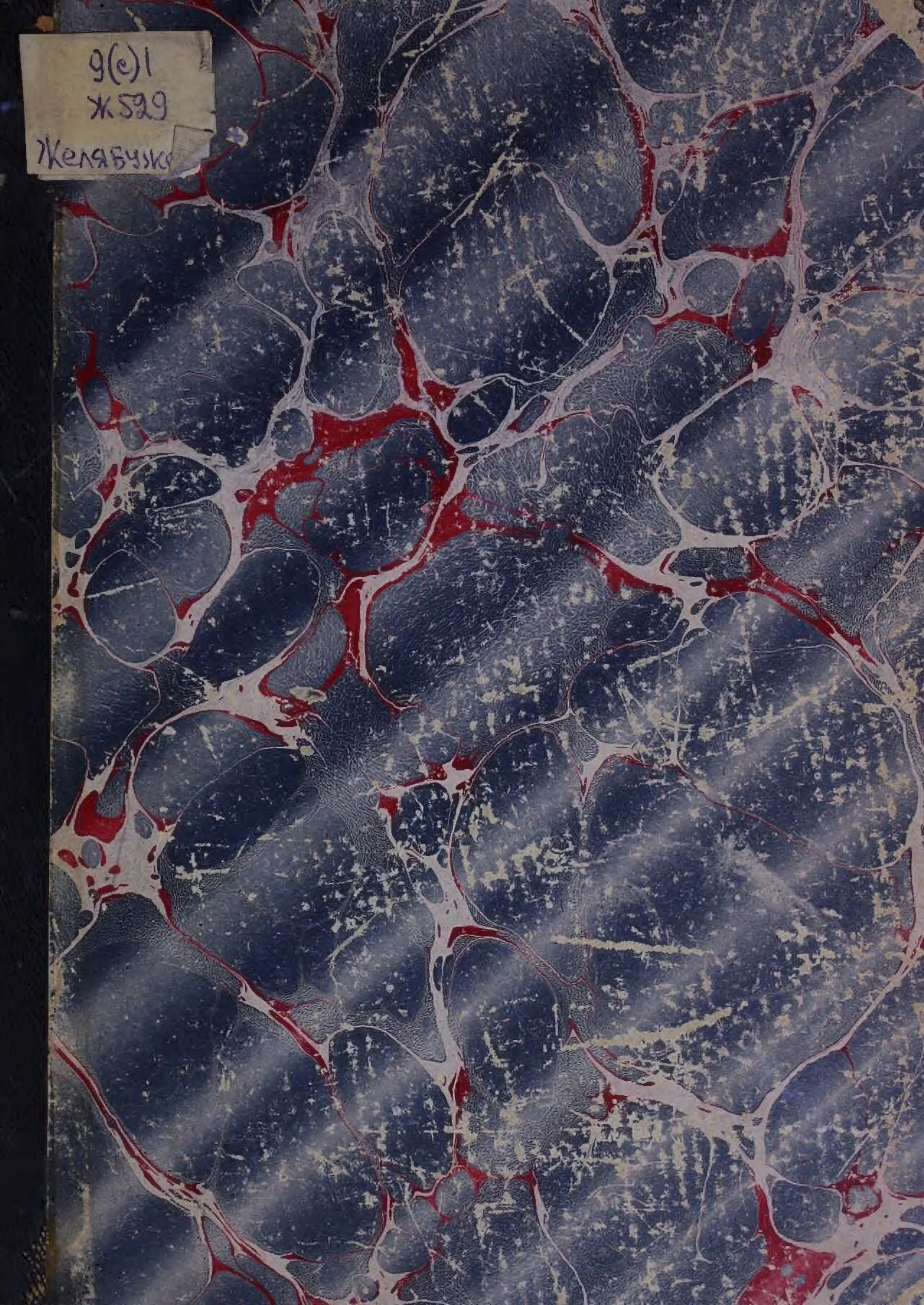

9(с)1
Ж529
Желябужск

Е. Д. ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И КУТУЗОВЪ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

СЪ РИСУНКАМИ.

МОСКВА. ИЗДАНІЕ А. Д. СТУПИНА.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Пр. книга **допущена** въ безплатн. нар. читал. и библ., въ учит. библ. низш. учебн. завед.; и по усмотр. педагог. совѣта въ учен. библ. средн. учебн. завед.

Главн. Управл. военно-учебн. заведеній книга **признана полезною** для библ. кадетск. корпусовъ и для ротныхъ библ. военныхъ и юнкерск. училищъ.

81

МОСКВА.
Типографія Русскаго Товарищества.
Мыльниковъ пер., собств. домъ.
1912.

Свѣтлѣйшій Князь Михаилъ Иларіоновичъ
Голенищевъ-Кутузовъ.

ИмператорЪ АлександрЪ I.

Императоръ Наполеонъ I.

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

1812 годъ.

Любо слушать про великія дѣла,
Любо русскимъ быть на свѣтѣ рождену;
А тебѣ за то, нашъ старый вождь, хвала,—
Отстоялъ ты мать родиму сторону.

* *
*

Ты на старости усердьемъ молодѣлъ,
Во безсильи вѣрой, правдой крѣпокъ былъ,
Какъ Суворовъ, супостатовъ одолѣлъ,
Какъ Пожарскій, Русь святую защитилъ.

I.

До Отечественной войны 1812 года русскіе неоднократно воевали съ французами; но всѣ эти войны были ничтожны въ сравненіи съ тою громадною борьбой, которую Россія должна была выдержать противъ величайшаго завоевателя, Наполеона I. Многія государства спѣшили составить союзы, чтобъ общими силами противоборствовать распространенію французскаго владычества въ Европѣ. Впервые русскіе выступили противъ Наполеона въ союзѣ съ австрійцами, въ помощь которымъ послано было войско подъ начальствомъ Кутузова; этотъ походъ, по нераспорядительности и нерѣшительности австрійскихъ генераловъ, окончился пораженіемъ русско-австрійской арміи при Аустерлицѣ *). Австрія заключила миръ, а Россія продолжала войну въ слѣдующемъ году въ союзѣ съ Пруссіей. Вторая кампанія, къ сожалѣнію, была такъ же

*) Аустерлицъ находится въ Моравіи.

неудачна, какъ и первая: пруссаки были разбиты на-голову, а русскіе, подъ начальствомъ Беннигсена *), понесли значительныя потери подъ Фридландомъ. Тогда императоръ Александръ, недовольный Англіей, которая увела флотъ нашей союзницы — Даніи, заключилъ съ Наполеономъ миръ въ Тильзитѣ, и оба императора обѣщали помогать другъ другу въ будущихъ войнахъ. «Пятна-

*) Беннигсенъ Леонтій Леонтьевичъ, графъ, генералъ-отъ-кавалеріи, родился близъ Ганновера, 10 февраля 1745 года, отъ древней баронской фамиліи. Въ 1755 г. поступилъ онъ въ ганноверскую службу. Успѣхи русскаго оружія противъ турокъ и надежда прославиться на военномъ поприщѣ возбудили въ немъ желаніе служить подъ знаменами Екатерины II: получивъ въ 1773 г. чинъ ганноверскаго подполковника, онъ въ томъ же году перешелъ въ русскую службу съ тѣмъ же чиномъ. Эпоха, которая наиболѣе прославила Беннигсена и доставила ему случай показать въ блистательнѣйшемъ видѣ военныя свои способности, есть кампаніи 1806 и 1807 годовъ. Въ октябрѣ 1806 г. онъ выступилъ съ сильнымъ корпусомъ на помощь Пруссіи; но пораженія пруссаковъ подъ Іеною и Ауэрштедтомъ заставили его остановиться на правомъ берегу Вислы. Въ декабрѣ мѣсяцѣ Беннигсенъ, вопреки приказанію престарѣлаго главнокомандующаго, графа Каменскаго, принялъ сраженіе при Пултускѣ и разбилъ французскихъ маршаловъ. Императоръ Александръ наградилъ Леонтія Леонтьевича за эту побѣду орденомъ Георгія 2 класса и 5.000 червонцами, а 1 января 1807 года назначилъ его главнокомандующимъ арміею, вмѣсто отозваннаго въ Россію графа Каменскаго. Ободренный успѣхомъ при Пултускѣ, Беннигсенъ въ концѣ января одержалъ надъ непріятелемъ блистательную побѣду при Прейсишъ-Эйлау, орденъ Андрея Первозваннаго и 12.000 рублей ежегоднаго пенсіона были наградою побѣдителю. Послѣ этой кровопролитнѣйшей битвы обѣ арміи заняли на короткое время зимнія квартиры, а съ наступленіемъ весны Беннигсенъ разбилъ Нея 24 мая и отразилъ нападеніе Наполеона при Гейльсбергѣ 27 мая; онъ, въ свою очередь, былъ разбитъ въ сраженіи подъ Фридландомъ, за которымъ послѣдовалъ вскорѣ Тильзитскій миръ.

Въ началѣ Отечественной войны Беннигсену повелѣно было состоять при особѣ государя императора. Не имѣя особой команды, онъ участвовалъ однако въ Бородинской битвѣ и награжденъ за нее орденомъ Владиміра первой степени. Присутствуя потомъ въ военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Филяхъ, передъ сдачею Москвы, онъ предлагалъ дать сраженіе подъ стѣнами древней столицы, но долженъ былъ признать невыгодное положеніе, занимаемое арміей. Во время пребыванія арміи при Тарутинѣ на него возложено было на-

дцать дней два арбитра *) Европы, говоритъ А. С. Трачевскій провели вмѣстѣ: послѣ перваго свиданія посреди рѣки, Наполеонъ пригласилъ Александра къ себѣ въ гости, въ Тильзитъ. Со стороны французовъ не было конца любезностямъ; и ихъ пресловутая кухня не ударила въ грязь лицомъ. Александръ каждый день обѣдалъ у Наполеона. Передъ обѣдомъ они катались вдвоемъ верхомъ, но чаще всего производили смотры и маневры. Побѣдители подъ Фридландомъ дивились парадоманіи русскаго царя. Послѣ обѣда вѣнчанный гость подолгу засиживался у очаровательнаго хозяина, предаваясь задушевной бесѣдѣ, расхаживая большими шагами по кабинету и иногда останавливаясь передъ картами, разложенными на столахъ: онъ называлъ эти часы ночными вечерами. Иногда Наполеонъ приходилъ къ Александру «на чай». И здѣсь болтали за полночь. Затѣмъ провожали другъ друга, взявшись подъ руку.

«Соперники были въ восторгѣ другъ отъ друга. Наполеонъ писалъ Жозефинѣ: Сейчасъ видѣлся съ им-

---

паденіе на непріятельскіе передовые отряды подъ предводительствомъ Мюрата (короля неаполитанскаго), и онъ съ успѣхомъ исполнилъ нападеніе, разбивъ французовъ 6 октября на берегахъ Чернышни, близъ Тарутинскаго лагеря. За этотъ подвигъ, важный по послѣдствіямъ, Беннигсенъ получилъ 100.000 рублей вознагражденія. Вскорѣ потомъ Леонтій Леонтьевичъ удалился въ свои помѣстья; но въ началѣ 1813 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ вновь составленной арміи, подъ названіемъ польской, съ которою выступилъ въ іюнѣ изъ Варшавскаго герцогства для соединенія съ прочими союзными арміями; онъ подошелъ къ Лейпцигу 5 октября; его прибытіе дало союзникамъ рѣшительный перевѣсъ надъ непріятелемъ и сдѣлало побѣду несомнѣнною. Императоръ Александръ Павловичъ возвелъ здѣсь Беннигсена въ графское достоинство. Въ декабрѣ онъ приступилъ къ обложенію Гамбурга и не отступалъ отъ него до заключенія Парижскаго мира. При этомъ торжественномъ случаѣ Беннигсенъ удостоился получить отъ своего государя орденъ Георгія первой степени, а отъ короля французскаго орденъ Почетнаго Легіона. Остатокъ дней своихъ Л. Л. Беннигсенъ провелъ въ Ганноверѣ, гдѣ и умеръ 2 октября 1826 г., на 82 году жизни.

*) Третейскій судья.

ператоромъ Александромъ. Я очень доволенъ имъ. Это очень красивый, добрый и молодой императоръ.

«Наполеонъ даже возстановилъ, скрѣпя сердце, ненавистнаго ему прусскаго короля изъ уваженія къ всероссійскому императору. И если онъ сдѣлалъ изъ польскихъ провинцій Пруссіи великое герцогство Варшавское, то, опять ради Александра, онъ отдалъ его не своему брату Жерому, какъ предполагалъ, а саксонскому королю. Мало того. Побѣдитель заботился о будущихъ выгодахъ побѣжденнаго. Онъ самъ намекнулъ ему, что шведскія пушки не должны бы болѣе смущать петербургскихъ красавицъ» *).

Однако миръ съ Наполеономъ не могъ быть проченъ и продолжителенъ. Самовластіе, съ которымъ французскій императоръ распоряжался въ Европѣ, скоро сдѣлалось невыносимо. Главнымъ поводомъ къ разрыву послужили слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, Наполеонъ стремился возстановить Польское королевство; во-вторыхъ, онъ пересталъ обращать вниманіе на законное требованіе русскаго правительства и обходился съ нашимъ посланникомъ, княземъ Куракинымъ, дерзко и оскорбительно; въ-третьихъ, Наполеонъ отнялъ владѣнія у герцога Ольденбургскаго, родственника императора Александра...

II.

Громоносному двѣнадцатому году предшествовали необычайныя явленія природы: такъ, еще въ 1811 году по самый декабрь мѣсяцъ появлялась чуть не ежедневно волосатая комета съ огромнымъ ярко-блестящимъ хво-

*) «Историческій Вѣстникъ» 1891 г.

стомъ *). Необыкновенно сильное разлитіе рѣкъ, бури, землетрясенія въ Россіи и другихъ сосѣднихъ государствахъ—предвѣщали что-то зловѣщее; въ Москвѣ, напримѣръ, бушевали до того сильные вѣтры, что нерѣдко обрушивались заборы и срывались съ домовъ крыши...

Въ Россіи о Наполеонѣ, особенно въ простонародьѣ, имѣли смутное понятіе; ходили слухи, что появился въ мірѣ тотъ самый *Аполіонъ*, о которомъ написано въ 9-й главѣ Апокалипсиса **); что онъ—антихристъ и при помощи сатаны собралъ великія силы; что воинство его—со львиными зубами и съ скорпіоновыми хвостами. Это нелѣпое мнѣніе поддерживали и нѣкоторые образованные: такъ, напр., дерптскій профессоръ Гецель, въ письмѣ своемъ къ военному министру Барклаю де-Толли, отъ 11-го іюля 1812 года, писалъ, что въ числѣ 666 (число звѣрино, Апок. гл. 13, ст. 18) содержится имя Наполеона, причемъ приложилъ онъ и французскій алфавитъ. У насъ въ Россіи, со времени основанія Москвы прошло уже до того времени 665 лѣтъ; многіе это почитали весьма знаменательнымъ ***). Въ нашихъ войскахъ о Наполеонѣ тоже ходили преувеличенные слухи. Говорили, что онъ изобрѣлъ разные маневры, которые сдѣлали войско его непобѣдимымъ, напр., новый маневръ ходить въ штыки, держа въ лѣвой рукѣ ружье наперевѣсъ, а въ правой штыкъ; будто французъ, ударивъ непріятеля по рукѣ тесакомъ, вышибаетъ у него ружье и закалываетъ его штыкомъ; будто французъ десять разъ успѣваетъ зарядить ружье свое и выстрѣлить изъ него, пока непріятель выстрѣлитъ въ него изъ своего ружья только одинъ разъ, потому что у француза боевые патроны находятся не въ сумкѣ, какъ у прочихъ, но за галстукомъ, за пазухой, въ

---

*) *Метла Божія*—называли ее простолюдины, а Наполеонъ указывалъ на комету, какъ на *свою путеводительную звѣзду въ Россію*.

**) Апокалипсисъ —наименованіе послѣдней книги Новаго Завѣта, содержащей въ себѣ откровенія св. Іоанна Богослова, написанныя имъ на островѣ Патмосѣ, куда императоръ Домиціанъ сослалъ его въ заточеніе.

***) С. М. Любецкій—*Русь и русскіе въ* 1812 г.

карманахъ, за сапогами и проч. Говорили, что Наполеонъ всевѣдущъ, что онъ знаетъ не только то, что о немъ говорятъ, но даже и то, что о немъ думаютъ. Особенно изъ маршаловъ его превозносили Виктора: только-что сдѣлается плохо Наполеону, разсказывали легковѣрные, онъ выпуститъ Виктора, будто, изъ рукава,—и побѣда его*).

III.

Въ началѣ 1812 года, по повелѣнію Наполеона, вербовались рекруты, и вооружались державы, находившіяся въ союзѣ съ Франціей. Наполеонъ предсталъ предъ русскою границей съ полумилліоннымъ строевымъ войскомъ, исключая огромной свиты и множества прислужниковъ; въ арміи его находилось *двадесять языкъ*. Однихъ фурманщиковъ находилось при войскѣ до 2.500 челов., пекарей до 3.000, провіантскихъ чиновниковъ болѣе 2-хъ тысячъ; при войскѣ слѣдовало 1.500 пушекъ. Но и въ Россіи объявленъ былъ рекрутскій наборъ, усилены укрѣпленія Кіева и Риги, и отозвана часть арміи, дѣйствующей противъ турокъ. Все вмѣстѣ, однако, не составляло болѣе 200 тысячъ, и это войско раздѣлялось на три арміи**).

Первая армія, подъ предводительствомъ главнокомандующаго, военнаго министра Барклая де-Толли***), нахо-

---

*) «Сынъ Отечества» 1812 г.

**) Четвертая—Чичагова, по заключеніи Бухарестскаго мира возвращалась съ береговъ Дуная.

***) Барклай де-Толли, князь Михаилъ Богдановичъ, русскій генералъ-фельдмаршалъ, происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, давно уже переселившейся въ Лифляндію. Онъ родился въ 1761 году отъ небогатыхъ родителей. Съ 1788 г. вступилъ на поприще войны, и, находясь въ екатеринославской арміи, онъ участвовалъ въ осадѣ и взятіи приступомъ Очакова. Въ слѣдующемъ году онъ находился въ сраженіи при Каушунахъ и при взятіи городовъ Аккермана и Бендеръ. Потомъ онъ служилъ въ конфедераціонную войну.—Императоръ Павелъ Петровичъ, цѣня заслуги Барклая де-Толли, произ-

дилась въ Виленской губерніи. По плану Барклая русскіе должны были отступать, потому что опытный и умный военачальникъ понималъ невозможность побѣдить въ рѣшительной битвѣ перваго полководца своего времени, стоявшаго во главѣ болѣе многочисленной и еще свѣжей арміи. Войска наши роптали на осторожность своего главнокомандующаго и часто повторяли пословицу: *русакъ—не ракъ, задомъ ходить не любитъ*. Недовольныхъ много было и между народа. *Шапками закидаемъ!* кричали крестьяне, не понимающіе, какъ опасно было отважиться на рѣшительную битву съ непріятелемъ, у котораго превосходныя силы. Послѣ постоянныхъ отступленій Барклая де Толли, ему, какъ нѣмцу, солдаты и даже офицеры стали выражать явное недовѣріе. Ободрить же воина въ ту минуту, когда онъ готовъ упасть духомъ, никогда не умѣлъ Барклай де-Толли.

Вторая русская армія была расположена въ Гродненской губерніи; ею управлялъ главнокомандующій Багра-

---

велъ его въ 1798 году въ полковники, а въ слѣдующемъ году въ генералъ-майоры.

Въ концѣ 1806 года, въ войнѣ съ французами, онъ командовалъ отдѣльнымъ передовымъ отрядомъ, назначеннымъ для защиты береговъ Вислы, и находился въ безпрестанныхъ сшибкахъ съ непріятелемъ. Начальствуя потомъ передовымъ отрядомъ генерала Бенпигсена, Барклай де-Толли участвовалъ въ кровопролитномъ Пултусскомъ сраженіи и весьма много содѣйствовалъ къ одержанію побѣды.

Въ 1810 году Барклай де-Толли былъ призванъ въ Петербургъ и назначенъ 20 января военнымъ министромъ. Въ этой важной и многотрудной должности онъ вполнѣ оправдалъ довѣренность монарха и былъ награжденъ въ 1811 г. орденомъ Владиміра I степени.

Въ 1812 году императоръ Александръ облекъ Барклая де-Толли званіемъ главнокомандующаго 1-й западной арміи. Отступленіе его отъ Дриссы къ Смоленску, для соединенія съ арміей князя Багратіона, сраженія подъ Витебскомъ и подъ Смоленскомъ ставятъ его на ряду съ искуснѣйшими полководцами нашего вѣка. При Царевѣ Займищѣ Барклай де-Толли готовился дать генеральное сраженіе, но, по прибытіи генералъ-фельдмаршала князя М. Ил. Кутузова, поступилъ съ своею арміей подъ главное его начальство. Здѣсь-то Барклай де-Толли явилъ рѣдкій примѣръ самоотверженія, хладнокровія и распорядительности. За необычайную храбрость въ славной

тіонъ *), любимецъ славнаго Суворова. Первый бросался онъ въ огонь и послѣдній выходилъ изъ боя.

Третья запасная армія была въ Волыни и находилась подъ начальствомъ генерала Тормасова.

Приближаясь къ русскимъ границамъ, Наполеонъ произнесъ своему войску слѣдующую хвастливую рѣчь:

«Непобѣдимые французы! Вы творили чудеса во всѣхъ земляхъ и доказали свѣту, что нѣтъ въ подсолнечной народа, который бы не трепеталъ страшнаго грома вашихъ побѣдъ. Нынѣ вамъ открывается пространное по-

---

Бородинской битвѣ онъ награжденъ орденомъ Георгія 2-й степени. Въ военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Филяхъ, передъ сдачею Москвы, Барклай де-Толли доказалъ невыгоды занимаемой арміей позиціи (избранной генераломъ Беннигсеномъ) и первый подалъ голосъ въ пользу отступленія безъ боя. Во время пребыванія русской арміи въ Тарутинѣ онъ удалился въ свои помѣстья; но въ началѣ 1813 года, по изгнаніи непріятелей изъ предѣловъ Россіи, былъ назначенъ главнокомандующимъ 3-й западной арміи. Въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ Барклай де-Толли командовалъ корпусами графа Витгенштейна, гренадерами и гвардіей. Вдаваясь лично во всѣ опасности, Михаилъ Богдановичъ подавалъ собою примѣръ отличнаго мужества и удачными распоряженіями сдѣлался однимъ изъ главныхъ виновниковъ этой великой побѣды, за которую былъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство, а за взятіе Парижа онъ былъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ.

По заключеніи мира Барклай де-Толли сопутствовалъ императору Александру въ Лондонъ. Въ 1815 году, при возобновленіи военныхъ дѣйствій, онъ повелъ первую армію во Францію и 30 августа возведенъ въ княжеское достоинство. Въ 1818 году онъ испросилъ себѣ позволеніе ѣхать въ Германію на цѣлебныя воды, но, не доѣхавъ до мѣста, умеръ близъ Кенигсберга на 57 году своей дѣятельной и славной жизни.

*) Багратіонъ, князь Петръ Ивановичъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и отличнѣйшихъ генераловъ, родился въ 1765 году въ Кизлярѣ и происходилъ изъ грузинской княжеской фамиліи. Петръ Ивановичъ подъ начальствомъ безсмертнаго Суворова воевалъ въ Польшѣ и участвовалъ въ Итальянской кампаніи...

Передъ началомъ Отечественной войны кн. Багратіону была ввѣрена 2-я западная армія, съ которой, при нашествіи Наполеона, Багратіонъ выступилъ изъ Слонима для соединенія съ 1-ю западной арміей генерала Барклая де-Толли и совершилъ, преслѣдуемый маршаломъ Даву, отступленіе съ такимъ искусствомъ и рѣшительностью,

ле пожинать лавры и увѣнчать себя безсмертною славой. Вамъ предстоитъ путь въ Россію, побѣдить ее и оставить по себѣ величіе имени французовъ позднѣйшимъ потомкамъ. Москва и Петербургъ будутъ наградою вашихъ подвиговъ. Вы въ нихъ найдете золото, серебро и такія сокровища, какихъ не могъ найти ни Пизарро въ Америкѣ, ни Крезъ не имѣлъ въ царствѣ своемъ. Вы будете господствовать надъ русскимъ народомъ, готовымъ исполнять раболѣпно всѣ ваши повелѣнія и доставлять вамъ удовольствія, какія только будутъ угодны душѣ вашей. Ступайте, друзья, и окажите мужество, достойное имени вашего».

11 іюня Наполеонъ приказалъ своимъ войскамъ переправиться черезъ Нѣманъ; рѣшено было между Вильною и Ковно навести три моста, и съ наступленіемъ ночи начались переправы...

Императоръ Александръ Павловичъ былъ въ эту ночь въ окрестностяхъ Вильны, въ загородномъ домѣ генерала Беннигсена, на балу. Явился курьеръ донести, что непріятель готовится къ переправѣ. Государь скрылъ впечатлѣніе, на него сдѣланное, и оставался недолгое время еще на балѣ.

Въ ночь съ 12-го на 13-е государю не удалось сомкнуть глазъ. Сначала онъ занимался съ военнымъ министромъ, который, по его приказанію, писалъ въ ту же ночь корпуснымъ командирамъ, чтобы войска отступали мало-по-малу, взрывая мосты, портя дороги и всячески затрудняя движеніе непріятеля. Затѣмъ Александръ Павловичъ приказалъ государственному секретарю Шишкову написать приказы по войскамъ. «Упомяни, что я не

что заслужилъ одобреніе даже своихъ непріятелей. Несмотря на всѣ преграды, онъ 17-го августа соединился съ Барклаемъ де-Толли подъ Смоленскомъ. Послѣ сраженія подъ этимъ городомъ онъ принялъ командованіе лѣвымъ флангомъ и съ нимъ въ Бородинской битвѣ положилъ конецъ славной своей храбрости: въ самомъ пылу сраженія, тяжело раненый осколкомъ гранаты, онъ былъ вынесенъ съ поля битвы. 12 сентября князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ скончался въ жестокихъ страданіяхъ.

помирюсь, пока останется хотя одинъ вооруженный непріятель на русской землѣ», прибавилъ государь, и наконецъ продиктовалъ слѣдующее письмо къ Наполеону:

«Государь, братъ мой! Вчера дошло до меня, что, несмотря на прямодушіе, съ которымъ соблюдалъ я мои обязанности въ отношеніи къ вашему императорскому величеству, войска ваши перешли русскія границы, и только лишь теперь получилъ ноту, которою графъ Лористонъ извѣщаетъ меня, по поводу сего вторженія, что ваше величество считаете себя въ непріязненныхъ отношеніяхъ со мною съ того времени, какъ князь Куракинъ потребовалъ свои паспорты. Причины, на которыхъ герцогъ Бассано основывалъ свой отказъ выдать сіи паспорты, никогда не могли бы заставить меня предполагать, чтобы поступокъ моего посла послужилъ поводомъ къ нападенію. И въ дѣйствительности онъ не имѣлъ на то отъ меня повелѣнія, какъ было объявлено имъ самимъ; и какъ только я узналъ о семъ, то немедленно выразилъ мое неудовольствіе князю Куракину и повелѣлъ ему исполнять попрежнему порученныя ему обязанности. Ежели ваше величество не расположены проливать кровь нашихъ подданныхъ изъ-за подобнаго недоразумѣнія, и ежели вы согласны вывести свои войска изъ русскихъ владѣній, то я оставлю безъ вниманія все прошедшее, и соглашеніе между нами будетъ возможно. Въ противномъ случаѣ, я буду принужденъ отражать нападеніе, которое ничѣмъ не было возбуждено съ моей стороны. Еще вы, ваше величество, имѣете возможность избавить человѣчество отъ бѣдствій новой войны».

13 іюня государь, призвавъ къ себѣ Балашева и прочтя ему свое письмо къ Наполеону, приказалъ отвезти его и лично передать французскому императору. Отправляя Балашева, государь вновь повторилъ ему слова о томъ, *что онъ не помирится до тѣхъ поръ, пока останется хотя одинъ вооруженный непріятель на русской землѣ*, и приказалъ непремѣнно передать эти слова лично Наполеону.

Черезъ четыре дня послѣдовало свиданіе нашего посла съ французскимъ императоромъ.

Наполеонъ слѣдующими словами отвѣтилъ Балашеву на письмо императора Александра: «Неужели вы думаете, что я привелъ мои войска только затѣмъ, чтобы посмотрѣть Нѣманъ?» Бесѣдуя дальше съ русскимъ генераломъ и желая ему намекнуть о намѣреніи французовъ занять, въ случаѣ упорства русскихъ, Москву, Наполеонъ спросилъ: «А скажите, по какой дорогѣ удобнѣе всего пройти въ Москву?»

— Есть много дорогъ, ваше величество; вотъ шведскій король Карлъ XII шелъ, напримѣръ, туда черезъ Полтаву,—отвѣчалъ Балашевъ.

Само собой разумѣется, что Наполеонъ не могъ не понять, что значитъ упоминаніе про Карла XII.

IV.

Поѣздка Балашева во французскую главную квартиру не привела къ мирнымъ договорамъ, и непріятельскія войска вступили въ литовскія губерніи. Находившаяся тамъ русская армія подъ начальствомъ Барклая де-Толли была столь малочисленна, что не могла сразиться съ Наполеономъ въ открытомъ полѣ, и потому отступила. Такъ начался страшный смертный пиръ, коего шумный отголосокъ долженъ былъ передаться изъ вѣка въ вѣкъ, рушить царства, почитавшіяся непоколебимыми, утвердить могущество полагавшихъ себя на краю гибели и поставить порабощенную Европу на новыхъ основаніяхъ *). Первые дни въ Россіи для Наполеона прошли очень удачно: онъ все болѣе и болѣе укрѣплялъ въ себѣ ту надежду, что съ Россіей покончить можно весьма скоро. Дѣло въ томъ, что въ Литовскомъ краѣ жило много поляковъ, которые встрѣтили Наполеона какъ своего избавителя, и когда французскій императоръ подступилъ подъ Вильну, жи-

*) Записки графа П. Х. Граббе.

тели города радушно встрѣтили его, и повсюду слышались восклицанія: *да здравствуетъ Наполеонъ!* Польскія дѣвицы, въ бѣлыхъ платьяхъ и вѣнкахъ, вели подъ уздцы лошадь его; представитель бывшаго тамъ университета со всѣми студентами вышелъ къ нему навстрѣчу и сказалъ хвалебное слово. Сановники города, наперерывъ другъ передъ другомъ, спѣшили устраивать въ честь Наполеона праздники и блистательные балы.

Но народъ въ Литовскомъ краѣ далеко не такъ дружелюбно смотрѣлъ на незваныхъ гостей, какъ польское дворянство... Французы, останавливаясь по селамъ, зачастую обирали народъ. Бѣдные литовскіе крестьяне особенно жаловались на вестфальцевъ и баварцевъ, полки которыхъ были вмѣстѣ съ Наполеономъ. Коверкая по-своему, крестьяне называли ихъ обыкновенно *безпальцами и поварцами.*

— Хранцузъ,—говорили литовцы,—коль сытъ да пьянъ, николи не тронетъ, только языкъ его лепечетъ, словно мельница; а эти окаянные безпальцы и поварцы проходу никому не даютъ и готовы рубаху послѣднюю снять...

Наполеонъ прожилъ въ Вильнѣ болѣе двухъ недѣль, тогда какъ ему слѣдовало бы быстро преслѣдовать русскихъ. Онъ почелъ себя тогда полнымъ властелиномъ Литовскаго края и началъ заниматься внутреннимъ устройствомъ его: такъ, въ Вильнѣ онъ назначилъ новыхъ чиновниковъ, вмѣсто прежнихъ, и подумывалъ даже о постройкѣ крѣпости въ этомъ городѣ. Его приближенные думали сначала, что французская армія останется на зимнихъ квартирахъ, да и самъ Наполеонъ какъ-то разъ сказалъ: *для 1812 года довольно; остальное довершитъ 1813.* Но скоро онъ измѣнилъ свое намѣреніе зимовать въ Вильнѣ и далъ приказъ войску итти дальше.

Когда въ главную квартиру государя пришло извѣстіе, что Наполеонъ вывелъ свои войска изъ Вильны и направляетъ ихъ или на Витебскъ, или на Полоцкъ, тогда наша 1-я армія двинулась къ Полоцку.

6 іюля подписаны были государемъ воззванія къ Мо-

сквѣ*) и манифестъ о вооруженіи всего государства, въ которомъ Александръ Павловичъ призывалъ всю Россію ополчиться на врага: *Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Со крестомъ съ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ*, говорится въ манифестѣ, *никакія силы человѣческія насъ не одолѣютъ.*

Между тѣмъ императоръ рѣшился посѣтить свою древнюю столицу. 9 іюля утромъ прибылъ онъ въ Смоленскъ; къ нему тотчасъ же явилось смоленское дворянство съ просьбой дозволить для охраненія Смоленской губерніи отъ непріятеля вооружить на свой счетъ и содержать на своемъ провіантѣ 20 тысячъ войска. Государь благодарилъ смоленскихъ дворянъ за то, что, не дожидаясь при-

*) Воззваніе къ первопрестольной столицѣ было слѣдующаго содержанія:

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное Наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакоже, по отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности. Да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся Мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ россійскихъ, она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, наподобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуютъ. И такъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная Наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи. Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства Нашаго мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть Насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи».

зыва, они первые вызвались на помощь отечеству. Онъ смотрѣлъ затѣмъ войска и училъ солдатъ, какъ себя вести въ бою. Потомъ, какъ бы предчувствуя судьбу Смоленска, государь пожелалъ осмотрѣть городъ съ его окрестностями, любовался видами и почти на каждомъ шагу говорилъ: *Какой славный городъ! Какіе виды! Какія окрестности!* Въ бытность свою въ Смоленскѣ, государь получилъ изъ Константинополя извѣстіе о мирѣ, который заключенъ былъ Кутузовымъ въ Бухарестѣ. Въ эту минуту миръ съ Турціей былъ большимъ счастіемъ для Россіи: это давало возможность возвратиться внутрь Россіи войску, которое на берегахъ Дуная было занято войною съ Турціей. Не помня себя отъ радости, государь выбѣжалъ изъ кабинета, бросился на шею первому, котораго встрѣтилъ въ залѣ, и объявилъ ему радостную вѣсть о заключеніи мира съ Турціей. Человѣкъ, который такъ случайно удостоился быть обнятымъ государемъ, былъ градскій голова, черезъ котораго и была сообщена народу радостная вѣсть»*).

V.

11 іюля государь прибылъ въ Перхушково**). Тамъ встрѣтилъ его графъ Растопчинъ, московскій военный губернаторъ. Не желая парадной встрѣчи, императоръ Александръ въѣхалъ въ Москву въ самую полночь. На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, государь показался на Красномъ крыльцѣ; загудѣли колокола; вся площадь была усѣяна московскими обывателями. *Веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или истребимъ злодѣя!* кричали со всѣхъ сторонъ.

Началось шествіе государя въ Успенскій соборъ. Народъ стѣснилъ его; полицейскіе чиновники бросились рас-

---

*) 1812 годъ, О. Гончаровой.

**) Перхушково послѣдняя станція передъ Москвой.

талкивать народъ, но государь сказалъ: *Не троньте, не троньте ихъ, я пройду;* но шествіе его отъ тѣсноты народа было останавливаемо на каждомъ шагу. При входѣ въ соборъ, его встрѣтилъ преосвященный Августинъ съ крестомъ въ рукахъ. Въ этотъ день должно было совершиться благодарственное молебствіе о замиреніи съ Оттоманской Портой; самъ императоръ былъ благовѣстникомъ мира. Преосвященный Августинъ привѣтствовалъ его слѣдующею многознаменательною рѣчью:

«Еще курятся ѳиміамы на алтаряхъ сихъ, еще пламенѣютъ огни благодарственныхъ моленій за тѣ достославныя побѣды, которыми Всевышній увѣнчалъ оружіе твое. И се, наконецъ, гордый Оттоманъ преклонилъ предъ тобою побѣжденную главу; на Югѣ, покрытомъ тучею браней, возсіялъ свѣтъ благословеннаго мира. Столица сія, подъявъ чело свое, покрытое сѣдинами, восхищается, взирая на распространеніе предѣловъ Россіи,—изумляется, внемля громамъ славы твоея. Россія готова воспѣть хвалебную пѣснь Господу силъ и тебѣ, Христу Господню.

«Но се, на Западѣ, восшумѣли бури, и ты, яко исполинъ, исходишь на путь безсмертныхъ подвиговъ и славы. *Отъ края небесе исходъ Твой, и срѣтеніе Твое до края небесе.* Тамъ среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій своихъ, ты мещешь перуны на дерзкаго врага, здѣсь воспламеняешь души наши любовью къ тебѣ и къ отечеству. Тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы, здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной тебѣ Россіи. Тамъ казнишь, здѣсь покоишь; тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь.

«Государь! оружіемъ ты побѣдилъ тысящи, а благостью—тьмы. Наша благодарность не имѣетъ предѣловъ; но твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувствія нашего къ тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими.

«Царю! Господь съ тобою: Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бури, *и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны воды потопныя.* Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!..»

И епископъ, и царь прослезились... Александръ вступилъ въ храмъ, пѣвчіе громко и стройно запѣли: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его.*

Въ этотъ же день была разослана повѣстка, чтобы дворяне и купечество съѣзжались 15 іюля, въ 8 часовъ утра, въ Слободской дворецъ*). По прочтеніи дворянамъ высочайшаго манифеста графъ Растопчинъ указалъ на залу, гдѣ собралось купечество, и воскликнулъ: «*Оттуда польются милліоны, а наше дѣло—выставить ополченіе и не щадить себя*». Московское дворянство пожертвовало 80.000 человѣкъ. Купцы положили сдѣлать общій денежный сборъ, по извѣстному числу рублей съ каждой тысячи капитала, что составило около двухъ милліоновъ рублей.

Когда услыхалъ государь объ усердіи дворянъ на пользу отечества, онъ прибылъ въ залу и въ слѣдующихъ словахъ выразилъ свою благодарность: «*Никогда я не сомнѣвался въ усердіи дворянства, но рвеніе его превзошло мои ожиданія*». Послѣ того императоръ Александръ обратился съ привѣтствіемъ къ купцамъ, которые единодушно отвѣчали ему: «*Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только имуществомъ, но и собою*». Государь былъ глубоко растроганъ: на глазахъ его навернулись слезы. Въ тотъ же самый день писалъ онъ къ Салтыкову, своему бывшему наставнику: «*Нельзя не быть тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ*».

И лишь крикнулъ царь
Свой народъ на брань,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ
Поднялася Русь,—
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ **).

---

*) Находится въ Лефортовѣ; въ немъ теперь помѣщается Техническое училище.

**) И. С. Никитинъ.

Поднялася Русь,—
Собрала дѣтей...

Въ бытность государя въ Москвѣ, онъ получилъ увѣдомленіе отъ Салтыкова, что непріятель занялъ Митаву и переправился через Двину. Необходимо было принять мѣры къ защитѣ Петербурга; для этой цѣли назначенъ былъ десятитысячный корпусъ, которому поручено занять Нарву, такъ какъ непріятель не могъ пройти изъ Риги въ Петербургъ иначе, какъ черезъ упомянутый городъ. Начальникомъ Нарвскаго корпуса назначенъ былъ М. Ил. Кутузовъ, который недавно вернулся изъ Бухареста; ему же были подчинены какъ морскія, такъ и сухопутныя войска, расположенныя въ Финляндіи, Кронштадтѣ и Петербургѣ.

Императоръ Александръ прожилъ въ Москвѣ семь дней и выѣхалъ въ Петербургъ въ ночь на 19 іюля.

VI.

Мы оставили 1-ю армію близъ Полоцка; но когда она расположилась у самаго города, то пришло извѣстіе, что непріятель направилъ путь свой на Витебскъ. Вслѣдствіе этого и наша армія подъ начальствомъ Барклая де-Толли, потянулась туда же. 11 іюля она прибыла въ Витебскъ, куда должна была прійти и 2-я наша армія.

Солдаты 1-й арміи, которымъ уже опротивѣло постоянно отступать, обрадовались, что наконецъ есть надежда на скорое сраженіе, и вели себя молодцами въ трехдневныхъ стычкахъ съ передовыми отрядами главной французской арміи. Барклай де-Толли уже готовился къ генеральному сраженію и только выжидалъ прихода 2-й арміи, какъ вдругъ совершенно неожиданно получилъ увѣдомленіе отъ Багратіона, что его армія, будучи не въ силахъ пробиться къ Витебску, направилась къ Смоленску. Не медля ни минуты, Барклай де-Толли тоже приказалъ своему войску отступать по пути къ Смоленску для соединенія съ полками князя Багратіона.

Поручали провожать плѣнныхъ французовъ старостихѣ Василисѣ.

Идя за удаляющимися русскими войсками, Наполеонъ вступилъ въ Смоленскую губернію. Тутъ уже положеніе его стало перемѣняться къ худшему. Если простой народъ и въ Литовскомъ краѣ враждебно смотрѣлъ на его войско, то онъ по крайней мѣрѣ не возставалъ противъ него съ оружіемъ въ рукахъ; здѣсь же французы въ каждомъ крестьянинѣ встрѣчали непримиримаго врага. Помѣщики вооружали свою дворню охотничьими ружьями, косами и топорами.

Съ легкой руки смолянъ на далекое пространство вспыхнула ожесточенная народная война. Появилась необученная конница и пѣхота изъ поселянъ, между которыми были и старики, и недоростки, и даже бабы, вооруженные чѣмъ попало: рогатинами, вилами, топорами, цѣпами.

Въ Отечественную войну примѣровъ самоотверженія у крестьянъ встрѣчаемъ мы довольно; тогда почти всѣ поголовно превратили серпъ и косу въ оружіе; въ особенности славился удальствомъ Сычевскій уѣздъ: тамъ крестьяне, чтобы не пропустить удобнаго случая напасть врасплохъ на непріятельскіе обозы и мелкіе отряды,—словомъ, чтобы не отвлекаться отъ дѣла, поручали провожать плѣнныхъ французовъ старостихѣ Василисѣ, которая, набравъ себѣ въ команду бабъ и ребятишекъ, вооруженныхъ дреколіями, часто гоняла передъ собой плѣнныхъ въ городъ Сычевку *). Однажды она, устраивая ряды ихъ, стала разъѣзжать верхомъ вокругъ плѣнныхъ, командовать ими и тормошить ихъ съ криками и даже съ побоями; тогда одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, раздраженный ея обхожденіемъ, началъ обороняться. Старостиха Василиса выстрѣлила въ него и, съ крикомъ: *маршъ впередъ!*—погнала предъ собою плѣнныхъ, какъ стадо овецъ **). Деревни Соколовой баба Прасковья убила плѣннаго полковника за излишнюю любезность его, потомъ, снявши съ него мундиръ, надѣла его на себя и, съ

*) Сычевка—уѣздный городъ Смоленской губерніи.
**) Военныя письма А. А. Писарева.

орденами и въ каскѣ, верхомъ на его лошади нерѣдко участвовала въ схшибкахъ съ французами *).

Между тѣмъ наши обѣ арміи 22 іюля соединились подъ Смоленскомъ, послѣ чего предпринято было наступательное движеніе къ Витебску. Но едва сдѣлано было нѣсколько переходовъ, какъ узнали, что Наполеонъ стремится къ Смоленску, чтобъ овладѣть имъ врасплохъ, зайти русскому войску въ тылъ и отрѣзать его и отъ Москвы, и отъ южныхъ губерній. Однако генералъ Невѣровскій съ своимъ отрядомъ сдержалъ передовые отряды французской арміи при Красномъ **) и далъ время корпусу Раевскаго занять Смоленскъ.

Рано утромъ, 4-го августа, войска наши двинулись къ Смоленску; полки перегоняли одинъ другого, спѣша на защиту города. Этотъ день былъ днемъ тезоименитства Наполеона; французы хотѣли сдѣлать подарокъ императору своему, взявши городъ, и, ради этого торжества, напившись до пьяна, вдругъ бросились они къ крѣпости, какъ безумные; но генералъ Раевскій съ своимъ корпусомъ отразилъ непріятеля, и высокопоставленный имениникъ остался безъ подарка ***).

На другой день сраженіе возобновилось съ 4 часовъ утра; нѣсколько сотъ гранатъ и ядеръ пущено было непріятелемъ въ городъ, отъ чего загорѣлись церкви и дома; но русскіе воины были тверды, неустрашимы, они умирали среди пламени, на развалинахъ родного города своего; они не допустили въ него французовъ до самой полуночи и послѣ не иначе оставили Смоленскъ, какъ по приказанію командировъ своихъ ****).

---

*) Полное собраніе анекдотовъ изъ Отечественной войны.

**) Красный—уѣздн. гор. Смоленской губ.

***) Походныя записки артиллериста съ 1812 до 1816 г.

****) «Извѣстная истина, что *все то хорошо, что хорошо кончается*, оправдываетъ и наше отступленіе къ Москвѣ и самое оставленіе столицы. Но нельзя не согласиться, — говоритъ г. А. Орельскій, — съ кн. Багратіономъ, что если бы подъ Смоленскомъ вмѣсто 15.000, участвовавшихъ въ бою 5 августа, на другой день были введены въ дѣло всѣ войска обѣихъ соединенныхъ армій, превышавшихъ 100.000 человѣкъ, то Смоленскъ, несмотря на произведенные въ немъ пожары, былъ бы

Губительное дѣйствіе непріятельскихъ пушекъ обратило почти весь Смоленскъ въ кучу развалинъ: изъ 2.050 домовъ, бывшихъ въ городѣ, уцѣлѣло только 350; улицы завалены были трупами. Французскія войска съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе подступали. Чтобы прекратить кровопролитное сраженіе, Барклай де-Толли велѣлъ отступать. Чудотворная икона Богоматери Смоленской была взята изъ соборной церкви и помѣщена на одномъ изъ пороховыхъ ящиковъ. Русскіе удалились, а непріятель вступилъ въ развалины города. Армія Наполеона, ожидавшая найти въ Смоленскѣ много разныхъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ она сильно нуждалась, была очень недовольна, не нашедши почти ничего въ опустошенномъ городѣ.

Въ день паденія Смоленска, графъ Витгенштейнъ разбилъ на голову французовъ предъ Полоцкомъ.

VII.

Нашъ главнокомандующій (которому, замѣтимъ кстати, добровольно подчинился старшій по чину князь Ба-

---

нами удержанъ, и армія Наполеона, атакуя его твердыни, потеряла бы больше, чѣмъ потомъ при Бородинѣ. Къ тому же, масса его кавалеріи оставалась бы безъ участія въ ходѣ боя, по невозможности употребить ее въ дѣло противъ крѣпости. Дать генеральный бой подъ Смоленскомъ было бы поэтому для насъ несравненно выгоднѣе, чѣмъ принять бой на поляхъ Бородина. Отбитая, а, можетъ быть, и преслѣдуемая армія Наполеона, во всякомъ случаѣ, понесла бы громадныя потери, ослабѣла бы духомъ и не рѣшилась бы идти послѣ пораженія къ Москвѣ. Ей пришлось бы надолго остановиться, чтобы прійти въ порядокъ, или отступить къ Могилеву. Москва была бы спасена, и походъ кампаніи 1812 года ускорился бы самъ собою, оправдавъ слова Багратіона, что Наполеонъ найдетъ въ Россіи второй Египетъ, т.-е. долженъ будетъ бросить армію и лично бѣжать изъ нея. Кутузовъ поправилъ дѣло Барклая, Наполеонъ все-таки бѣжалъ; но Москва была принесена въ жертву, которой могли и не потребовать обстоятельства, если бы голосъ кн. Багратіона имѣлъ бо́льшее вліяніе на ходъ боевыхъ операцій». «Историческій Вѣстникъ» 1894 г.

гратіонъ) положилъ отступать по Дорогобужской дорогѣ... Но немногіе понимали необходимость отступленія,— большинство требовало битвы. *Нѣтъ, братцы, дѣло не чисто, намъ измѣняютъ; у насъ командиръ—нѣмецъ, и душа его не болитъ по матушкѣ родной землѣ*, говорили солдаты. Холодно встрѣчаемый войскомъ, Барклай поссорился и съ Багратіономъ и даже удалилъ изъ арміи цесаревича Константина Павловича и генерала Беннигсена. Да и непріятель былъ недоволенъ своею кажущеюся побѣдой: *что намъ пользы, что русскіе все отступаютъ да отступаютъ*, роптали они: *враги наши и выѣденнаго яйца намъ не оставляютъ...*

Слухи, невыгодные для Барклая, дошли до императора Александра, который сильно надъ ними призадумался не потому, чтобъ онъ не былъ увѣренъ въ честности своего главнокомандующаго, а потому, что понималъ невозможность оставить во главѣ войска такого человѣка, который не пользовался довѣріемъ своихъ подчиненныхъ и всей Россіи... Въ такихъ-то обстоятельствахъ императоръ Александръ внялъ народному голосу и выбралъ главнокомандующимъ изъ русскихъ генераловъ, именно престарѣлаго Михаила Иларіоновича Кутузова, любимца Суворова. Вѣсть о назначеніи новаго полководца съ русскимъ именемъ была встрѣчена съ восторгомъ въ войскѣ и въ народѣ.

VIII.

Потеря Смоленска и отступленіе нашей арміи встревожили Москву; но распорядительность и, главнымъ образомъ, печатныя объявленія военнаго губернатора, графа Ѳедора Васильевича Растопчина, писанныя просто и вмѣстѣ съ тѣмъ вразумительно, много способствовали какъ къ поддержанію порядка въ столицѣ, такъ равно раздули въ сердцахъ русскихъ страшную ненависть къ Наполеону.

Здѣсь, кстати, представимъ нѣкоторыя воззванія его, заслуживающія вполнѣ быть упомянутыми въ описаніи Отечественной войны.

26 іюня Растопчинъ препроводилъ слѣдующее объявленіе къ священникамъ двухъ католическихъ церквей, находящихся въ Москвѣ: «Императоръ французовъ вступилъ въ предѣлы Россіи. Война началась. Зная образъ мыслей вашихъ и должность священнаго званія, вами отправляемую, обращаюсь къ вамъ, милостивые государи мои, прося покорно употребить убѣдительнѣйшее средство, по мѣрѣ возможности, ко внушенію иностранцамъ прихода вашего, чтобъ они въ поступкахъ своихъ были благоразумнѣе и въ разговорахъ ограничивали себя скромностью. Надѣюсь, что имъ будетъ возможно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе военнаго времени, почтить тотъ край, котораго государь являетъ имъ отеческую защиту, а подданные его величества оказываютъ гостепріимство, гдѣ бѣдные находятъ изобиліе, несчастные покровъ и бродяги-странники свое счастіе. Я въ полномъ увѣреніи, что совѣты ваши подѣйствуютъ на умы легкомысленные и развращенные, и что начальству не останется другого дѣла, какъ только пещись о сохраненіи общей тишины, вмѣсто розысковъ, наказаній и употребленія строгихъ мѣръ къ водворенію порядка и успокоенію народа, съ давняго времени, особенно нынѣ, раздраженнаго противъ французовъ».

1-го іюля явилась печатная афишка съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и московскаго мѣщанина Карнюшки Чихирина, *который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній крючокъ на Тычкѣ, услышалъ, будто Бонапартъ хочетъ итти въ Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ подъ орломъ собравшемуся народу:* «Какъ! къ намъ? Милости просимъ, хоть на святкахъ, хоть на масленицу; да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется горой. Полно демономъ-то наряжаться: молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ сгинешь! Сиди-ка дома да играй въ жмурки,

либо въ гулючки. Полно тебѣ фиглярить: вишь солдаты-то твои—карлики, да щегольки,—ни тулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни онучъ не надѣнутъ. Ну гдѣ имъ русское житье-бытье вынести? Отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которые въ зиму-то и останутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ, будутъ у воротъ замерзать, на дворѣ околѣвать, въ сѣняхъ зазябать, въ избѣ задыхаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! *Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить*. Карлъ-то шведскій пожилистѣй тебя былъ, да и чистой царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату. Да и при тебѣ будущихъ-то мало будетъ. Побойчѣй французовъ твоихъ были—поляки, татары и шведы, да и тѣхъ наши такъ отпотчивали, что и по сю пору вокругъ Москвы курганы, какъ грибы, а подъ грибами-то—ихъ кости. Ну, и твоей силѣ быть въ могилѣ. Да знаешь ли, что такое наша матушка Москва? Вѣдь не городъ, а царство. У тебя дома-то слѣпой да хромой, старухи да ребятишки остались, а на нѣмцахъ не выѣдешь: они тебя съ маху осѣдлаютъ. А на Руси што, знаешь ли ты, забубенная голова? Выведено 600,000, да забритыхъ 300,000, да старыхъ рекрутъ 200,000. А все молодцы: одному Богу вѣруютъ, одному царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, всѣ—братья родные. Да коли понадобится, скажи намъ батюшка Александръ Павловичъ: *сила христіанская, выходи!*—и выступитъ безконечная, и свѣту Божьева не увидишь! Ну передниxъ бей, пожалуй: тебѣ это по сердцу, за то остальные-то тебя докапаютъ на вѣки вѣковъ. Ну какъ же тебѣ къ намъ забраться? Не токмо што Ивана Великова, да и Поклонной во снѣ не увидишь. Бѣлорусцевъ возьмемъ, да тебя въ Польшѣ и погребемъ. Ну и поминай какъ звали! Посему и прочее разумѣвай, не наступай, не начинай и направо кругомъ домой ступай и знай изъ роду въ родъ, каковъ русскій народъ». Потомъ Чихиринъ пошелъ бодро и запѣлъ: «*Во полѣ береза стояла*, а народъ, смотря на него, говорилъ: *откуда что берется? А что говоритъ дѣло, то ужъ дѣло!*»

Сообщая каждый день жителямъ извѣстія, получаемыя изъ арміи, графъ Растопчинъ не скрывалъ отъ нихъ приближенія непріятеля, но вмѣстѣ продолжалъ успокоивать умы своими народными воззваніями: Слава Богу!—вѣщалъ онъ москвитянамъ, въ *дружескомъ посланіи* 9-го августа,—все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ, и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобы злодѣя побить, и то будетъ. Станемъ Богу молиться да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и московскіе чудотворцы; предъ свѣтомъ—милосердый государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты—христолюбивое воинство. А чтобы скорѣе дѣло рѣшить, государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ. Они рады съ вами и жить и умереть. Когда дѣло дѣлать,—я съ вами, на войну итти,—передъ вами, а отдыхать,—за вами. Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуемъ. *Все перемелется—мука будетъ.* Берегись одного—пьяницъ да дураковъ. Они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши врасплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его дѣло—кожу драть; обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего: солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ—золотыя горы, народу свободу, а всѣхъ ловитъ за виски да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего прошу, если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то, и другое, то, какой бы ни былъ, за хохолъ—да на съѣзжую. Тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда, а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу. Мнѣ на то и власть дана, и государь изволилъ приказать: *беречь матушку Москву*, а кому жъ беречь мать какъ не деткамъ!? Ей-Богу, братцы, государь на васъ какъ на Кремль надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введете въ слово. А я вѣрный слуга царскій и православный христіанинъ. Вотъ моя и молитва: Господи Царю Небесный! Продли дни благочестиваго царя на-

шего! Продли благодать Твою на православную Россію; продли мужество христолюбиваго воинства; продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! Направь стопы воиновъ на гибель враговъ; просвѣти и укрѣпи ихъ силою животворящаго креста, чело ихъ охраняюща, симъ знаменіемъ побѣдиша».

17 августа графъ Растопчинъ обнародовалъ: «Здѣсь есть слухъ и есть люди, кои ему вѣрятъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бъ это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха -меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ, и родню, которые, при женщинахъ въ будущихъ, отправились безъ возврату. Если, по ихъ, есть опасность, то непристойно, а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ сто тридцать тысячъ войска славнаго, тысяча восемьсотъ пушекъ и свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода русскихъ силъ и надъ всѣми начальникъ. У него, сзади непріятеля, генералы Тормасовъ и Чичаговъ, восемьдесятъ тысячъ славнаго войска: генералъ Милорадовичъ изъ Калуги прошелъ въ Можайскъ съ 36,000 пѣхоты, 3,800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ черезъ три дни придетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальныя семь тысячъ вслѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ -четырнадцать тысячъ пѣхоты. А если мало этого для гибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: *ну, дружина московская, пойдемъ и мы!* И выведемъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь да 150 пушекъ, и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150,000 человѣкъ, кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и государь императоръ на-дняхъ изволилъ прибыть въ

вѣрную свою столицу*). Прочитайте; понять можно все, а толковать нечего».

Въ Москвѣ жило тогда 1,600 французовъ. Военный губернаторъ слѣдилъ за ними и, удостовѣрившись въ дурномъ поведеніи и неблагонамѣренности нѣкоторыхъ, отправилъ ихъ на баркахъ въ Саратовъ. Въ числѣ 43 *выборной канальи изъ каналій*, такъ изъяснился онъ въ отношеніи къ министру полиціи, находились актеры, ремесленники, закладчики и 14 воспитателей юношества. По вступленіи непріятелей въ Вязьму, графъ Растопчинъ занялся отправленіемъ изъ Москвы присутственныхъ мѣстъ и учебныхъ заведеній въ Казань, а 175 пушекъ—въ Нижній-Новгородъ. Остался только Правительствующій Сенатъ, который не прерывалъ своихъ занятій до 29 августа.

20 августа появилась слѣдующая афиша: «Главная квартира между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ предъ Гжатью. Мѣсто, нашими войсками занимаемое, прекрѣпкое, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію. Теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ войскъ, а черезъ два дня у насъ еще прибудетъ 20.000; но наши войска русскіе, единаго закона, единаго царя, защищаютъ церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши, непріятели же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ. Если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай какъ звали! Вы знаете, что я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается; а что было вчера — не хорошо, и побранить есть за что: два нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что шпіоны, а для этого допросить должно: это мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату, русскому. И что за диковина ста человѣкамъ прибить костяного француза или въ парикѣ окуреннаго нѣмца! Охота руки марать! И кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете,

* Государь находился тогда въ Або, гдѣ 18 августа укрѣпилъ союзъ Россіи съ Швеціей.

что шпіонъ,—ну веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія русскимъ. Войска-то французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненые привезены; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ смотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались,—не оставьте ихъ, посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это государевы вѣрные слуги и наши друзья,—какъ имъ не помочь!»

IX.

Мы оставили нашу армію, ожидающую, какъ манну съ неба, прибытія къ ней главнокомандующаго М. Ил. Кутузова... Что онъ былъ за человѣкъ и чѣмъ прославился, что его съ такимъ нетерпѣніемъ ждала русская армія? Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, Россійской имперіи князь, съ титуломъ свѣтлѣйшаго и названіемъ Смоленскаго, родился въ Петербургѣ 5 сентября 1745 года. Отецъ его, Иларіонъ Матвѣевичъ, началъ службу при Петрѣ Великомъ и былъ однимъ изъ образованныхъ людей своего времени. У Михаила Иларіоновича рано умерла мать, и его взяла къ себѣ на воспитаніе бабка. Въ дѣтствѣ онъ былъ добръ, остроуменъ, но вспыльчивъ, и въ то же время безпеченъ, лѣнивъ на ученье; первымъ удовольствіемъ его было поспать, понѣжиться, да послушать сказочекъ...

Когда уже Михаилъ Иларіоновичъ сталъ подростать, отецъ отдалъ его въ артиллерійско-инженерную школу, гдѣ за успѣхи онъ былъ оставленъ на нѣсколько мѣсяцевъ при школѣ, въ помощь учителямъ; на выданномъ ему тогда свидѣтельствѣ сказано: *сверхъ математическихъ наукъ, прапорщикъ Кутузовъ знаетъ хорошо нѣмецкій и французскій языки, и на латинскомъ разумѣетъ автора.* Кутузову было тогда 15 лѣтъ. «Особеннымъ счастіемъ моимъ,—говорилъ онъ впослѣдствіи,—было ока-

зываемое мнѣ въ то время покровительство и совѣты родственника моего, директора морского корпуса Ивана Лонгиновича Голенищева-Кутузова».

Во всю свою жизнь Михаилъ Илларіоновичъ любилъ его искренно и называлъ его не иначе, какъ отцомъ своимъ. Будучи уже полнымъ генераломъ, писалъ онъ Ивану Лонгиновичу при пожалованіи его званіемъ *), считавшимся въ 1 классѣ государственной службы, слѣдующее: *Вы можете себѣ представить, батюшка, какъ меня порадовало фельдмаршество ваше. Я въ одинъ день получилъ о семъ увѣдомленіе отъ разныхъ лицъ, а безцѣнное письмо ваше наградило меня надолго за всѣ скучныя бесѣды въ Выборгѣ. На ваше замѣчаніе о Торопецкомъ дворянинѣ, въ сиротствѣ и безъ покровителей теченіе начавшемъ, я сдѣлаю свое замѣчаніе: ежели такой дворянинъ дошелъ до фельдмаршала, такой видно родился необыкновеннаго покроя: до сей степени не дослужиться въ двадцать лѣтъ, а на продолжительномъ пути службы сколько препятствій случается, которыхъ обыкновенный ѣздокъ не преодолѣетъ, кольми паче прямо и все прямо ѣдучи. Простите, батюшка! Ручки ваши цѣлую и надѣюсь васъ долго, долго фельдмаршаломъ видѣть»*.

По счастливому случаю, Кутузовъ былъ замѣченъ императрицею Екатериною II, и въ 1762 году молодой прапорщикъ былъ опредѣленъ адъютантомъ къ ревельскому генералъ-губернатору. Пробывши два года адъютантомъ, онъ поступилъ въ дѣйствующую армію, и въ Польшѣ, въ 1764 году, началъ воинское поприще, которое почти полстолѣтія суждено ему было провесть въ бояхъ, достигнувъ на немъ высшихъ должностей.

Съ 1770 года, когда его перевели въ армію графа Румянцева, имя Кутузова пріобрѣтаетъ нѣкоторую извѣстность: за отличія, оказанныя имъ въ побѣдахъ при Ларгѣ и Кагулѣ, Румянцевъ произвелъ его изъ капитановъ прямо въ премьеръ-майоры, минуя секундъ-майорскій чинъ.

---

*) Президента Адмиралтействъ-Коллегіи.

а въ слѣдующемъ году онъ произведенъ былъ въ подполковники. Но въ 1772 году ждала его непріятность по слѣдующему случаю. Заслуживъ уваженіе начальниковъ, Кутузовъ жаждалъ воинской чести, но въ то же время онъ увлекался юностью и живостью своего пылкаго характера. Душа общества, разгульный товарищъ, напрашиваясь въ опасныя мѣста, онъ былъ такъ нетерпѣливъ и пылокъ, что не всегда могъ смирять себя въ гнѣвѣ, и веселая шутка его иногда не знала умѣренности. Искусно подражая разговору и пріемамъ каждаго, Кутузовъ вѣрно схватывалъ забавную сторону всѣхъ, и въ кругу товарищей не щадилъ самого главнокомандующаго. Проказы молодого подполковника были переданы Румянцеву, и онъ перевелъ Кутузова изъ Молдавской арміи въ Крымскую*).

Неудовольствіе Румянцева послужило урокомъ ему и имѣло вліяніе на всю жизнь его. Онъ послѣ перехода въ Крымскую армію совершенно перемѣнился. Какъ Суворовъ скрылъ себя подъ маскою Эзопа, такъ Кутузовъ затаилъ свою пылкость и остроуміе и разъ навсегда предписалъ себѣ неизмѣнныя правила жизни, дѣлъ и даже рѣчей. «Не мѣшая ничьему самолюбію, онъ затаилъ въ глубинѣ души самобытность своего характера, заставилъ умъ свой уживаться съ другими, и вскорѣ не узнавали Кутузова. Смиряя свое воображеніе, не позволяя себѣ неосторожнаго слова, онъ давалъ дорогу всѣмъ, увѣренный, что его найдутъ, если онъ понадобится, и принимая правиломъ: *какое намъ дѣло до другихъ,—будемъ знать самихъ себя*, и—*лучше быть излишне осторожнымъ, нежели слишкомъ оплошнымъ и допустить обмануть себя кому-нибудь*. Единожды навсегда принятый Кутузовымъ планъ жизни и дѣлъ оправдался»**).

При покореніи Крыма Кутузовъ отличился въ 1773 году, а въ слѣдующемъ году былъ такъ жестоко раненъ, что доктора отчаялись въ его жизни: *пуля ударила его*

*) Военная галлерея Зимняго дворца.
**) Тамъ же.

въ лѣвый високъ и вылетѣла близъ праваго глаза. Кутузовъ потерялъ глазъ, но къ удивленію врачей выздоровѣлъ. Екатерина Великая встрѣтила героя благосклонно, разсказывала въ своемъ близкомъ кругу объ удивительномъ спасеніи его и, наградивъ Георгіевскимъ крестомъ, отправила для окончательнаго излѣченія за границу.

Подъ предводительствомъ Потемкина, во время осады Очакова, Кутузовъ снова былъ жестоко раненъ, и снова всѣ отчаялись въ жизни его: *пуля ударила его въ щеку и вылетѣла въ затылокъ.* Михаилъ Илларіоновичъ не только остался живъ, но даже вскорѣ поступилъ въ армію. *Должно полагать, что судьба назначаетъ Кутузова къ чему-нибудь великому, ибо онъ остался живъ послѣ двухъ ранъ, смертельныхъ по всѣмъ правиламъ науки медицинской,* доносилъ императрицѣ главный докторъ арміи, Масотъ. На этотъ разъ предвѣщанія врача не были ошибочны. Мысль его повторилъ поэтъ Державинъ, вѣщая въ пророческомъ духѣ о ранахъ Кутузова:

Смерть сквозь главу его промчалась,
Но жизнь его цѣла осталась:
Самъ Богъ его на подвигъ блюлъ.

Въ Турецкую войну 1789 года, когда ревностно дѣйствовалъ только одинъ Суворовъ, Кутузовъ охранялъ берега Днѣстра и Буга; находился тоже при взятіи Гаджибея*) Гудовичемъ; захватилъ при Каушанахъ турецкаго пашу и былъ при занятіи Бендеръ, а когда, въ 1790 году, Суворову вздумалось взять Измаилъ, Кутузовъ присоединился къ нему. Дѣло было такъ: когда на военномъ совѣтѣ, за неприступностью крѣпости, положили оставить осаду Измаила, и уже войска начали отступать, то увидѣли скачущій во весь опоръ отрядъ казаковъ и впереди его всадника въ солдатской шинели; то былъ знаменитый Суворовъ. Онъ привезъ повелѣніе Потемкина: *взять Измаилъ*—предпріятіе, въ зимнее время и съ войскомъ, значительно уступавшемъ въ числѣ измаильскому гарни-

*) Нынѣшняя Одесса.

зону, болѣе нежели отважное. *Мнѣ дана воля отступать и не отступать, слѣдственно отступать не приказано*, говорилъ Суворовъ на военномъ совѣтѣ, отвѣчая между тѣмъ Потемкину: *Безъ особеннаго повелѣнія вашего безвременно отступить было бы постыдно*, и излагая мнѣніе свое по совѣту въ слѣдующихъ словахъ: *отступить предосудительно, спрашивать повелѣній некогда, блокировать безполезно,—что же дѣлать?—Штурмовать*, первый сказалъ Платовъ, какъ младшій, тогда бывшій бригадиромъ, впослѣдствіи же доблестный атаманъ донцовъ и гроза французовъ. *Штурмовать! штурмовать!* раздалось со всѣхъ сторонъ. Но различно было воззрѣніе генераловъ на способы привести въ исполненіе приступъ... Черезъ часъ, прославившійся дальновидностью и необыкновенною способностью, адмиралъ Рибасъ представилъ Суворову свои соображенія о штурмѣ. Суворовъ показалъ ихъ Кутузову. Прочитавъ предположеніе Рибаса, Кутузовъ сказалъ Суворову: *Если вы согласитесь съ Рибасомъ, то вся слава взятія Измаила будетъ принадлежать ему*. Суворовъ воскликнулъ тогда: *Кутузова и Рибасъ не обманетъ!* Слова эти обратились впослѣдствіи въ характеристику Михаила Илларіоновича. При штурмѣ Кутузову поручена была одна изъ колоннъ, шедшихъ на приступъ. Истощивъ всѣ усилія храбрости, онъ послалъ извѣстить Суворова о невозможности преодолѣть непріятеля. *Скажите ему*, отвѣчалъ Суворовъ, *что я донесъ уже въ Петербургъ о покореніи Измаила, а Кутузова назначаю измаильскимъ комендантомъ!* Измаилъ палъ, и когда потомъ Кутузовъ просилъ у Суворова объясненія на странный отвѣтъ, —*помилуй Богъ, ничего*, воскликнулъ герой Рымника,—*ничего: Суворовъ знаетъ Кутузова, а Кутузовъ знаетъ Суворова, и если бъ Измаилъ не былъ взятъ, Суворовъ не остался бы въ живыхъ и Кутузовъ тоже*. Превознося похвалами храбрость Кутузова, Суворовъ доносилъ: *онъ шелъ у меня на лѣвой рукѣ, а былъ моей правою рукой*. Императрица Екатерина наградила Кутузова чиномъ генералъ-поручика и орденомъ Георгія 3-й степени.

Въ 1791 году Рѣпнинъ перешелъ за Дунай, и 27 іюня далъ Мачинскую битву. Кутузовъ начальствовалъ въ этомъ сраженіи правымъ крыломъ; онъ первый началъ битву. *Расторопность и распорядительность Кутузова превосходятъ всякую похвалу*, писалъ о немъ Рѣпнинъ. Михаилъ Illаріоновичъ награжденъ былъ Георгіемъ 2-й степени.

Изъ Дунайской арміи Кутузовъ перешелъ въ Польщу, находился подъ начальствомъ Каховскаго и много способствовалъ своей неутомимою дѣятельностью разбитію корпуса Косцюшки.

Императрица Екатерина призвала его въ Петербургъ, гдѣ ожидало его новое порученіе: онъ былъ назначенъ посломъ въ Царьградъ. Посольство было великолѣпное. Михаилъ Илларіоновичъ изумлялъ умъ тѣхъ, которые такъ недавно видали его на поляхъ брани, и никогда прежде не оказывали россійскимъ посламъ такихъ почестей, какія были оказаны Кутузову. Представитель побѣдоносной императрицы, многолѣтній участникъ побѣдъ ея надъ турками. Кутузовъ ослѣпилъ дворъ умомъ и любезностью; угрюмый султанъ, никогда не смѣявшійся, развеселялся въ его бесѣдѣ. При торжествѣ Ясскаго мира императрица наградила Кутузова 2.000 душъ, а въ 1795 году вызвала его въ Россію и облекла новыми обязанностями: она назначила его главнокомандующимъ Финляндіи, соединивъ эту обязанность съ званіемъ директора кадетскаго корпуса. Императрица приняла Кутузова въ небольшой кругъ особъ, составлявшихъ ея избранное общество, и кончина Великой Екатерины не измѣнила общественнаго положенія Кутузова. Во все же время царствованія императора Павла Кутузовъ былъ близкою къ нему особою, постоянно удостоиваясь его довѣренности: такъ, присутствуя при маневрахъ войскъ, находившихся въ столицѣ, императоръ изъявилъ удовольствіе свое Кутузову, подъ распоряженіями котораго производились маневры. *При такомъ генералѣ, какъ Кутузовъ*, сказалъ Павелъ Петровичъ, *Россія можетъ быть спокойна*. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что Кутузовъ провелъ вечеръ наканунѣ кончины импе-

ратрицы Екатерины въ ея обществѣ, и также вечеромъ наканунѣ кончины Павла Петровича бесѣдовалъ съ нимъ.

По восшествіи на престолъ, императоръ Александръ изъявилъ Кутузову свою полную довѣренность. Въ іюнѣ 1801 г. онъ возведенъ въ должность петербургскаго генералъ-губернатора и инспектора войскъ въ Финляндіи.

Въ августѣ 1802 года, чувствуя себя изнуреннымъ трудами дѣятельной, безпрерывной сорокалѣтней службы и тяжкими ранами, Кутузовъ просилъ увольненія и получилъ его съ изъявленіемъ царской признательности къ его заслугамъ. Думалъ ли тогда Кутузовъ, что судьба дастъ ему только кратковременный отдыхъ, что самый великій, самый дѣятельный періодъ его жизни только начнется въ близкомъ будущемъ?..

Проживая въ своемъ прекрасномъ имѣніи, Кутузовъ, по привычкѣ спокойный и постоянно веселый, казался теперь обыкновеннымъ дворяниномъ въ кругу окрестныхъ помѣщиковъ-сосѣдей, чиновниковъ, пріѣзжавшихъ къ нему, даже духовныхъ особъ, которыхъ удивлялъ онъ своими познаніями въ богословскихъ сочиненіяхъ. Михаилъ Илларіоновичъ казался добрымъ отцомъ семейства, добродушнымъ бариномъ между крестьянами, любя разговаривать со стариками, когда прогуливался по своему помѣстью...

Когда въ 1805 году началась первая война императора Александра съ Наполеономъ, въ союзѣ съ Австріей, Кутузовъ, живя въ деревнѣ, получилъ увѣдомленіе, что ему поручаютъ корпусъ войскъ, идущій на соединеніе съ союзниками.

Прибывъ немедленно къ мѣсту назначенія, Кутузовъ 13 августа повелъ свой корпусъ черезъ Моравію. Пока войско было въ походѣ, Кутузовъ посѣтилъ Вѣну и условился о военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ видѣлъ нелѣпость распоряженій австрійскаго полководца Макка и, не имѣя возможности противиться имъ, удвоилъ осторожность. Неожиданное появленіе Наполеона передъ арміей Макка заставило Кутузова спѣшить соединеніемъ. Онъ былъ уже недалеко отъ войска Макка, какъ услышалъ объ уничто-

женіи австрійской арміи Наполеономъ. Кутузову теперь пришлось думать не о побѣдѣ, но о спасеніи, и онъ, въ виду всей побѣдоносной Наполеоновской арміи, совершилъ въ порядкѣ свое дивное отступленіе, почти на 400 верстъ, пока соединился съ главною русско-австрійскою арміей, гдѣ находились императоры Александръ и Францъ.

Распорядительность Кутузова награждена была австрійскимъ орденомъ Маріи-Терезіи 1-й степени, и ему поручено было главное начальство надъ союзною арміей.

Михаилъ Илларіоновичъ хотя и принялъ на себя званіе главнокомандующаго, но вскорѣ увидѣлъ, что взялъ на себя отвѣтственность за ошибки другихъ».

«Вопреки спора его, ноября 20-го дана была битва Аустерлицкая, гдѣ не помогли ни храбрость войскъ, ни самоотверженіе вождей. Союзники отступили въ безпорядкѣ, потерявъ до 25.000 человѣкъ и 200 пушекъ. Кутузовъ былъ раненъ; любимый зять его, графъ Тизенгаузенъ, убитъ; но ни тѣлесныя, ни душевныя страданія не заставили его оставить боя, гдѣ видѣли его хладнокровнымъ и великимъ среди бѣдствія, какъ потомъ видали неизмѣнно такимъ среди торжествъ. Когда Пресбургскій миръ окончилъ войну Австріи съ Наполеономъ, устрашенная успѣхами его Пруссія подтвердила миръ, и русскія войска отступили въ предѣлы Россіи. Кутузовъ, награжденный орденомъ св. Владиміра 1-й степени, видѣлъ несправедливую холодность, къ нему оказываемую. Вина другихъ приписана была ему. При началѣ второй войны русскихъ съ Наполеономъ, въ союзѣ съ Пруссіей, армію поручили дряхлому фельдмаршалу Каменскому, а Кутузовъ въ октябрѣ 1806 года опредѣленъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ *). Тутъ оставался онъ до 1808 года, когда, по кончинѣ Михельсона, поручено было окончить войну съ Турціей семидесятипятилѣтнему фельдмаршалу князю Прозоровскому. Онъ просилъ въ *помощники* себѣ Кутузова,

---

*) Русскіе полководцы, сост. Н. Полевымъ.

говоря: *Кутузовъ почти мой ученикъ, и методу мою отлично знаетъ*. Кутузовъ прибылъ въ армію, смиренно повиновался вымышленному учителю, утѣшалъ, когда Прозоровскій плакалъ и приходилъ въ отчаяніе послѣ неудачнаго приступа къ Браилову.

— Не такія бѣды бывали со мной, — говорилъ Кутузовъ:—я проигралъ Аустерлицкое сраженіе и то не плакалъ, а оно рѣшало участь Европы.

Но уступчивость Кутузова не образумила старца-фельдмаршала, и въ іюлѣ 1809 года онъ жаловался императору Александру на Кутузова, называя его бунтовщикомъ и помѣхою, а не ученикомъ. Вслѣдствіе этого Кутузовъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Вильну.

Желая скорѣе окончить войну съ Оттоманскою Портою, начальство надъ русскою арміей на Дунаѣ отдали, послѣ смерти Прозоровскаго, сперва Багратіону, потомъ молодому Каменскому, но они не умѣли заставить Турцію просить мира. Тогда вспомнили про Кутузова и назначили его главнокомандующимъ Дунайскою арміей. Апрѣля 7-го 1811 года Кутузовъ пріѣхалъ изъ Вильны въ Бухарестъ и перешелъ съ хитростью изъ наступательной войны въ оборонительную; онъ надѣялся *скромнымъ поведеніемъ* достигнуть побѣды, ибо все равно, говорилъ онъ, побѣдить непріятеля *симъ* или *инымъ способомъ*, но только побѣдить.

Искусными движеніями Кутузовъ вызвалъ семидесятипятитысячную армію, подъ предводительствомъ верховнаго визиря, на битву близъ Рущука, гдѣ 22 іюня нанесъ туркамъ значительное пораженіе. Жалуя Кутузова своимъ портретомъ, Александръ Павловичъ подтверждалъ о наступательномъ движеніи. Но Кутузовъ хитрилъ: онъ отступилъ и тѣмъ заставилъ верховнаго визиря преслѣдовать его и перейти Дунай. Тутъ роли перемѣнились: трусившій Кутузовъ ожилъ вдругъ, обложилъ непріятельскій станъ на лѣвомъ берегу Дуная, и русскіе полки показались въ тылу его. Произошло замѣшательство въ турецкой арміи, и русскіе овладѣли всѣмъ непріятельскимъ лагеремъ; 12.000 турокъ сдалось Куту-

зову. За это дѣло Михаилъ Илларіоновичъ былъ возведенъ въ графское достоинство 29 октября 1811 года.

Великій подвигъ былъ совершенъ Кутузовымъ, но ему еще предстоялъ подвигъ важнѣйшій—заключить миръ съ турками; объ этомъ императоръ Александръ вызывалъ Кутузова именемъ отечества обратить всѣ усилія къ заключенію мирныхъ договоровъ, и въ мартѣ 1812 года писалъ ему слѣдующее: «Слава ваша будетъ вѣчная. Всякая потеря времени есть въ настоящихъ обстоятельствахъ совершенное зло. Отстраните всѣ побочныя занятія и съ тѣмъ проницаніемъ, коимъ вы одарены, примитесь сами за сію столь важную работу». Кутузовъ отвѣчалъ: «Вы, всемилостивѣйшій государь, изволите вызывать именемъ отечества, которое конечно я люблю всѣми чувствами, но гдѣ имя ваше, государь, тамъ не надобно мнѣ гласа отечества».

Съ помощью врожденнаго краснорѣчія, наконецъ, Кутузовъ восторжествовалъ надъ верховнымъ визиремъ и торопился подписать предварительныя статьи мира прежде заключенія окончательнаго договора. Турки обязались уступить Россіи Бессарабію съ крѣпостями: Измаиломъ, Бендерами, Хотиномъ, Киліею и Аккерманомъ. Подписывая предварительныя статьи мира, Кутузовъ переступилъ данныя ему по нѣкоторымъ статьямъ повелѣнія, руководимый желаніемъ прекратить войну съ Портою прежде нашествія Наполеона, уже стоявшаго на границахъ Россіи. Представляя государю о своихъ дѣйствіяхъ, онъ писалъ: «Предаюсь великодушію вашего императорскаго величества. Что я ничего лучше сдѣлать не могъ, тому причиною положеніе дѣлъ въ Европѣ; что я никакихъ не упустилъ стараній и способовъ, тому свидѣтель Богъ. Уважьте, всемилостивѣйшій государь, что при всѣхъ лестныхъ обѣщаніяхъ, отъ Франціи Портѣ дѣлаемыхъ, и при ожиданіи непріятностей для Порты въ случаѣ ея отказа,—заключить миръ, выгоднѣйшій Яссскаго и Кайнарджинскаго, ибо Порта лишается своихъ лучшихъ пяти крѣпостей и съ немалымъ пространствомъ земли—дѣло не пустое. Но ежели за всѣмъ тѣмъ выгоднѣе бу-

детъ разорвать все, мною сдѣланное, въ такомъ случаѣ приму безъ роптанія все, что касательно меня послѣдовать можетъ; несчастіе частнаго человѣка съ пользою общею ни въ какой расчетъ не входитъ».

Послѣ подписанія предварительныхъ статей мира, полномочные обѣихъ сторонъ 6 мая приступили къ начертанію мирнаго договора. Въ этотъ же день пріѣхалъ въ Бухарестъ адмиралъ Чичаговъ на смѣну Кутузова. Сдавая своему преемнику армію, Кутузовъ продолжалъ составленіе окончательныхъ статей мирнаго договора, который и заключенъ былъ 16 мая. Вотъ какимъ образомъ окончена была война съ Турціей, начатая еще въ 1806 году. «Если бы, замѣчаетъ Михайловскій-Данилевскій, Кутузовъ не ознаменовалъ въ 1812 году своего поприща разгромомъ Наполеоновскихъ полчищъ, то уже тѣмъ однимъ являлъ онъ необозримую въ своихъ послѣдствіяхъ заслугу, что въ бореніи за цѣлость Россіи и независимость европейскихъ державъ онъ предоставилъ императору Александру средство обратить противъ Наполеона войско, закаленное въ битвахъ съ турками, шесть лѣтъ не разряжавшее ружей, и появленіемъ своимъ въ тылу непріятелей имѣвшее вліяніе на событіе міровое—войну Отечественную. Вся Россія ликовала, узнавъ о примиреніи съ Портою. Необходимость окончанія Турецкой войны уже была не тайною государственною, но потребностью, постигаемою всѣми сословіями».

Передъ отъѣздомъ изъ Молдавской арміи Кутузовъ, всегда обращавшійся съ подчиненными привѣтливо и ласково, говорилъ въ приказѣ по войскамъ: Дружба ко мнѣ начальниковъ, услаждая горькія минуты, нераздѣльныя съ трудами и безпокойствіемъ военной осторожности въ продолженіе девяноста дней па бивакахъ, способствовала къ тѣмъ событіямъ, которыя время оправдало. Приношу мою чувствительную благодарность вообще войску и за ту любовь ко мнѣ, которая оградила меня употребить власть мою къ обращенію кого-либо силою къ своимъ обязанностямъ и дозволила мнѣ единственно ходатайствовать для арміи щедротъ Монарха».

Изъ Бухареста, не имѣя никакого назначенія, Кутузовъ отправился въ Волынскую губернію, въ свое помѣстье, мѣстечко Горошки*), Житомірскаго уѣзда.

X.

«Поймите этихъ собакъ, этихъ болвановъ турокъ, у которыхъ дарованіе—быть битыми! И кто могъ бы это предвидѣть, этого ожидать!» воскликнулъ Наполеонъ, услышавъ объ истребленіи Кутузовымъ турецкой арміи. Онъ не предчувствовалъ, что самъ черезъ годъ испытаетъ отъ Кутузова еще горшую участь...

Когда до Кутузова дошло извѣстіе о вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи, онъ счелъ своей обязанностью явиться въ Петербургъ. Императора не было тогда въ сѣверной столицѣ: сперва онъ находился при арміи, послѣ того былъ въ Москвѣ, гдѣ радовалъ Россію миромъ, который даровалъ ей Кутузовъ, и призывалъ подданныхъ ополчиться за отечество.

Между тѣмъ Михаилу Илларіоновичу поручили начальство надъ войсками въ Петербургѣ, Финляндіи и Кронштадтѣ, но никакого дальнѣйшаго назначенія не объявляли. Въ половинѣ іюля, при выборахъ начальниковъ ополченія, Петербургъ и Москва въ одно время избрали Кутузова. *Вы украсили мои сѣдины!* со слезами говорилъ Кутузовъ, явясь въ собраніе петербургскаго дворянства.

---

*) Въ мѣстечкѣ этомъ имѣется до сихъ поръ усадьба съ ветхимъ домомъ, принадлежавшемъ Михаилу Илларіоновичу. Горошки окружено полуразвалившимися земляными валами, въ которыхъ имѣются своды старинныхъ кирпичныхъ воротъ; домъ, гдѣ жилъ фельдмаршалъ Кутузовъ, сооруженъ изъ дубовыхъ бревенъ; внутри все указываетъ на глубокую старину. При усадьбѣ имѣется церковь со старинымъ дубовымъ иконостасомъ. Въ храмѣ этомъ нерѣдко молился престарѣлый воинъ, правая рука генералиссимуса А. В. Суворова.

Графъ Кутузовъ, сдѣлавшись начальникомъ петербургскаго ополченія, исполнялъ свои обязанности съ чрезвычайнымъ усердіемъ: проводилъ цѣлые дни въ пріемѣ ратниковъ, входилъ во всѣ подробности ихъ обмундированія и лично давалъ имъ наставленія. Всѣ взоры были обращены съ сердечнымъ участіемъ на Кутузова, нѣкогда блистательнаго посла Великой Екатерины, бывшаго главнокомандующаго арміей, усердствующаго на пользу общую въ годину бѣдствій отечественной войны.

Императоръ Александръ возвелъ 29 іюля графа Кутузова въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, и вслѣдъ за тѣмъ 8-го августа, призвавъ его къ себѣ, объявилъ ему назначеніе въ главнокомандующіе всѣми арміями и ополченіями.

Свѣтлѣйшій, какъ говорилъ онъ самъ ввечеру того же дня въ кругу родныхъ своихъ, *услышалъ повелѣніе государя съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости, какъ призваніе свыше.*

8-го же августа императоръ Александръ удостоилъ Кутузова слѣдующимъ рескриптомъ:

«Князь Михаилъ Илларіоновичъ! Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ нашихъ дѣйствующихъ армій хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ еще той быстрой дѣятельности, съ каковою надлежало бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля. Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, я нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя достоинства ваши, любовь къ отечеству и неоднократные опыты отличныхъ вашихъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, я прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ россійскаго оружія и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя надежды, которыя отечество на васъ возлагаетъ».

Въ то же время ко всѣмъ главнокомандующимъ ар-

міями: Барклаю де-Толли, князю Багратіону, Тормасову и Чичагову отправлены рескрипты слѣдующаго содержа-жанія:

«Разныя важныя неудобства, происшедшія послѣ соединенія двухъ армій, возлагаютъ на меня необходимую обязанность назначить одного надъ всѣми оными главнаго начальника. Я избралъ для сего генерала-отъ-инфантеріи, князя Кутузова, которому и подчиняю всѣ четыре арміи. Вслѣдствіе чего предписываю вамъ со ввѣренною вамъ арміей состоять въ точной его командѣ. Я увѣренъ, что любовь ваша къ отечеству и усердіе къ службѣ откроютъ вамъ, и при семъ случаѣ, путь къ новымъ заслугамъ, которыя мнѣ весьма пріятно будетъ отличать подлежащими наградами».

Извѣстіе о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами, дѣйствовавшими противъ Наполеона, было встрѣчено, по словамъ извѣстнаго военнаго историка Богдановича, съ невыразимымъ восторгомъ: «Такое расположеніе цѣлаго народа въ пользу одного лица достаточно убѣждаетъ въ необходимости назначенія Кутузова предводителемъ вооруженныхъ силъ государства. Иностранные писатели, не вникнувъ въ положеніе дѣла, старались изслѣдовать, дѣйствительно ли Кутузовъ заслужилъ почетнаго мѣста, на которое постановили его воля царя и гласъ народа—гласъ Божій. Для насъ, русскихъ, такое изслѣдованіе совершенно напрасно: мы чтимъ въ Кутузовѣ полководца, освободившаго Россію отъ чужеземнаго нашествія, благоговѣемъ къ его памяти и вовсе не занимаемся вопросомъ: возможно ли было исполнить лучше то, что такъ хорошо совершилъ Кутузовъ?.. Напрасно говорятъ, что шестидесятисемилѣтній Кутузовъ былъ неспособенъ командовать арміей: до самой кончины онъ сохранилъ свои умственныя способности и, уже лежа на одрѣ смерти въ Бунцлау, подавалъ мудрые совѣты. Нѣкоторые писатели, стараясь помрачить славу нашего вождя, упрекали его въ хитрости, двуличіи, дворскихъ проискахъ. Дѣйствительно, Кутузовъ былъ одаренъ умомъ весьма тонкимъ, доставлявшимъ ему сред-

ства выходить съ успѣхомъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Суворовъ, котораго Кутузовъ былъ любимецъ, говорилъ о немъ, какъ мы уже упоминали, вовсе не въ укоръ: *уменъ, очень уменъ; его и Рибасъ не обманетъ*. Самъ Кутузовъ въ 1812 году, отъѣзжая изъ Петербурга въ армію, на довольно нескромный вопросъ одного изъ ближайшихъ своихъ родныхъ: «неужели вы, дядюшка, надѣетесь разбить Наполеона?» отвѣчалъ: *разбить!.. Нѣтъ! А обмануть—надѣюсь*. Кутузовъ во всю свою жизнь, и тѣмъ болѣе въ преклонныхъ лѣтахъ, отличался уклончивостью, которая нерѣдко доходила до того, что онъ часто жертвовалъ собственными убѣжденіями. Одинъ изъ чиновниковъ главной квартиры, Маевскій, говоритъ, что когда наши войска соединились на рѣкѣ Березинѣ, онъ осмѣлился доложить фельдмаршалу о пользѣ назначенія кого-либо начальникомъ артиллеріи всѣхъ русскихъ армій. «*Кого же лучше*,—отвѣчалъ Кутузовъ, *какъ не Рѣзваго; онъ человѣкъ умный, опытный, и знаетъ это дѣло лучше всѣхъ*». Едва лишь онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ пріѣхалъ къ нему графъ Аракчеевъ: «Государю императору угодно соединить командованіе всею артиллеріей въ лицѣ одного артиллерійскаго генерала,—сказалъ онъ;—выборъ его предоставленъ вашей свѣтлости. Его величество полагаетъ, что всего ближе ввѣрить этотъ постъ А. П. Ермолову».—«*Спросите у него*,—отвѣчалъ Кутузовъ, указывая на Маевскаго,—*мы только что объ этомъ говорили, и я самъ хотѣлъ просить государя императора, чтобы назначенъ былъ Ермоловъ. Да и можно ли сдѣлать лучшій выборъ?*»

«Нѣкоторые иностранные писатели и въ числѣ ихъ Тіеръ, продолжаетъ Богдановичъ, вводя въ эпопею войны 1812 года мелочи частной жизни Кутузова, представляли его *до крайности лживымъ, развращеннымъ* и проч. Другіе старались выказать его лѣнивымъ и недѣятельнымъ, къ чему могла подать поводъ преклонность его лѣтъ, не позволявшая ему ни водить лично полки въ дѣло, ни заниматься письменною частью, которая дѣйствительно была запущена въ его арміи. Важнѣйшія бумаги подно-

симыя къ подписи фельдмаршала, оставляемы были *до завтра*, и это *завтра* иногда повторялось нѣсколько недѣль. Для него написать сряду нѣсколько словъ, либо подписать сряду десять бумагъ—было труднѣе, нежели для другого исписать кругомъ нѣсколько листовъ. Но когда онъ въ хорошемъ расположеніи духа говорилъ приходившему съ дѣлами: *не сердись, любезный, я, право, завтра подпишу твои бумажки* *), тогда можно было почти навѣрно надѣяться, что онъ сдержитъ слово. При столь сильномъ отвращеніи отъ всякой корреспонденціи **), Кутузовъ сохранилъ до самой смерти даръ слова, которымъ онъ очаровывалъ всѣхъ и каждаго. Подобно даровитому импровизатору ***), онъ увлекалъ, приводилъ въ восторгъ и самъ проливалъ слезы, вызванныя чувствомъ. Никто ловчѣе князя Кутузова не умѣлъ вознаграждать оскорбленія, нанесеннаго по нетерпѣнію либо горячности, никто лучше его не обладалъ искусствомъ льстить подъ личиною грубости. Однажды, когда Коновницынъ, представляя Кутузову лично одного изъ своихъ подчиненныхъ, выхвалялъ его храбрость, фельдмаршалъ съ гнѣвомъ сказалъ: *Прошу васъ не брать его съ собою: вы и безъ того уже лишили меня многихъ достойныхъ людей*. Несмотря на недовѣрчивость и скрытность своего характера, Кутузовъ былъ любимъ окружавшими его; недостатки и слабости его не помѣшали ему снискать и сохранить общее довѣріе войскъ. Когда наканунѣ Люценскаго сраженія, одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала привезъ свѣдѣніе объ его смерти, приказано было скрыть эту вѣсть въ глубочайшей тайнѣ: такимъ образомъ уже не было Кутузова, но русская армія пошла въ бой какъ будто бы руководимая его тѣнью ****).

*) Кутузовъ имѣлъ привычку употреблять въ разговорѣ слова въ уменьшительномъ видѣ.

**) Корреспонденція—сношеніе лицъ или мѣстъ въ письмѣ, переписка между ними.

***) Импровизаторъ—сочиняющій и произносящій стихи безъ приготовленія,—словомъ, человѣкъ необыкновенно краснорѣчивый и находчивый.

****) Исторія Отечественной войны 1812 года. Соч. М. Богдановича.

Здѣсь, кстати, приведемъ пѣсню, сложенную солдатами на смерть Кутузова.

Солдатская пѣсня.

«Что солдатушки, что кручины такъ?
Не бѣда ли вамъ отъ злодѣйскихъ рукъ?
Ужъ не дрогнуло ль сердце русское,
Сердце русское, богатырское?
Не ослабли ли руки крѣпкія?
Не колыхнулся ль вашъ булатный штыкъ?»
Какъ промолвили всѣ солдатушки:
«Не бывать тому, чтобъ злодѣй сломилъ: *)
Не дрожать сердцу русскому, богатырскому!
А печаль-тоска, горе лютое,
Отъ очей, какъ ночь, гонитъ бѣлый свѣтъ.
Ахъ! не солнышко закатилося,
Не свѣтелъ мѣсяцъ тучей кроется, —
Какъ отъ насъ ли, отъ солдатушекъ,
Отошелъ нашъ батюшка, Кутузовъ князь!
Не за горы за высокія—
Отошелъ онъ отъ насъ въ мать сыру землю.
Ахъ! не темный боръ завылъ, зашумѣлъ, —
Разрыдалося, слезно всплакало
Войско русское, христіанское.
Какъ не плакать намъ, не кручиниться:
Нѣтъ отца у насъ, нѣтъ Кутузова!
Какъ бывало намъ онъ возговоритъ:
Вы ли русскіе добры воины,
Вы ль солдатушки царя бѣлаго,

*) Слова князя Кутузова изъ приказа, выданнаго вскорѣ послѣ пораженія враговъ подъ Малымъ Ярославцемъ.

Царя бѣлаго, православнаго,
Вы примите приказаніе,
Приказаніе богатырское,
Какъ Суворовъ шелъ по кругымъ горамъ,
Какъ онъ войско велъ по темнымъ облакамъ;
Онъ солдатушкамъ завѣтъ завѣщалъ:
«Вы, солдатушки земли русскія,
«Къ царю русскому вѣрой твердые,
«Вы не бойтеся ни злодѣевъ злыхъ,
«И ни холоду и ни голоду» *).
Разгорѣлися всѣ солдатушки,
Какъ онъ батюшка далъ приказъ такой.
А какъ кланялся онъ солдатушкамъ,
Какъ показывалъ сѣдины свои,
Мы, солдатушки, въ одинъ голосъ всѣ
Прокричимъ: ура! ура! съ нами Богъ!»
И идемъ въ походъ припѣваючи.
Ахъ! и зимушка не знобила насъ,
И безхлѣбица не кручинила:
Только думали, какъ злодѣевъ гнать
Изъ родимыя земли русскія...
Побѣжалъ злодѣй неоглядкою,
Побѣжалъ злодѣй со злодѣями.
Мы за нимъ во слѣдъ — и бить некого!
Такъ потѣшился нашъ отецъ родной,
Нашъ отецъ родной, государевъ слуга,
Ахъ! лишь въ радости по своей землѣ,
По своей землѣ, по Руси святой,
Возопили мы: «великъ русскій Богъ!»
Ужъ печаль-тоска налегла на грудь:
Нѣтъ Кутузова, славна воина!

---

*) Слова князя Кутузова въ приказѣ по арміямъ.

Мы-ль, солдатушки православные,
Позабудемъ то, завѣщалъ что намъ?
Нѣтъ, не радуйся, супостатъ лихой!
Съ нами Богъ земли русскія,
Съ нами память славна воина,
Славна воина Кутузова.
Не кажись, злодѣй! — грудью бросимся:
Не страшна намъ смерть, ты увидишь самъ.
У престола Царя Небеснаго
За насъ молится нашъ отецъ родной; —
А мы молимся о душѣ его
И клянемся всѣ клятвой русскою,
Послужить впередъ, какъ служили съ нимъ!

XI.

11 августа Кутузовъ отправился въ армію. Накапунѣ своего отъѣзда Михаилъ Иларіоновичъ слушалъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ. Въ день отъѣзда народъ, собравшись на Дворцовой набережной, у дома своего защитника, провожалъ его въ путь и напутствовалъ усердными мольбами...

По прибытіи, утромъ 16 августа, въ Торжокъ, свѣтлѣйшій встрѣтилъ генерала Беннигсена, устраненнаго Барклаемъ де-Толли; Кутузовъ велѣлъ ему возвратиться въ армію. Дальнѣйшій путь Кутузова направленъ былъ къ Гжатску. По прибытіи въ окрестности этого города, онъ былъ встрѣченъ множествомъ тамошнихъ жителей, которые, остановивъ его экипажъ, въ пяти верстахъ отъ Гжатска, выпрягли лошадей и везли карету на себѣ до приготовленнаго для него дома. Въ продолженіе полутора-часового пребыванія въ городѣ, онъ занимался отправленіемъ предписаній и отвѣтовъ на бумаги, съ кото-

рыми ожидали его тамъ курьеры, а потомъ отправился въ Царево Займище, гдѣ тогда находилась главная квартира обѣихъ армій. По прибытіи туда къ 3-мъ часамъ дня, Кутузовъ, поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, сказалъ, какъ будто про себя, но довольно громко: «*Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!*» Затѣмъ отправился въ лагерь верхомъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ и бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо и съ нагайкой на ремнѣ черезъ другое. Войска встрѣтили новаго главнокомандующаго, знакомаго всѣмъ старымъ служивымъ, дружнымъ «ура». *Пріѣхалъ Кутузовъ — бить французовъ*, говорили солдаты. Въ это же время пронесся слухъ, что огромный орелъ взвился надъ вождемъ, когда онъ объѣзжалъ лагерь*). Всѣ ждали битвы, — непріятель былъ недалеко; но на другой день вышелъ приказъ—отступать. Впрочемъ, на этотъ разъ отступили недалеко: армія наша остановилась у села Бородина, въ 9 верстахъ отъ Можайска и въ 108 верстахъ отъ Москвы. Здѣсь выбрано было поле битвы съ Наполеономъ.

Непріятельскія войска шли слѣдомъ за нашими арміями, и едва только русскіе успѣли остановиться на избранномъ мѣстѣ, какъ уже предъ ними завиднѣлись несмѣтныя силы французовъ.

Наше войско расположилось на пространствѣ восьми верстъ, по берегамъ рѣкъ: Войны, Колочи и Москвы до села Бородина, а отсюда по берегамъ ручьевъ Семеновскаго и Стонца, такъ что правое крыло русской арміи упиралось въ Москву рѣку, а лѣвое доходило до старой

*) Генералъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ объ этомъ случаѣ, какъ о несомнѣнномъ событіи, случившемся въ минуту перваго появленія Кутузова передъ войсками у Царева-Займища, а въ запискѣ о войнѣ 1812 года князя А. Б. Голицына, бывшаго въ безсмѣнныхъ ординарцахъ при Кутузовѣ, полетъ орла надъ главнокомандующимъ отнесенъ къ другому времени. *Когда въ первый разъ*, говоритъ князь Голицынъ, *Кутузовъ обозрѣвалъ позицію подъ Бородинымъ,—это было послѣ обѣда,—исполинскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Анштетъ первый это замѣтилъ, и толкамъ не было конца.* (Изъ примѣчаній къ исторіи ген.-майора Богдановича.)

Смоленской дороги и примыкало къ лѣсамъ, середина или центръ позиціи былъ противъ самаго села Бородина, чрезъ которое пролегаетъ дорога изъ Смоленска въ Москву. Мѣстоположеніе позиціи было ровное, совершенно открытое и только кое-гдѣ заросшее небольшими рощами и кустарниками. Для бо́льшаго усиленія позиціи въ самомъ центрѣ, противъ Бородина, была устроена полукруглая батарея (люнетъ) для пушекъ, а правѣе, у деревни Горокъ, поставлены еще двѣ сильныя батареи. Лѣвый флангъ былъ слабѣйшею частью позиціи, поэтому князь Кутузовъ приказалъ построить на версту впереди отъ Семеновскаго, на холмѣ близъ деревни Шевардино, большую пятиугольную батарею, или редутъ, для нѣсколькихъ пушекъ.

Число войскъ съ обѣихъ сторонъ было слѣдующее:

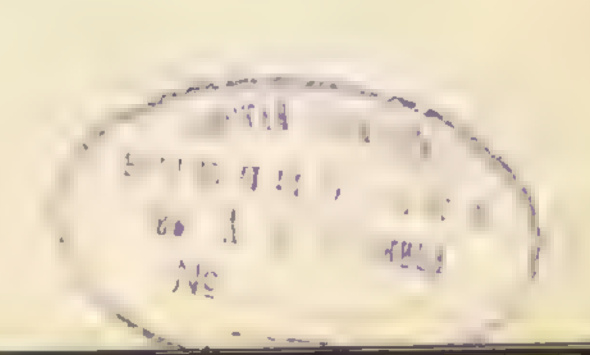
Съ нашей стороны.		Со стороны непріятеля.	
Пѣхоты	72.000	Пѣхоты	86.000
Кавалеріи	17.500	Кавалеріи	28.000
Артиллеріи, піонеровъ и проч.	14.000	Артиллеріи, піонеровъ и проч.	16.000
Съ 640 пушками.		Съ 587 пушками.	
Казаковъ	7.000		
Ополченія	10.000		

Всего же русскихъ войскъ было 120.000 человѣкъ, а за исключеніемъ необученныхъ (иррегулярныхъ), почти вовсе не участвовавшихъ въ сраженіи, и ополченія, большею частью вооруженнаго пиками и не могшаго принести большую пользу въ бою, мы имѣли около 104.000 человѣкъ противъ 130.000 непріятельскихъ отборныхъ войскъ.

24 августа утромъ Наполеонъ двинулся къ позиціи русскихъ у Бородина. Загремѣли батареи шевардинскія, занятыя русскими войсками. Битва была жаркая. Три раза непріятель овладѣвалъ редутомъ, но русскіе штыками оттѣсняли враговъ. Наполеонъ приказалъ усилить нападеніе, и тогда Кутузовъ, видя, что уже наступаетъ ночь, прекратилъ битву и приказалъ оставить редутъ.

Кайсаровъ. Кутузовъ. Гр Коновницынъ. Гр. Остерманъ-Толстой. Раевскій. Беннигсенъ. Барклай-де-Толли. Уваровъ. Баронъ Толь. Дохтуровъ. Ермоловъ.

Военный совѣтъ въ Филяхъ 1812 года.
Съ картины Кившенко.

Слѣдующій день весь прошелъ въ приготовленіяхъ съ обѣихъ сторонъ. Ждали кровопролитнаго сраженія.

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ:
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Наступилъ вечеръ 25 августа—канунъ великой Бородинской битвы. Тихо и безмолвно было въ русскомъ лагерѣ:

Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

Большинство русскихъ готовилось къ слѣдующему дню горячею молитвою. Въ нашемъ войскѣ находилась въ то время великая святыня—Смоленская икона Божіей Матери, о которой мы уже упоминали, что она вывезена на пороховомъ ящикѣ изъ почти разрушеннаго города. Икона эта сопровождала нашу армію во все время похода. Кутузовъ приказалъ пронести этотъ чудотворный образъ между рядами русскаго воинства; тысячи воиновъ благоговѣйно падали на колѣна и горячо молились, почерпая для себя въ молитвѣ силу и мужество.

Изъ французскаго лагеря слышались шумные клики: Наполеонъ поздно вечеромъ объѣзжалъ свою армію, и его встрѣчали вездѣ восторженнымъ крикомъ: «да здравствуетъ императоръ!»

И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.

Едва занялась заря, войско непріятельское поднялось, забили барабаны, и каждый командиръ читалъ въ своей ротѣ приказъ, написанный Наполеономъ:

«Солдаты! Вотъ сраженіе, котораго вы столь желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она для насъ необходима:

она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество... Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвой».

Почти три четверти сутокъ продолжалась страшная Бородинская битва. Центромъ и правымъ крыломъ русской арміи начальствовалъ Барклай де-Толли, а лѣвымъ крыломъ князь П. И. Багратіонъ. Лучшіе и храбрѣйшіе маршалы *) съ большими массами пѣхоты и конницы обрушились на наше лѣвое крыло. Багратіонъ долго и непоколебимо выдерживалъ натиски многочисленныхъ враговъ, пока тяжелая рана не принудила его покинуть поле битвы. Наши полки пришли въ нѣкоторое замѣшательство и подались назадъ. Къ счастію нашему, тутъ Наполеонъ не подкрѣпилъ во время своихъ главнокомандующихъ и вслѣдствіе этого пропустилъ удобную минуту. На мѣсто Багратіона Кутузовъ прислалъ генерала Дохтурова; русскіе успѣли оправиться и отразили всѣ дальнѣйшія нападенія. Тѣмъ временемъ въ нашемъ центрѣ были геройски отбиты безпрерывныя и стремительныя атаки французовъ, предводимыхъ генераломъ Богарне **). Послѣ одиннадцатичасового боя непріятельскія нападенія прекратились.

Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Остальное время дня прошло въ безпрерывной жестокой канонадѣ; раскаленныя пушки то и дѣло лопались: выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ были такъ часты, что между ними не оставалось промежутка; залпы слились въ одинъ гулъ, уподоблявшійся непрерывнымъ перекатамъ грома.

---

*) Ней, Муратъ и Даву.
**) Евгеній Богарне—пасынокъ Наполеона.

Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
    Слились въ протяжный вой.

Въ Бородинскую битву съ обѣихъ сторонъ изъ строя выбыло болѣе 100.000 человѣкъ.

То отойдетъ бойцовъ вереница,
То надвигается вновь!
Выше и выше, жертвы картечи,
Груды поверженныхъ тѣлъ!
Тысячамъ жизней въ день этой сѣчи
Смертью положенъ предѣлъ!

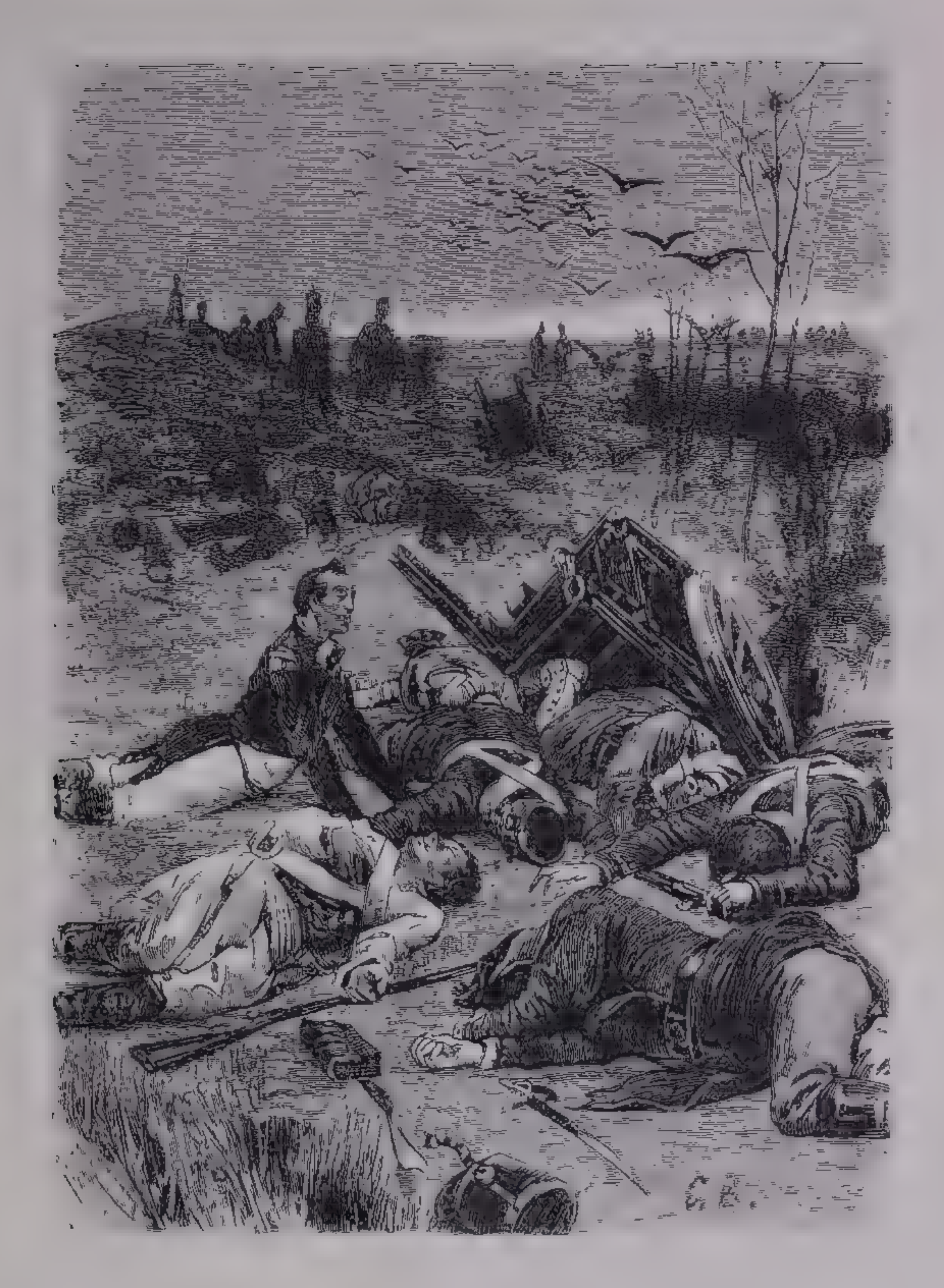
Мы потеряли много извѣстныхъ генераловъ, какъ-то: князя Багратіона, молодого графа Кутайсова, Тучкова 1-го и Тучкова 4-го, и почти половину своей арміи. Земля была пропитана кровью на четверть, и все поле было — какъ красное сукно.

Послѣ битвы при Бородинѣ, русская армія была разстроена и ослаблена, но не лишилась возможности принять вновь сраженіе. Непріятельскія войска, за исключеніемъ *старой гвардіи*, будучи разстроены не менѣе нашихъ, отошли нѣсколько назадъ. Французы и русскіе, каждый съ своей стороны, считали себя побѣдителями.

По окончаніи битвы Кутузовъ доносилъ императору, между прочимъ, слѣдующее: «Войска вашего императорскаго величества сражались съ неимовѣрною храбростью: батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами».

Извѣстіе о Бородинской битвѣ было принято съ восторгомъ: давно уже всѣ желали рѣшительной встрѣчи съ непріятелемъ, и, какъ бываетъ обыкновенно, молва намъ приписывала рѣшительную побѣду.

Императоръ Александръ Павловичъ въ воздаяніе заслугъ князя Кутузова произвелъ его въ генералъ-фельдмаршалы и пожаловалъ ему сто тысячъ рублей. Главнымъ сподвижникамъ его пожалованы слѣдующія награды: князю Багратіону — пятьдесятъ тысячъ рублей,

Земля была пропитана кровью

Барклаю де-Толли—Георгія 2-й степени, Милорадовичу и Дохтурову—алмазные знаки Александра Невскаго; остальные генералы и офицеры тоже щедро были награждены. Всѣмъ бывшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ пожаловано по пяти рублей на каждаго.

Сущность Бородинской битвы заключалась въ томъ, что атакующая армія французовъ была поражена ужасомъ передъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Битва эта, разрушивъ мечту Наполеона объ окончаніи войны однимъ ударомъ, показала ему, что война собственно только еще начинается. Но главнымъ образомъ важно было то, что съ этой минуты въ рядахъ непріятельской арміи поселилось пагубное уныніе, повлекшее за собою дальнѣйшія неудачи и приведшее къ окончательному разстройству и гибели.

Мы уже говорили, что при Бородинѣ пожертвовано было половиною арміи; теперь предстоялъ страшный роковой вопросъ: жертвовать ли остальною половиной арміи ради спасенія Москвы или Москвою пожертвовать для спасенія арміи и Россіи?..

XII.

27 августа войска наши двинулись къ Москвѣ, а съ 1-го сентября армія наша расположилась уже въ окрестностяхъ древней столицы. Растопчинъ выѣхалъ навстрѣчу фельдмаршалу на Поклонную гору; въ этотъ же день вечеромъ въ одной изъ избъ деревни Филей*) рѣшался

*) Фили—въ трехъ верстахъ отъ Москвы. На голыхъ стѣнахъ этой избушки висѣли портреты героевъ двѣнадцатаго года. Избушка эта въ 1868 г. сгорѣла. Въ 1883 г. офицерами гренад. корпуса на мѣстѣ сгорѣвшей избы былъ поставленъ памятникъ—каменный столбъ—верста, поставленная въ 1783 г. и бывшая свидѣтельницей событія 1812 г. Обществомъ хоругвеносцевъ Храма Христа Спаси-

роковой вопросъ: *жертвовать ли Москвой или арміей?* Дѣло было такъ: Михаилъ Илларіоновичъ созвалъ къ себѣ для совѣщанія генераловъ и поручилъ имъ обсужденіе вопроса.

Первый началъ говорить Беннигсенъ, предложивъ вопросъ: *выгоднѣе ли сразиться подъ стѣнами Москвы или оставить ее непріятелю?* Кутузовъ прервалъ Беннигсена упреками за несообразный и необдуманный вопросъ, который, по его мнѣнію, безъ предварительнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла былъ крайне неумѣстенъ. Затѣмъ фельдмаршалъ, объяснивъ подробно всѣ свѣдѣнія о невыгодѣ позиціи, занимаемыхъ нашими полками, сказалъ: *пока будетъ существовать армія, и пока она сохранитъ возможность противиться непріятелю, до тѣхъ поръ останется надежда окончить успѣшно войну; напротивъ того, по уничтоженіи арміи, не только Москва, но вся Россія потеряна.* Въ заключеніе онъ предложилъ обсужденію совѣта: *ожидать ли нападенія въ невыгодной позиціи или уступить непріятелю Москву.*

Беннигсенъ, не имѣя возможности сказать что-либо въ пользу позиціи, которыхъ неудобства были очевидны, распространился о невыгодныхъ послѣдствіяхъ уступки столицы, о сопряженныхъ съ тѣмъ потеряхъ, о вліяніи такого крупнаго событія на духъ народа и войска. «Стыдно,—сказалъ онъ,—уступить Москву безъ выстрѣла; если мы на это рѣшимся, то не будетъ ли это сознаніемъ, что мы проиграли Бородинское сраженіе? Легко предвидѣть, какое дѣйствіе произведетъ занятіе непріятелемъ Москвы на иностранные дворы и вообще на Европу! Не постигаю, на какомъ основаніи предполагаютъ, что мы будемъ непремѣнно разбиты, между тѣмъ какъ послѣ Бородинскаго сраженія мы получили подкрѣпленіе, а у непріятеля армія нисколько не усилилась. Мы—тѣ же русскіе и будемъ

теля построена новая изба-пріютъ для нѣсколькихъ инвалидовъ (1 офицера и 4 нижнихъ чиновъ): изба эта построена согласно рисунка сгорѣвшей Кутузовской избушки: въ одной половинѣ ея находится музей вещей, имѣющихъ отношеніе къ описываемымъ нами событіямъ, а въ другой—пріютъ.

сражаться такъ же храбро, какъ и прежде. Уронъ нашъ великъ, но и непріятельскій не меньше нашего; если наша армія разстроена, то и непріятельская не въ лучшемъ положеніи. Наполеонъ ослабилъ свою армію отряженіемъ вице-короля на Рузу и другого корпуса на новую Калужскую дорогу. Должно воспользоваться этими обстоятельствами. Предлагаю, оставя одинъ изъ корпусовъ на Можайской дорогѣ, перевести всѣ остальныя войска на лѣвое наше крыло и атаковать непріятеля съ праваго фланга. Въ случаѣ же неудачи можемъ отступить на Калужскую дорогу». Графъ Остерманъ, выслушавъ это мнѣніе, спросилъ у Беннигсена: «Ручаетесь ли вы въ успѣхѣ боя?», и получилъ въ отвѣтъ: «Если бы не сомнѣвались въ томъ, не былъ бы собранъ военный совѣтъ, и вы вѣроятно бы не были приглашены сюда».

Напротивъ того, по мнѣнію Барклая де-Толли, для спасенія Россіи важнѣе было сохранить армію, нежели Москву: имѣя армію, можно еще было надѣяться разбить Наполеоновы полчища, а вмѣстѣ съ арміей должны были погибнуть и Москва, и вся Россія. Къ тому же Барклай де-Толли думалъ, что въ столицѣ непріятель найдетъ свою погибель.

Раевскій прибылъ на совѣщаніе послѣ всѣхъ. «Я усталъ говорить, сказалъ фельдмаршалъ. Генералъ Ермоловъ, объясните, о чемъ идетъ дѣло». Раевскій, впервые узнавши тогда, что предметомъ совѣщанія было: принять ли сраженіе или оставить Москву, спросилъ: «Какую позицію занимала армія?» Ермоловъ отвѣчалъ, что эта позиція невыгодна: армія разобщена на двое глубокимъ оврагомъ, запасныя войска не могутъ поддерживать впереди стоящихъ полковъ». — Ежели наша позиція не позволяетъ намъ ввести въ дѣло наши силы, сказалъ Раевскій, а между тѣмъ уже рѣшено дать сраженіе, то выгоднѣе итти навстрѣчу непріятелю, нежели ожидать его. Дѣйствуя такимъ образомъ, можно было бы разстроить его наступательныя предположенія; но такъ какъ наши войска не довольно способны къ маневрированію, то должно ограничиться замедленіемъ непріятеля подъ Москвою.

Отступленіе черезъ обширный городъ послѣ проиграннаго сраженія можетъ разстроить армію; Москва не можетъ спасти Россію, и потому слѣдуетъ, имѣя преимущественно въ виду сохраненіе арміи, оставить столицу безъ боя. Впрочемъ, я разсуждаю какъ солдатъ, предоставляя князю Михаилу Иларіоновичу рѣшить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи можетъ имѣть занятіе непріятелемъ Москвы».

Князь Кутузовъ, выслушавъ всѣ мнѣнія, высказанныя на военномъ совѣтѣ, и заранѣе уже рѣшась оставить Москву, окончилъ совѣщаніе слѣдующими достопамятными словами: *Съ потерею Москвы еще не потеряна Россія; поставляю первою обязанностію сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель. Вижу, что мнѣ придется поплатиться за все, но жертвую собою для блага отечества... Приказываю отступать,* закончилъ онъ рѣшительно.

«Несмотря на твердое убѣжденіе свое въ необходимости оставленія Москвы, Кутузовъ не могъ побѣдить скорби, овладѣвшей имъ, не спалъ всю ночь и, по свидѣтельству находившагося при немъ Кайсарова, нѣсколько разъ плакалъ»*). Ночью фельдмаршалъ написалъ къ Московскому главнокомандующему, графу Растопчину, о рѣшеніи сдать Москву безъ боя.

XIII.

Послѣ Бородинской битвы Москва быстро стала пустѣть; одного казеннаго имущества вывезено на 63.000 подводахъ. Но чѣмъ ближе подходилъ непріятель къ столицѣ, тѣмъ усерднѣе духовенство утверждало крѣпкихъ и укрѣпляло слабыхъ въ любви къ отечеству. Въ числѣ

*) «Исторія Отечественной войны 1812 года». М. Богдановича.

нашихъ духовныхъ пастырей сіялъ тогда высокимъ умомъ и величіемъ духа московскій митрополитъ Платонъ. Императоръ Александръ I еще во время пребыванія своего въ Москвѣ получилъ, говоритъ Богдановичъ, въ благословеніе отъ сего святителя образъ преподобнаго Сергія, сопутствовавшій Петру I-му въ походахъ его, и посланіе, въ которомъ внушенный свыше Платонъ предвозвѣщалъ побѣду Россіи надъ врагами *). Государь уже на обратномъ пути, въ Твери, отвѣчалъ ему: «Преосвященный Платонъ! Я получилъ отъ васъ письмо и при немъ образъ преподобнаго Сергія. Первое принялъ я съ удовольствіемъ, какъ отъ знаменитаго и мною столь уважаемаго пастыря Церкви, второе съ благоговѣніемъ. Образъ святого поборника россійскихъ военныхъ силъ велѣлъ я отдать составляющемуся для защиты отечества московскому ополченію; да сохранитъ онъ его своимъ предстательствомъ у престола Божія и да продлитъ молитвами своими украшенные честью и славою дни ваши. Препоручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклонный».

Въ отвѣтъ на это посланіе священный витія писалъ къ императору 23 іюля: «Августѣйшій монархъ, государь всемилостивѣйшій! Старецъ Симеонъ имѣлъ въ жизни блаженный удѣлъ пріять на руки свои Предвѣчнаго Младенца, и изъ глубины восхищенной души воспѣлъ священный гимнъ Владыкѣ міра. Я, недостойный,

---

*) «Всемилостивѣйшій государь императоръ! Первопрестольный градъ Москва, новый Іерусалимъ, пріемлетъ Христа своего, яко мать, въ объятія усердныхъ сыновъ своихъ и, сквозь возникшую мглу провидя блистательную славу твоея державы, поетъ въ восторгѣ: осанна, благословенъ грядый! Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы: но кроткая вѣра, сія праща россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни. Се образъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего отечества, приносится вашему императорскому величеству. Болѣзную, что слабѣющія мои силы препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ вашимъ лицезрѣніемъ. Теплыя возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ во благихъ желанія вашего величества».

удостоенъ отвѣта августѣйшей особы вашей, въ восторгѣ лобызаю высокомонаршую десницу; ношу бремя скучной старости, но какъ бы юнѣю въ сладостныхъ чувствіяхъ, благоговѣя къ любезнѣйшему имени—Александръ. Государь! Вы, по духу христіанскаго благочестія, благословили нововооруженныхъ героевъ принесенною вамъ отъ меня иконою чудотворца Сергія. *Много можетъ молитва праведна споспѣшествуема.* Покусится алчный врагъ простерть за Днѣпръ злобное оружіе—и этотъ фараонъ погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Чермномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третью и новую рѣку—страшно выговорить—рѣку крови человѣческой! О! каждая крови капля воззоветъ отъ земли къ небу. *Крови брата твоего взыщу отъ руки твоея.* Францiя признаетъ въ Богѣ Господа отмщеній, а Россія восчувствуетъ, исповѣдаетъ, воспоетъ къ нему: Авва, Отче! Царю Небесный! Ты изведши, яко свѣтъ, правду монарха и судьбу Россіи, яко полудне».

Кромѣ вооруженія словомъ, за нѣсколько дней до вступленія непріятеля въ Москву изъ Виѳаніи прибылъ митрополитъ Платонъ, чтобы благословить гражданъ на борьбу съ супостатомъ. Вѣсть о прибытіи въ столицу высокопреосвященнаго поселила надежду въ упывшемъ народѣ. Многіе изъ жителей Москвы, возбужденные примѣромъ его, рѣшились принять участіе въ защитѣ столицы до послѣдней капли крови и, обрекая себя смерти, пріобщались св. таинъ. 31 августа, послѣ неотступныхъ просьбъ преосвященнаго Августина, викарія московскаго, выѣхалъ вечеромъ изъ столицы митрополитъ Платонъ*).

30 августа неутомимый графъ Растопчинъ, для успокоенія обывателей столицы, обнародовалъ слѣдующее воззваніе къ жителямъ Москвы: «Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество,—не пустимъ злодѣя въ Москву. Но должно пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій—своихъ выдавать. Москва—наша мать. Она насъ поила, кормила

*) Онъ скончался 11 ноября 1812 года.

и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные, и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба—и идите со крестомъ. Возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ-Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвый ляжетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ». Ночью подъ 31 августа главнокомандующій Москвы отправилъ въ Нижній-Новгородъ, подъ прикрытіемъ одного батальона, около тысячи колодниковъ; утромъ этого же дня вышло послѣднее объявленіе графа Растопчина: «Я завтра ѣду къ свѣтлѣйшему, чтобы съ нимъ переговорить, какъ дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ. Станемъ и мы изъ нихъ духъ искоренять и этихъ гостей къ чорту отправлять. Я пріѣду назадъ къ обѣду, и примемся за дѣло: додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ".

Это послѣднее объявленіе произвело страшную сумятицу и волненіе въ народѣ. Полиція тихомолкомъ стала удаляться изъ Москвы, а оставшіеся мастеровые начали бунтоваться; вооружившись кистенями, топорами, дубинами и чѣмъ только попало, бѣгали по улицамъ и, останавливая прохожихъ, неистово кричали: «Гдѣ французы? Гдѣ нехристи? Подавай ихъ къ намъ на расправу! Не давай имъ пардону: бей, коли, руби, рѣжь! Разбивъ питейную контору на Поварской, они выбили у винныхъ бочекъ дно, втулки и краны, и чего не могли выпить, разливали по землѣ. Волны вина хлестали по улицамъ... Повсюду слышался шумъ, вопль, охриплыя восклицанія, битье и хрустенье стеколъ подъ ногами; къ этому присоединился еще вой собакъ, отыскивавшихъ своихъ хозяевъ. Это неистовство продолжалось во всю ночь на второе сентября, послѣднюю ночь свободной Москвы... Военный караулъ стоялъ еще на гауптвахтахъ (его сняли только 2-го сентября, утромъ) *).

---

*) «Русь и русскіе въ 1812 году», соч. С. М. Любецкаго.

Ночью же на 2-е сентября Растопчинъ, увѣдомивъ Августина о сдачѣ Москвы и посовѣтовавъ ему тотчасъ же уѣзжать во Владиміръ съ иконами Иверскою и Владимірскою, послалъ слѣдующее донесеніе къ государю:

«Князь Кутузовъ прислалъ ко мнѣ письмо, въ коемъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ для сопровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и вашей имперіи. Россія содрогнется отъ уступленія города, гдѣ сосредоточивается величіе ея, гдѣ прахъ вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміей. Я все вывезъ; мнѣ остается только плакать объ участи моего отечества».

XIV.

Въ роковое утро 2 сентября во всѣхъ концахъ столицы поднялась страшная суматоха: боясь непріятелей, каждый по-добру—по-здорову спѣшилъ уѣхать или уйти куда бы то ни было. Разные экипажи тѣснились въ улицахъ, ведущихъ къ заставамъ, противоположнымъ Смоленской. Пѣшеходы несли мѣшки и узлы со всякимъ добромъ. Чего нельзя было захватить съ собой, то уничтожалось и зарывалось въ землю, лишь бы только не доставалось злодѣю. Хлѣбные торговцы потопили свои барки съ рожью, овсомъ и пшеницей, не желая, чтобъ ихъ товаромъ воспользовались французы. Толкотня и давка на улицахъ,—словомъ, безурядица до того была ужасна, что большую часть полковъ фельдмаршалъ долженъ былъ посылать въ обходъ, кругомъ столицы, такъ какъ кратчайшимъ путемъ, черезъ городъ, итти было почти невозможно. Между тѣмъ непріятель началъ напирать, и всякое замедленіе со стороны отступающихъ было крайне опасно. Къ счастію нашему, частью войска, идущаго позади, командовалъ генералъ Милорадовичъ, который

послалъ своего адъютанта къ королю неаполитанскому Мюрату, предводительствующему передовымъ отрядомъ непріятельской арміи, съ предложеніемъ заключить на нѣсколько часовъ перемиріе, въ случаѣ несогласія обѣщая драться до послѣдняго солдата и оставить только развалины Москвы, если французы не согласятся на его предложеніе. Мюратъ волей-неволей долженъ былъ, для своей же выгоды, согласиться, и отступленіе русской арміи въ Москву совершилось безпрепятственно, и въ то время, какъ французскіе передовые отряды вступали въ Москву, Милорадовичъ выводилъ изъ нея наши послѣднія войска. Замѣтивъ вдругъ, что съ лѣвой стороны непріятельская конница и во главѣ ея два польскихъ улана спѣшатъ перерѣзать нашимъ войскамъ отступленіе по Рязанской дорогѣ, Милорадовичъ, хотя въ эту минуту былъ совершенно одинъ, подскакалъ къ уланамъ, чтобъ узнать, кто командуетъ ими; уланы, озадаченные смѣлостью, остановили своихъ и почтительно отвѣтили ему, что ими командуетъ генералъ Себастіани. Милорадовичъ былъ коротко знакомъ съ этимъ генераломъ и, въ сопровожденіи подъѣхавшей между тѣмъ свиты, направился къ Себастіани и жаловался ему, что его войска отрѣзываютъ ему путь, между тѣмъ какъ Мюратъ обязался честнымъ словомъ не мѣшать отступленію. Себастіани говорилъ въ свое оправданіе, что Мюратъ не извѣстилъ его о томъ. *Но зная васъ, я вѣрю вашему слову,* прибавилъ онъ, и велѣлъ своей дивизіи остановиться. Смотря на войска и обозы наши, которые тянулись мимо его, Себастіани сказалъ Милорадовичу: «Признайтесь, что мы предобрые люди. Все это могло быть наше». — *Ошибаетесь,* возразилъ Милорадовичъ, *вы не взяли бы этого иначе, какъ перешагнувъ черезъ мой трупъ, а сто тысячъ, которыя тамъ,* — Милорадовичъ указалъ рукою по направленію къ нашей арміи, — *отомстили бы за мою смерть!*»

Когда войска и обозы наши отошли на 4 версты отъ Москвы, генералы назначили черты для обѣихъ передовыхъ цѣпей и распростились, какъ вдругъ Милорадовичъ узнаетъ, что два русскихъ эскадрона запоздали въ Мо-

сквѣ, и потому очутились позади непріятельской цѣпи; надо было выручить своихъ. Милорадовичъ садится на лошадь, одинъ, безъ трубача, скачетъ черезъ непріятельскіе посты, наскоро обмѣнивается поклономъ съ Себастіани, командуетъ своимъ эскадронамъ: *по три направо заѣзжай!* и выводитъ ихъ изъ непріятельской цѣпи. Таковъ былъ всегда Милорадовичъ» *). Ермоловъ справедливо сказалъ ему однажды: *если кто хочетъ быть съ вами въ дѣлѣ, нужно имѣть двѣ жизни: одну свою, а другую въ запасъ.* Безпечный, расточительный въ мирное время, Милорадовичъ въ дѣлѣ отличался безумною отвагою («1812 годъ», соч. С. Гончаровой).

Послѣ подвига Милорадовича началось вступленіе французскихъ войскъ. Наполеонъ подъѣхалъ къ Дорогомиловской заставѣ и здѣсь слѣзъ съ лошади. Свита, окружавшая его, послѣдовала его примѣру и, увидавъ

---

*) Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ родился въ 1770 году; когда ему минуло десять лѣтъ, его отправили обучаться въ чужіе края. Въ 1787 году онъ возвратился въ Россію и былъ произведенъ въ прапорщики. Павелъ Петровичъ, по восшествіи на престолъ, пожаловалъ его капитаномъ, а въ 1798 году онъ былъ уже произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ въ армію, отправлявшуюся въ Италію. Здѣсь, обласканный Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ, который привѣтствовалъ Милорадовича, какъ сына своего соратника, онъ ознаменовалъ свою службу непрерывнымъ рядомъ блистательныхъ подвиговъ; наградами за войну 1799 года были ордена Іоанна Іерусалимскаго съ алмазами, Александра Невскаго и сардинскій Маврикія и Лазаря. Въ 1805 году Милорадовичъ съ полкомъ своимъ поступилъ въ армію Кутузова, посланную на помощь Австріи; за эту войну онъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 3 класса и чиномъ генералъ-лейтенанта. Съ 1810 до начала Отечественной войны онъ былъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ Бородинскомъ сраженіи Милорадовичъ командовалъ сперва правымъ крыломъ, а потомъ переведенъ въ центръ, и во все время кровопролитной сѣчи былъ однимъ изъ первыхъ подручниковъ Кутузова. Послѣ отступленія отъ Бородина Милорадовичу была поручена часть войска, идущаго позади (арьергардъ), и съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 28 августа 1812 года по 12 мая 1813 года, онъ оставался безсмѣннымъ стражемъ нашихъ полковъ, предводительствуя то арьергардомъ, то авангардомъ (передовымъ отрядомъ). Въ награду за всѣ подвиги въ восьмимѣсячный періодъ онъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Въ 1818 году

столицу, какъ на ладонкѣ, закричала: *Москва! Москва!..—Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ!* воскликнулъ въ свою очередь Наполеонъ, и сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать, что къ нему пріѣдутъ сановники и начальники города и станутъ просить о милости.

По крайней мѣрѣ такъ поступали съ нимъ вездѣ въ Европѣ: и Берлинъ, и Вѣна, и другія столицы сдавались обыкновенно побѣдоноснымъ французамъ съ такою церемоніей. Но ожиданія нетерпѣливаго Наполеона были тщетны: никто къ нему не являлся. «*Видно эти варвары не знаютъ, какъ слѣдуетъ и принято вообще сдавать города!*» сказалъ разсерженно французскій императоръ и велѣлъ позвать къ себѣ *бояръ*. Но вся Москва была пуста, и посланные успѣли привести къ Наполеону только съ дюжину бѣдно одѣтыхъ иностранцевъ, занимавшихся ремеслами въ Москвѣ.

онъ былъ назначенъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Участвуя въ безчисленныхъ сраженіяхъ, онъ не получилъ ни одной раны; 14 декабря 1825 года пуля убійцы положила предѣлъ его славной жизни. О неустрашимости графа Милорадовича въ бояхъ ходило въ арміи и народѣ множество разсказовъ и поговорокъ. Деньги онъ считалъ ни во что и часто говаривалъ: «не понимаю, какъ можно жить безъ долговъ!» За Кульмское сраженіе императоръ Александръ наградилъ Милорадовича 50.000 рублями. Черезъ недѣлю всѣ деньги были истрачены на пиры и на покупку украшеній для своего любимаго села Воронкова. Въ 1814 году въ Парижѣ, нуждаясь въ деньгахъ, Милорадовичъ просилъ императора о выдачѣ ему жалованья и столовыхъ денегъ за три года впередъ. Просьба была уважена, и до выѣзда Милорадовича изъ Парижа деньги были всѣ израсходованы. Но не на одни пиры и прихоти употреблялъ онъ деньги, но пригоршнями сыпалъ червонцы храбрымъ солдатамъ, раненымъ и плѣннымъ. «Послѣ Обилештскаго сраженія, увидя сильно изрубленнаго солдата бѣлорусскаго гусарскаго полка, онъ спросилъ его: *сколько у тебя ранъ?* -*Семнадцать*, было ему отвѣтомъ. Тутъ же на мѣстѣ Милорадовичъ, разсказываетъ Михайловскій-Данилевскій, отсчиталъ гусару 17 червонцевъ, на каждую рану по одному. Въ 1812 году, забирая плѣнныхъ тысячами, многимъ спасалъ онъ жизнь и отдавалъ несчастнымъ все, что у него было. Подъ Краснымъ двое дѣтей, сынъ и дочь французскаго офицера, взявшись за руки, бѣжали среди мертвыхъ тѣлъ, сами не зная куда. Милорадовичъ велѣлъ взять ихъ и

Французская армія подъ Москвой.
Съ картины Шарпантье.

— *Гдѣ бояре!*—гнѣвно спросилъ французскій императоръ.

— *Никого нѣтъ, всѣ уѣхали,*—отвѣтили раболѣпно призванные.

— *А Растопчинъ гдѣ?*

— *И онъ сопровождаетъ русскую армію.*

— *Прогоните эту сволочь!*—сказалъ Наполеонъ окружавшей его свитѣ и, сѣвъ на лошадь, въѣхалъ въ Москву. Такъ какъ былъ уже вечеръ, то онъ остановился ночевать въ одномъ изъ постоялыхъ домовъ недалеко отъ Дорогомиловской заставы.

Тѣмъ временемъ непріятельскія войска начали располагаться въ оставленной Москвѣ. Онп были въ восторгѣ, что достигли давно желанной цѣли, но какъ-то безпокоились при видѣ того безлюдія, которымъ отличалась наша столица: изъ обывателей остались только бѣднѣйшіе, да

отвезти на свой бивакъ. Съ тѣхъ поръ маленькій Петруша, семи, и сестра его, Лиза, пяти лѣтъ, не выходили изъ коляски Милорадовича. Черезъ нѣсколько дней, проѣзжая мимо толпы вновь взятыхъ въ плѣнъ, малютки бросились къ одному изъ нихъ, крича во весь голосъ: *папа, папа!* Это былъ отецъ ихъ. Заливаясь слезами, онъ упалъ къ ногамъ спасителя дѣтей своихъ. Милорадовичъ оставилъ его при себѣ съ дѣтьми. Такимъ же образомъ спасъ онъ другую французскую маленькую сиротку, не знавшую даже имени своихъ родителей, и отправилъ ее къ своей сестрѣ, г-жѣ Стороженковой, у которой она получила отличное воспитаніе. Кстати сохранимъ здѣсь подобную черту сподвижника Милорадовича, Раевскаго. Въ Красненскомъ сраженіи онъ увидѣлъ младенца, лежавшаго подлѣ убитой француженки, вѣроятно, матери его. Раевскій взялъ младенца на руки, завернулъ его въ свою шубу и, отогрѣвая, продолжалъ распоряжаться сраженіемъ.

Ежедневный соратникъ Михаила Андреевича, принцъ Виртембергскій, пишетъ про него слѣдующее: «Милорадовичъ былъ явленіе рѣдкое, во всемъ значеніи слова *рыцарь*. Никто не могъ равняться съ нимъ въ храбрости. Его равнодушіе въ опасностяхъ превосходило всякое вѣроятіе. Въ самомъ жаркомъ огнѣ не истощалось его остроуміе: онъ смѣшилъ насъ въ тѣ минуты, когда мы обрекли себя на вѣрную смерть... Среди жестокихъ атакъ и общаго смятенія не только не терялъ онъ хладнокровія, но хохоталъ надъ своими собственными неудачами».

и тѣ попрятались по погребамъ и сараямъ. Одинъ изъ непріятельскихъ отрядовъ двинулся къ Кремлю; по дорогѣ ему встрѣтился крестьянинъ и, принявъ пышно одѣтаго польскаго полковника за самого Наполеона, бросился на него съ топоромъ и положилъ на мѣстѣ. Конечно, въ ту же минуту несчастный крестьянинъ былъ изрубленъ саблями подскакавшими непріятелями. Между тѣмъ изъ Кремля послышались выстрѣлы, но защитниковъ оказалось немного, и потому непріятельскіе полки скоро разогнали горсть нашихъ храбрецовъ. Въ императорскомъ дворцѣ приготовлены были покои для Наполеона, и онъ утромъ 3-го сентября совершилъ свой торжественный въѣздъ въ священный русскій Кремль. Наполеонъ былъ въ сѣромъ походномъ сюртукѣ, съ треуголкой на головѣ, но свита, сопровождавшая его, блистала золотомъ и серебромъ. Музыка играла военные марши, войска неумолкая кричали: *Да здравствуетъ императоръ!* Въѣзжая въ Москву, Наполеонъ объявилъ своимъ генераламъ: *Теперь война кончена: мы въ Москвѣ, Россія покорена, предпишу ей такой миръ, какой найду для себя полезнымъ.* Но не такъ думалъ дальновидный Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ: *Теперь только война начинается*, сказалъ онъ своимъ приближеннымъ. И, когда ему доложили, что вся столица занята французами, онъ радостно воскликнулъ: *Слава Богу, это ихъ послѣднее торжество...—Головой ручаюсь, что Москва погубитъ французовъ*, —заключилъ фельдмаршалъ.

XV.

Императоръ Александръ Павловичъ, получивъ донесеніе графа Растопчина о рѣшеніи княземъ Кутузовымъ оставить Москву безъ боя, 1-го сентября послалъ князя Волконскаго въ армію съ слѣдующимъ рескриптомъ къ фельдмаршалу:

Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Съ 29 августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ отъ 1-го сентября получилъ я, черезъ Ярославль, отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣщеніе, что вы рѣшились съ арміей оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь несчастной рѣшимости».

9 сентября прибылъ въ Петербургъ изъ арміи полковникъ Мишо, посланный къ императору отъ фельдмаршала, съ донесеніемъ о потерѣ Москвы. Будучи немедленно представленъ государю, Мишо оставилъ въ письмѣ къ Михайловскому-Данилевскому любопытное описаніе разговора, которымъ его удостоилъ Александръ Павловичъ при этомъ случаѣ. Когда полковникъ Мишо довелъ до свѣдѣнія его величества потерю и пожаръ столицы, императоръ, тронутый до глубины души бѣдствіями своихъ подданныхъ, не скрывая своей горести, сказалъ: «Изъ всего нами испытаннаго заключаю, что Само Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ жертвъ, особенно отъ меня: покоряюсь Его волѣ. Но скажите: что говорили войска, оставляя безъ выстрѣла мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы упадка въ ихъ духѣ?»—«Позволите ли мнѣ, какъ солдату, говорить вашему величеству откровенно?»—«Я всегда требую искренности, но теперь прошу васъ: не скрывайте отъ меня ничего, скажите мнѣ чистосердечно всю истину».—«Государь! Признаюсь, я оставилъ армію отъ Кутузова до послѣдняго солдата въ неописанномъ страхѣ...»—«Что вы говорите? Неужели мои русскіе сокрушены несчастіемъ?»—«Нѣтъ, государь, они только боятся, чтобы вы, по добротѣ вашего сердца, не заключили мира; они горятъ желаніемъ сразиться и доказать вамъ свою преданность!»

Государь, потрепавъ Мишо по плечу, сказалъ:—«*Вы облегчили мое сердце; вы меня успокоили. Возвратитесь въ армію, говорите моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ,*

гдѣ вы будете проѣзжать, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства моей имперіи. Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но если судьбой и промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь свою) *и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить. Провидѣніе испытываетъ насъ; будемъ надѣяться, что Оно насъ не оставитъ*». При сихъ словахъ императоръ, крѣпко пожавъ руку посланнаго, продолжалъ: «*Не забудьте, что я вамъ теперь говорю; можетъ быть настанетъ время, когда мы вспомнимъ о томъ съ удовольствіемъ: Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я узналъ его; онъ болѣе не обманетъ меня*». — «Государь! — отвѣчалъ Мишо, — ваше величество подписываете въ сію минуту славу вашего народа и спасеніе Европы». — «*Да исполнится предсказаніе ваше*, — сказалъ Александръ: — *подите отдыхать и будьте готовы возвратиться въ армію*» *).

Въ донесеніи государю князя Кутузова излагались причины, побудившія оставить Москву; фельдмаршалъ писалъ, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи, и доносилъ о намѣреніи своемъ совершить фланговое движеніе для прикрытія Тулы, Брянска и южныхъ губерній и для угроженія непріятельскому пути дѣйствій на пространствѣ отъ Москвы до Смоленска. Донесеніе князя Кутузова оканчивалось слѣдующими знаменательными словами: «*Пока армія вашего императорскаго величества цѣла и движима извѣстною храбростью и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возврат*

---

*) «Исторія Отечественной войны 1812 года», соч. М. Богдановича.

ная потеря Москвы не есть потеря отечества. Ваше императорское величество всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска и съ тѣмъ разстроенным совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ. Полковникъ Мишо объяснитъ вашему императорскому величеству обстоятельное положеніе дѣлъ».

Извѣстіе о занятіи французами Москвы произвело на Петербургъ и всю имперію сильное впечатлѣніе, но не оказало вреднаго вліянія на духъ народа, и общее довѣріе къ заслуженному фельдмаршалу нисколько не поколебалось.

XVI.

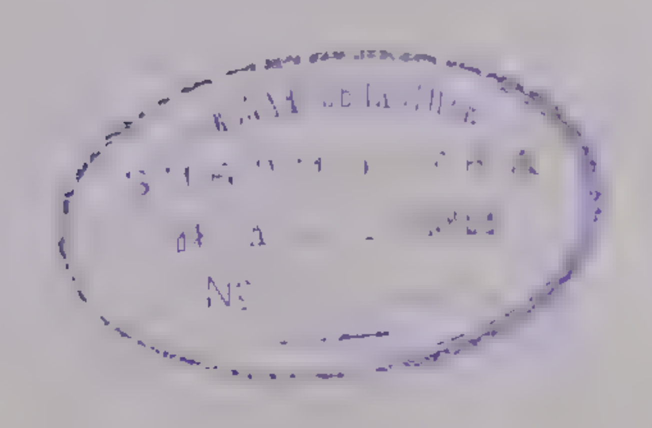
Съ самаго вступленія непріятеля въ городъ начались пожары. Сперва загорѣлись барки съ хлѣбомъ на Москвѣрѣкѣ, потомъ винный складъ, москательныя лавки и гостинный рядъ въ Китай-городѣ, зажженный самими вотчинниками.

3-го сентября съ своей свитой Наполеонъ размѣстился въ Кремлѣ, генералы также пріискали себѣ удобныя квартиры, войско же было расквартировано отчасти въ домахъ. отчасти на площадяхъ, въ палаткахъ.

Между тѣмъ, день ото дня, пожары все болѣе и болѣе принимали обширные размѣры. Наполеонъ велѣлъ было тушить огонь, но оказалось, что весь пожарный обозъ былъ вывезенъ изъ Москвы заблаговременно, по приказанію графа Растопчина. Это обстоятельство, равно какъ и поимка нѣсколькихъ русскихъ поджигателей, дали понять французамъ, что Москву поджигаютъ сами русскіе, не желая, чтобъ ихъ дома служили убѣжищемъ тѣмъ людямъ, которые терзаютъ ихъ отечество.

Въ десятыхъ числахъ сентября московскій пожаръ уподобился огненному морю, такъ что даже Кремлевскій дворецъ находился въ опасности, и самъ французскій импе-

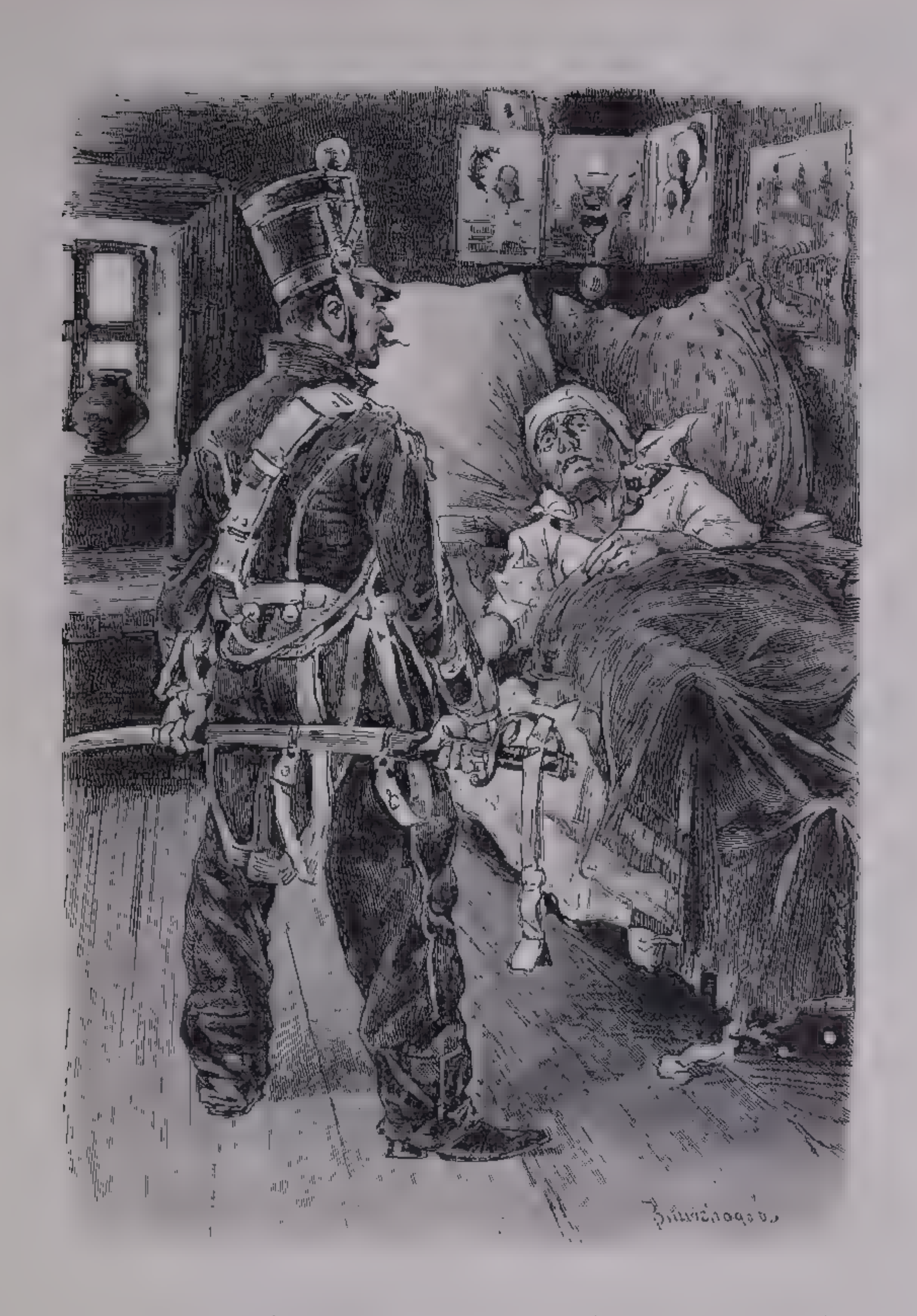
Пожаръ Москвы 1812 года.

раторъ принужденъ былъ переѣхать на нѣкоторое время въ Петровскій дворецъ. Но пожары были для непріятеля дѣломъ второстепеннымъ, главнымъ же было то, что враги не нашли въ столицѣ тѣхъ обильныхъ запасовъ, на которые разсчитывали и въ которыхъ сильно нуждались. Весь хлѣбъ былъ или потопленъ, или сожженъ; домашній скотъ весь былъ уведенъ, хотя въ лавкахъ они и поживились чаемъ, сахаромъ и другими лакомствами, но въ насущномъ постоянно нуждались: у нихъ не было въ достаточномъ количествѣ ни говядины, ни хлѣба, ни соли. Лошадямъ пришлось еще хуже: овесъ и сѣно въ Москвѣ были большою рѣдкостью. Къ 15 сентября непріятель началъ голодать до того, что питался исключительно одною кониной и не брезгалъ даже, подчасъ, воронами и галками, которыхъ онъ называлъ городскою дичью *). Вслѣдствіе постоянныхъ лишеній, въ войскѣ под-

*) Здѣсь, кстати, приведемъ отрывокъ изъ разсказа очевидца о двѣнадцатомъ годѣ (Андрея Алексѣева. изъ купцовъ). Въ нашествіе двунадесяти языкъ онъ былъ уже двадцати двухъ лѣтнимъ малымъ, но до сихъ поръ (1872 г.) онъ бодръ и здоровъ тѣломъ и духомъ и любитъ разсказывать о *французѣ*. Андрей Алексѣевъ въ описываемое время торговалъ мукой въ Зубовѣ; на его рукахъ была мать-вдова и три малолѣтнихъ сестры: ѣхать имъ изъ Москвы было некуда.

«Убрали мы все, разсказываетъ онъ, и ждемъ, что Богъ дастъ. Второго сентября, какъ теперь помню, пообѣдали мы, и стою я у нашего лабаза. Вдругъ прибѣжали съ Плющихи человѣкъ пять нашихъ и кричатъ: «Идетъ съ Драгомиловской заставы несмѣтное войско — либо французъ, либо шведы», потому въ народѣ ходилъ слухъ, что у нашего царя былъ договоръ со шведами, и что обѣщались они прійти къ намъ на помощь. Я забѣжалъ на квартиру, крикнулъ матери, чтобъ она сидѣла дома и сестеръ отъ себя не отпускала, а самъ пустился къ Смоленскому пригорку. Оттуда все видно, какъ на ладони, и собралось уже на пригоркѣ не мало. Видимъ, идетъ войско и конное, и пѣшее, конца ему нѣтъ, и знамена несутъ. Долго мы тутъ стояли и смотрѣли: кто говорилъ «шведы», кто «французъ». Ужъ совсѣмъ смерклось, а они все еще шли; я вернулся домой и говорю матушкѣ: «Если это точно Бонапартъ, то пропали наши головушки, потому онъ ведетъ съ собою несмѣтную силу». Заплакала матушка и говоритъ: «А кто же, коли не онъ, окаянный? Сейчасъ приходили съ той стороны и сказывали, что они

Французы ходили изъ дома въ домъ.

нялся ропотъ на Наполеона, отчего и произошелъ безпорядокъ и непослушаніе между солдатами. Теперь уже командиры не могли препятствовать грабежу, который принялъ громадные размѣры. Толпы непріятельскихъ солдатъ ходили изъ дому въ домъ и брали все, что имѣло хотя какую-нибудь цѣнность. Потомъ изъ лѣни и прихоти, чтобы не дѣлать крюку, переходя черезъ каменный мостъ, заставляли они дюжихъ мужиковъ переплывать черезъ Москву-рѣку, неся ихъ на спинѣ своей. Они не щадили и церквей, которыя лишились въ это время всѣхъ богатствъ своихъ; сохранилось только то, что было пред-

---

нѣкоторые дома ужъ ограбили». Заняли они Кремль и стали по всей Москвѣ бродить, и къ намъ частенько заглядывали. Первый разъ, какъ пришли, оглянули комнату и прямо къ иконѣ Заступницы. Содрали съ нея одинъ вѣнчикъ серебряный и рамку серебряную. Стала матушка имъ кланяться и просить, чтобъ они пощадили святую икону, а они раскричались и на меня замахнулись, какъ я вздумалъ тоже ихъ упрашивать, а сестры бѣдныя такъ испугались, что убѣжали и спрятались на дворѣ.

«Только это были не настоящіе французы, а настоящіе-то какъ милосердны! Какъ бывало придутъ, мы ихъ сейчасъ узнаемъ по рѣчи да по манерамъ и не боимся, потому знаемъ, въ нихъ совѣсть есть. А отъ ихъ союзниковъ упаси Боже! Мы ихъ такъ и прозвали: *безпардонное войско*, что ихъ ни просьбой, ни слезами не возьмешь. Въ народѣ даже говорили, что ихъ пуля не беретъ. Коли не дѣломъ, такъ ужъ словомъ обидятъ. Что они говорятъ—не поймешь, а слышишь, что ругаются. А французы ужъ бывало не обидятъ даромъ. Пришли они разъ, стали вездѣ шарить. Сестры сробѣли и убѣжали изъ комнаты, а сами изъ-за двери выглядываютъ. Какъ они ихъ увидали, сейчасъ позвали и стали ласкать. Мало того, на другой день, глядимъ, идутъ опять тѣ же самые съ гостинцами: принесли дѣтямъ игрушекъ,—изъ лавокъ, вѣрно, взяли. Дѣвочки-то радуются, а они, глядя на нихъ, смѣются, и тутъ же вмѣстѣ съ ними играть стали.

«Которыя улицы горѣли, оттуда всѣ выбрались, и многіе жили какъ есть подъ открытымъ небомъ. Шелъ я разъ Крымскимъ бродомъ, и вижу на Орловомъ лугу сидитъ цѣлая толпа народа. Если, бывало, куда надо итти, такъ наровишь ранехонько утромъ, чтобы непріятелямъ не попасться. А встрѣтятъ, бывало, да несутъ что, такъ возьмутъ съ собой, чтобы ты имъ помогалъ. Я раза два ношу носилъ, такъ они меня съ пустыми руками не отпускали. Захватили они меня разъ и объясняютъ, чтобъ я имъ показалъ, откуда провизіи

варительно вывезено. Враги, безчестя всѣхъ попадавшихъ имъ на глаза молодыхъ женщинъ, оскорбляли и святыню. Особенно неистовствовали поляки; французы грабили только и не упускали случая поволочиться за прекраснымъ поломъ, такъ что въ дѣвичьихъ монастыряхъ крылошанки жили не въ кельяхъ, а въ погребахъ или въ подпольяхъ, и часто пачкались сажей, чтобы только не

— ———

достать. Дѣлать нечего, поневолѣ покажешь,—своя голова дороже. Повелъ я ихъ въ ряды, а съ ними щупъ: ужъ они дознались, что много добра было зарыто подъ полами да подъ землей, и все пробовали, не найдутъ ли чего. Купецъ Глотовъ зарылъ у себя въ Охотномъ ряду на нѣсколько тысячъ винъ: засыпалъ ихъ землей, потомъ глины наложилъ, а на глинѣ песку цѣлая насыпь. А все же не уцѣлѣли его вина. Охотный рядъ сгорѣлъ, и мало того что бутылки всѣ перелопались отъ жара, стекло даже сплавилось.

«Щупали, щупали мои французы и ничего не нашли, а что было на виду, то взяли; унесли мы боченокъ съ водкой да съѣстныхъ припасовъ разныхъ въ кулекъ набрали. Они сейчасъ: але! (пойдемъ), и понесъ я за ними весь этотъ запасъ въ Хамовники. Тамъ они въ чьемъ-то большомъ домѣ стояли. Пока мы идемъ, они все про Бонапарта толкуютъ: показываютъ на голову и объясняютъ мнѣ, что Наполеонъ у-у-у! что много молъ у него въ головѣ. А я иду да думаю: «Да будь онъ семи пядей во лбу, чѣмъ онъ васъ кормить-то станетъ? Наши запасы ужъ къ концу подходятъ, а вамъ что-то не видать, чтобъ подвозили. Онъ васъ своими мозгами не накормитъ». Какъ донесъ я имъ провизію, они мнѣ сейчасъ изъ того же куля дали большой кусокъ рыбы, сахару откололи, чаю отсыпали и вина поднесли...»

«Пришли къ намъ разъ два француза, а мы сидимъ за обѣдомъ. Обѣдъ незавидный: щи пустыя матушка сварила да лепешекъ ржаныхъ напекла; однако наши гости тутъ же съ нами поѣли: ужъ имъ тогда плохо приходилось, — вся провизія подобралась. Потомъ подошли они къ иконѣ и стали что-то говорить, подсмѣиваются и на нее указываютъ. Вдругъ одинъ выпулъ саблю — да хвать Царицу Небесную въ правой глазокъ. Я сталъ креститься и руки къ небу подымаю, показываю имъ, что это наша икона, что мы на нее молимся, а матушка горько заплакала. Они взглянули на меня, потомъ на мать, да какъ увидали, что она плачетъ, сейчасъ говорятъ: *пардонъ!* (простите) и вонъ шмыгнули,—значитъ, совѣсть есть.

«Тутъ еще приходили они къ намъ передъ самымъ своимъ уходомъ. Комнаты обшарили,—нѣтъ ничего. Изъ лабаза тоже послѣдніе мѣшки потаскали и вздумали половицы поднимать. Мы имъ показываемъ, что ничего тутъ нѣтъ, а они поставили-таки на своемъ: подняли

казаться молодыми. Отъ неистовства непріятелей въ продолженіе сентября ежедневно сотни русскихъ бѣжали изъ Москвы, такъ что изъ тѣхъ, кои видѣли не совсѣмъ торжественный въѣздъ Наполеона, едва осталась десятая доля, чтобы быть свидѣтелями его ужаснаго выѣзда.

Можно себѣ представить, что породили во всей Россіи разсказы людей, по всѣмъ направленіямъ изъ Москвы

половицы, вытащили нашъ сундучокъ и стали изъ него все выбирать. Матушка имъ въ поясъ кланяется и показываетъ на дѣтей, чтобъ надъ ними сжалились, да и дѣвочки-то, какъ увидали, что ихъ праздничныя платья съ другими забрали, подняли вой. Сейчасъ стали французы кружить сестеръ и мою старушку. Сѣли они на полъ и подѣлили все наше добро пополамъ. Дѣтскія платья намъ оставили, матушкѣ шубку и мнѣ кафтанъ, даже деньги не всѣ унесли,—намъ часть отдали.

«Привелъ меня Богъ въ то время видѣть грѣшное дѣло. Иду я разъ раннимъ утромъ по Дѣвичьему полю; хотѣлъ тамъ поискать, не попадется ли какая провизія въ погребахъ. Противъ самаго дома, теперь Мальцева, вышелъ человѣкъ изъ воротъ дома Барыкова, по платью должно быть мѣщанинъ, а полемъ идетъ французъ и зоветъ его: алё! Я поскорѣй спрятался за уголъ забора, чтобъ онъ и меня не позвалъ, да оттуда и выглядываю. Французъ кричитъ алё, и нашъ ему—алё, и манитъ его руками, головой киваетъ и показываетъ, чтобъ онъ за нимъ шелъ, а самъ къ воротамъ назадъ. Французъ за нимъ побѣжалъ. Какъ они вошли въ ворота, я подкрался и смотрю въ щель забора. Вижу, нашъ подбѣжалъ къ колодезю, машетъ руками и въ колодезь показываетъ. Какъ французъ нагнулся, нашъ-то уперся ему въ шею обѣими руками и бросилъ его въ колодезь. Я слышалъ, какъ вскрикнулъ французъ, и меня точно варомъ обдало. Стою на своемъ мѣстѣ, словно прикованный. Тутъ вижу, нашъ вышелъ опять изъ воротъ, пошелъ вдоль забора и остановился около меня. «Что, говоритъ, видѣлъ? Хоть однимъ меньше». А я говорю: «За что его сгубилъ,—вѣдь онъ на тебя не нападалъ?» Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза и говоритъ: «Должно быть они у тебя жены не отнимали, да никто изъ твоихъ подъ ихъ пулями не стоитъ, да не видалъ ты, что колѣлыхъ лошадей въ нашихъ храмахъ держатъ».— Что жъ, говорю, за ихъ грѣхи да кощунство Господь ихъ накажетъ, а противъ ихъ пуль у насъ свои пули есть, а неповиннаго да безоружнаго намъ губить не показано». Онъ на мои слова не отозвался и ушелъ въ другую сторону, а я не помню, какъ домой добрелъ. Всю ночь я заснуть не могъ: все-то мнѣ мерещилось, какъ французъ въ колодезѣ тонетъ». («Московскія Вѣдом. 1872 г., № 34).

Французы оскорбляли и святыню.

бѣжавшихъ. Но еще до того, при полученіи перваго извѣстія о взятіи ея, показалось между русскими, особенно между дворянами, нѣчто страшное, давно небывалое: въ нихъ загорѣлась неутолимая, казалось, жажда мести. Москва перестала для нихъ существовать; оплакавъ какъ слѣдуетъ родимую, они съ нѣкоторою радостью смотрѣли, какъ злодѣи терзаютъ трупъ ея, мысленно приготовляя ей кровавыя поминки и, какъ будто, предчувствуя, что недалекъ день мщенія. Всѣ опасались одного: мира съ Наполеономъ, и продолженіе войны возвеличило въ глазахъ ихъ Александра. Дѣло странное, непонятное: едва Наполеонъ успѣлъ войти въ Москву, какъ внутри Россіи всѣ начали видѣть въ ней западню для него и желать, чтобъ онъ долѣе въ ней оставался. Надобно было видѣть тогда, что при одномъ имени его дѣлалось съ большею частью русскихъ: черты лица оставались неподвижны, но чело являло гнѣвъ, и уста шептали угрозы *)».

Наполеонъ старался возможными средствами успокоить свои войска: онъ не разъ самъ произносилъ рѣчи къ нимъ, уговаривалъ ихъ потерпѣть немного, обѣщая, что все скоро перемѣнится къ лучшему; сочинялъ и распускалъ ложныя извѣстія, въ родѣ того, напримѣръ, что французы взяли Петербургъ; заводилъ въ Москвѣ театры и выписывалъ изъ Парижа актеровъ и актрисъ; но это мало развлекало оборванныхъ и голодныхъ французовъ, между которыми развилась страшная смертность отъ дурной пищи...

Наши войска между тѣмъ зорко стерегли окрестности Москвы; сосѣдніе лѣса были полны отрядами казаковъ и партизановъ, которые не пропускали ни одного случая, чтобы напасть на непріятеля. Французскій императоръ посылалъ въ окрестности столицы за фуражомъ для лошадей; партизаны же, съ казаками во главѣ, всегда были наготовѣ встрѣтить незваннаго гостя и брали въ плѣнъ или перебивали посланныхъ. За четвертью овса или возомъ сѣна нерѣдко посылались цѣлыя роты, да и тѣ воз-

---

*) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля.

вращались съ пустыми руками; что же касается до транспортовъ съ продовольствіемъ, шедшихъ изъ западнаго края, то они обыкновенно перехватывались русскими на пути и не доходили по назначенію. Особенно много вредили французамъ наши знаменитые партизаны: Дороховъ, Сеславинъ, Денисъ Давыдовъ и Фигнеръ*); последній,

Наши партизаны.

зная прекрасно ихъ языкъ, переодѣтый во французскій мундиръ, наѣзжалъ иногда въ Москву, заводилъ разговоры съ непріятельскими полками, вывѣдывалъ отъ нихъ ихъ замыслы и сообщалъ все это своимъ, чтобы принять извѣстныя мѣры и дѣйствовать навѣрняка.

---

*) Партизаны сыграли выдающуюся роль въ «Раззореномъ году», истребляя источники продовольствія и силы арміи Наполеона. По словамъ одного изъ военныхъ историковъ: партизаны наши, по всей справедливости, на половину раздѣлили съ линейными войсками славу изгнанія французской арміи изъ Россіи.

Наступило, наконецъ, время, когда гордый завоеватель рѣшился заговорить о мирѣ первый. Онъ послалъ въ Петербургъ императору Александру Павловичу письмо, но не удостоился на него отвѣта; но Наполеонъ этимъ не унялся и, видя неуспѣхъ съ одной стороны, послалъ одного изъ своихъ генераловъ къ князю Кутузову съ мирными предложеніями, но фельдмаршалъ объявилъ, что государь ему далъ право только сражаться съ непріятелемъ, а не входить въ переговоры, и при этомъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, *теперь только война начинается*. Наполеонъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, узнавъ отвѣтъ Кутузова, бранилъ и своихъ, и себя самого, и всю Россію... Къ голоду, между тѣмъ, присоединился и холодъ, который засталъ французовъ въ легкомъ платьѣ и изорванной обуви. Дни начались пасмурные, по ночамъ бывали сильные морозы, полились осенніе дожди и подули холодные вѣтры... Видя полное изнуреніе своей арміи и сомнѣваясь въ успѣхѣ мирныхъ переговоровъ, Наполеонъ съ 1-го октября началъ готовиться къ выступленію изъ Москвы. Принялись за укладку разной военной добычи, между прочимъ были захвачены: турецкія, персидскія и польскія знамена, находившіяся въ Кремлѣ и деревянный московскій гербъ съ крыши сената. Императоръ Наполеонъ велѣлъ ободрать изъ Кремлевскихъ соборовъ все то, что могло служить трофеями для великой арміи. Обозы раненыхъ уже двинулись изъ столицы, и 6-го октября Наполеонъ дѣлалъ смотръ войскамъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, прискакалъ курьеръ отъ неаполитанскаго короля Мюрата, съ увѣдомленіемъ, что князь Кутузовъ сдѣлалъ нападеніе на французскіе передовые отряды... Это обстоятельство побудило непріятеля поспѣшить выходомъ изъ Москвы... Въ какомъ положеніи въ это время находилась, такъ называемая, побѣдоносная армія, можно заключить изъ слѣдующаго разсказа очевидицы, г-жи Кругловой, шереметевской богадѣленки: «Идутъ эти французы настоящими нищими,— не хуже насъ обносились: всѣ въ лохмотьяхъ да обернулись во что попало. Тутъ и зипуны, и женскія юбки, и

поповскія ризы, и стихари, — чего хочешь, того просишь. За ними ѣдутъ пушки и фуры, и женщины тутъ же. Жены ли ихъ, пріятельницы ли—ужъ Богъ ихъ знаетъ. Одна сидитъ на телѣгѣ и сама правитъ, а телѣга вѐрхомъ навьючена. Которые солдаты верхами въ бродъ рѣку переѣзжали. Вздумала и эта мамзелька за ними, да забрала въ сторону, попала на быстрое мѣсто, и стала лошадь кружиться. Закричала мамзелька благимъ матомъ, и наши молодцы бросились въ бродъ, спихнули ее въ воду, а лошадь взяли подъ уздцы, вывели ее на берегъ и пустились рысью къ Остоженкѣ, «а тебя молъ, мамзель, пусть твой пріятель спасаетъ» *).

О взрывѣ Кремля Василій Михайловичъ Полянскій, очевидецъ **) двѣнадцатаго года, жившій со многими русскими въ одной изъ упраздненныхъ церквей ***), разсказываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Наполеоновскіе генералы дѣлали часто смотры полкамъ у Кремлевскихъ прудовъ ****). На первыхъ смотрахъ блестящее войско выступало гордо и весело, а потомъ оно стало приходить въ упадокъ съ поразительною быстротой. Собирались на барабанный зовъ въ нечищенныхъ, изорванныхъ мундирахъ и дырявыхъ сапогахъ, и число солдатъ убавлялось наглядно. Въ нѣсколько недѣль они дошли до послѣднихъ предѣловъ бѣдствія. Изнуренные голодомъ, покрытые лохмотьями и рубищами, они бродили по улицамъ и напрасно отыскивали пищу. Наконецъ французы при своихъ встрѣчахъ съ нашими начали имъ объяснять, что скоро уйдутъ, но предъ своимъ уходомъ взорвутъ городъ. 7-го октября Полянскіе услыхали звукъ барабана, и мимо нихъ пошли полки. Насколько можно было видѣть на сосѣднихъ улицахъ, и тамъ шли солдаты по тому же направленію. Но куда они шли? На общій ли какой смотръ, или выступали дѣйствительно изъ Москвы? Они не воз-

---

*) «Московскія Вѣдомости» 1872 г., № 64-й.

**) Протоіерей у Георгія въ Красной горкѣ, что на Моховой.

***) Она стояла на Моховой, между манежемъ и домомъ Тарлецкаго: называлась она «Никола въ Сапожкахъ».

****) Пруды были на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александровскій садъ.

вратились, и нѣкоторые изъ нашихъ утверждали, что Наполеонъ покинулъ городъ; однако въ Кремлѣ оставался еще непріятельскій отрядъ. Наконецъ 10-го ушелъ и онъ. Однако Полянскіе не смѣли еще вѣрить въ наше освобожденіе. Какъ узнать? Можетъ быть стоятъ еще непріятели въ другихъ концахъ Москвы. Въ самый день ихъ ухода, говоритъ Василій Михайловичъ, насъ пробудилъ часу въ двѣнадцатомъ такой громъ и трескъ, что мы свѣта не взвидѣли. Земля дрожала подъ нами, какъ живая, и мнѣ казалось, что еще минута, и своды подвала обрушатся надъ нашими головами. Мы стали окликать другъ друга, чтобы убѣдиться, что всѣ живы, и выбѣжали на улицу посмотрѣть, что случилось. Пожаръ освѣщалъ ее попрежнему; настала опять тишина, и кое-гдѣ бѣжали наши, выгнанные также страхомъ изъ своихъ убѣжищъ. Раздался еще взрывъ, и полетѣли камни градомъ со всѣхъ сторонъ. Всѣ разбѣжались. Мы бросились опять въ свой подвалъ. Наконецъ при третьемъ взрывѣ надъ нашими головами такъ потрясло нашу церковь, что она треснула сверху до низу».

Семейство не спало всю ночь, на другой день Василій Михайловичъ видѣлъ страшные слѣды разрушенія. Кремлевскія стѣны рухнули въ нѣсколькихъ мѣстахъ, колокольня Ивана Великаго треснула, дворецъ сгорѣлъ, верхняя половина Никольской башни была разрушена и часть желѣзной крыши арсенала сорвана и занесена на Никольскую улицу.

«Москва представляла потрясающую картину; ея развалины тлѣли и дымились. Пустота улицъ и площадей наводила тоску на душу; вездѣ разбросанные лошадиные и людскіе трупы заражали воздухъ. Полиція въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль жгла ихъ на берегу рѣки и сметала пепелъ въ воду.

«Изъ окрестныхъ селъ не замедлили явиться крестьяне. Они входили въ пустые дома, забирали все, что было пощажено непріятелемъ, и уѣзжали съ навьюченными возами. По улицамъ бродили голодныя лошади, которыхъ они уводили съ собой. Трое сутокъ Москва была безза-

щитна; по истеченіи этого времени появившаяся въ городѣ полиція и казаки стали все приводить въ порядокъ и хватали воровъ. Василій Михайловичъ, шедшій по Лубянской площади, видѣлъ, какъ нѣсколько мужиковъ, оспаривая другъ у друга добычу, дошли до ожесточенной драки. Одинъ изъ нихъ, подвязавшій саблю сверхъ зипуна, собирался уже дѣйствовать ею, и дѣло не обошлось бы, вѣроятно, безъ увѣчья, если бы полицейскіе, подоспѣвшіе во-время, не рѣшили вопроса, отобравъ у воюющихъ награбленное добро»*).

Для полной картины бѣдственнаго положенія Москвы представляемъ цифру погорѣвшихъ въ столицѣ зданій: домовъ въ 1812 году было въ Москвѣ каменныхъ: 2.567, изъ нихъ выжжено 2.041 (*осталось* 526); деревянныхъ: 6.591, выжжено 4.491 (*осталось* 2.100); лавокъ каменныхъ было: 6.324, выжжено 5.335 (*осталось* 989); деревянныхъ: 2.197, выжжено 1.818 (*осталось* 379); не совсѣмъ сгорѣвшихъ, а только обгорѣлыхъ домовъ каменныхъ: 180, деревянныхъ 223, порожнихъ загороженныхъ мѣстъ 367; кромѣ того сколько еще было обгорѣлыхъ церквей, безъ главъ и крестовъ, надтреснутыхъ отъ жара и взрыва (изъ 237 церквей—12 сгорѣло, а 115 обгорѣло, остальныя разграблены).

XVII.

Оставляя Москву, нашъ фельдмаршалъ вышелъ съ своимъ войскомъ по Рязанской дорогѣ, но, послѣ двухъ переходовъ, перешелъ на Калужскую, приказавъ Милорадовичу продержаться еще одинъ день на Рязанской дорогѣ, чтобы отклонить вниманіе непріятеля отъ движеній главной арміи. Хитрость Кутузова удалась, какъ нельзя лучше. Неаполитанскій король шелъ по слѣдамъ

*) «Московск. Вѣд.» 1872 г. № 52-й.

Милорадовича до Бронницъ съ полною увѣренностью, что передъ нимъ главная русская армія, и только въ Бронницахъ узналъ свою ошибку. Наполеонъ же, не зная, гдѣ находится наша главная квартира, не двигался изъ Москвы, между тѣмъ какъ наша армія 20 сентября вступила въ Тарутинскій лагерь на старой Калужской дорогѣ, на полпути между Москвой и Калугой. Выборъ для расположенія лагеремъ былъ самый счастливый: отсюда удобно было защищать отъ вторженія непріятеля и Калугу, и Тулу, и наши хлѣбородныя южныя губерніи. Осматривая мѣстность съ возвышеннаго пункта, Кутузовъ сказалъ торжественнымъ голосомъ: *теперь ни шагу назадъ*. Дѣйствительно, наши войска около трехъ недѣль отдыхали подъ Тарутинымъ и собирались съ новыми силами. Къ нимъ присоединились вновь образованныя войска, въ числѣ 30.000 человѣкъ, и полки наши съ Урала и Дона; послѣдніе шли по 60 верстъ въ сутки безъ роздыха; интересно было взглянуть на это отважное войско; тутъ были дѣды съ бѣлыми, какъ лунь, головами и рядомъ съ ними внуки, у которыхъ едва пушокъ пробивался на лицѣ...

2-го октября императоръ Александръ прислалъ фельдмаршалу повелѣніе начать наступательныя дѣйствія противъ непріятелей: *вспомните*, писалъ онъ ему, *что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы!* Кутузовъ получилъ этотъ рескриптъ тогда, когда уже начались наступательныя дѣйствія на непріятелей, и неаполитанскій король былъ уже разбитъ.

XVIII.

Выйдя изъ Москвы, Наполеонъ шелъ къ Боровску, о чемъ былъ черезъ партизановъ увѣдомленъ Кутузовъ, и онъ немедленно двинулъ всю русскую армію къ Малояро-

славцу *), чтобы, преградивъ непріятелямъ путь въ край неразоренный, заставить ихъ выйти изъ Россіи тою же Смоленскою дорогой, которой они пришли и которую опустошили до невозможности.

11-го октября произошла страшная рѣзня въ Малоярославцѣ; городъ переходилъ пять разъ изъ рукъ въ

Платовъ, атаманъ казачьихъ войскъ.

руки. До 5.000 человѣкъ выбыло изъ строя съ каждой стороны въ этотъ день, но въ концѣ концовъ Наполеонъ не успѣлъ пробиться черезъ нашу армію, и Кутузовъ заставилъ-таки его итти по опустошенной дорогѣ.

---

*) Малоярославецъ — незначительный уѣздный городъ Калужской губерніи; въ битву 11 октября онъ былъ почти разрушенъ: такъ, изъ двухъ сотъ домовъ уцѣлѣло менѣе пятидесяти.

Французы спѣшили теперь въ Смоленскъ, гдѣ надѣялись найти обильное продовольствіе, которое заготовлялось еще съ начала войны, подъ прикрытіемъ 6.000-наго отряда. Но фельдмаршалъ, желая отомстить непріятелю за разоренную Москву, приказалъ Милорадовичу не упускать французовъ изъ виду, а Платову, атаману казачьихъ войскъ, итти вслѣдъ за ними по пятамъ, самъ же взялъ направленіе параллельное къ Смоленской дорогѣ...

Въ Смоленскѣ Наполеона ждали ужасныя вѣсти: французы не нашли здѣсь провіанта, на который разсчитывали, и, отбивъ изъ-подъ своей же артиллеріи триста годныхъ лошадей, убили и съѣли ихъ. Здѣсь же было донесено Наполеону, что цѣлый отрядъ его войска положилъ оружіе подъ Ляховымъ, что другой отрядъ разбитъ на Вопи, что Витебскъ взятъ русскими, и что адмиралъ Чичаговъ идетъ на Минскъ. Надо было спѣшить оставить Россію; 2-го ноября Наполеонъ выступилъ изъ Смоленска и направился къ Красному; но туда же спѣшилъ и нашъ фельдмаршалъ.

Наши войска были утомлены усиленными переходами, но не очень нуждались въ провіантѣ; между непріятелями же начались сцены неистовства: всякая находка чего-либо съѣстного подавала поводъ къ дракѣ и часто къ убійству; были даже случаи людоѣдства, и Вильсонъ (англійскій военный агентъ при нашей арміи) разсказываетъ, какъ онъ самъ однажды видѣлъ нѣсколько раненыхъ, сидѣвшихъ около изжареннаго ими трупа своего товарища, котораго уже начали ѣсть...

Вскорѣ къ голоду присоединилась стужа: изнемогая отъ холода, французскіе солдаты срывали платье съ товарищей своихъ, которые за ранами оставались на дорогѣ, и бросали ихъ обнаженными на снѣгъ. Весь путь французской арміи былъ усѣянъ тѣлами людей, замерзшихъ въ самыхъ страшныхъ судорогахъ предсмертной муки. Валявшіеся по дорогѣ умоляли, какъ о величайшей милости, убить ихъ. Множество собакъ лежало на трупахъ своихъ прежнихъ хозяевъ, воя съ голода и съ горя. Другія собаки грызли мясо на рукахъ и ногахъ несчастныхъ,

нерѣдко еще живыхъ. Вильсонъ самъ видѣлъ близъ Вильны четырехъ человѣкъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ отмороженными руками и ногами. Около Вязьмы видѣлъ онъ почти столь же страшную картину: нѣсколько обнаженныхъ людей, еще живыхъ, которые, пока отогрѣвались у горѣвшей избы, отморозили себѣ спины; замѣтивъ это, они повернулись спинами къ огню, и отмороженныя мѣста покрылись жесткою и обожженною корой на ихъ спинахъ.

Случались между французами примѣры безчеловѣчія, совершенно безполезнаго. Такъ Вильсонъ, близъ Дорогобужа, увидалъ на дорогѣ молодую и красивую француженку, валявшуюся на снѣгу въ одной окровавленной рубашкѣ. Услышавъ звукъ голосовъ, она подняла голову, съ которой опускались длинные черные волосы, и съ дикимъ отчаяніемъ, ломая себѣ руки, стала кричать: *отдайте мнѣ моего ребенка!* Когда ее успокоили, она разсказала, что, упавъ отъ изнеможенія, она была обобрана своими спутниками, которые унесли ея новорожденнаго ребенка и прикололи ее, чтобы не дать ей попасться въ руки русскихъ.

Бертье 1/13 декабря доносилъ изъ Вирбалена Наполеону, что четыре пятыхъ французской арміи имѣютъ отмороженныя ноги, руки и лица.

Но описаніе ужасовъ, сопровождавшихъ отступленіе *великой арміи*, будетъ неполно, если умолчать объ ожесточеніи, съ которымъ русскіе поселяне истребляли всѣхъ непріятелей, попадавшихъ имъ въ руки. Французы, пока они еще брали плѣнныхъ, обыкновенно разстрѣливали тѣхъ изъ нихъ, которые за ранами не могли продолжать путь, а при оставленіи городовъ, когда наступали русскіе, большею частью запирали плѣнныхъ въ церковь или въ какое-нибудь строеніе, которое потомъ предавали огню: «Я такъ часто это видалъ,—говоритъ Вильсонъ,—что уже пересталъ чувствовать тотъ ужасъ, который мнѣ это сперва внушало». Но мщеніе русскихъ было еще страшнѣе, тѣмъ болѣе, что между крестьянами водворилось убѣжденіе, что щадить врага есть грѣхъ, оскорбляющій Бога.

мстителя Россіи, и что помилованіе можетъ лишить русскихъ Его дальнѣйшей защиты.

Счастливы были тѣ, которые теряли жизнь въ битвѣ; счастливы даже и тѣ, которые, взятые въ плѣнъ, могли упросить крестьянъ скорѣе убить ихъ; но не всегда доставалась имъ такая завидная доля! Страдальцы оглашали воздухъ пронзительнымъ крикомъ: «*Смерть! Смерть! Смерть!*»

Прочтя описаніе этихъ ужасовъ, нельзя не согласиться съ сужденіемъ Вильсона: «Русскій набоженъ, но вѣротерпимъ: онъ не оскорбляетъ никого за поклоненіе Богу по обрядамъ праотцевъ или по личному убѣжденію; онъ живетъ въ пріязни съ иновѣрцемъ, не присвояетъ никакихъ преимуществъ собственному вѣроисповѣданію; *но голодный тигръ, алчущій ѣды, не свирѣпѣе и не кровожаднѣе русскаго, когда онъ видѣлъ оскверненіе своихъ храмовъ и поруганіе своихъ алтарей*» *).

Александръ Павловичъ, узнавъ о всѣхъ этихъ ужасахъ, немедленно прислалъ курьера къ князю Кутузову съ повелѣніемъ *воспретить ихъ подъ строжайшею угрозою его неудовольствія и наказанія*, и въ то же время назначилъ плату *по червонцу за каждаго плѣнника крестьянамъ и солдатамъ, которые представятъ ихъ въ сохранности гражданскимъ властямъ* **).

XIX.

Въ четыре дня сраженія подъ Краснымъ нашему войску особенно посчастливилось: было взято въ плѣнъ до 26.000, не считая убитыхъ и раненыхъ.

---

*) Записки Вильсона, въ разборѣ Ю. В. Толстого.

**) Во исполненіе высочайшаго рескрипта $^{7}/_{19}$ ноября, на одежду каждаго плѣнника расходовалось до 50 р., что въ совокупности обошлось казнѣ въ нѣсколько милліоновъ (изъ примѣчаній къ исторіи Отечественной войны *Богдановича*.)

По окончаніи сраженія подъ Краснымъ, вечеромъ 6-го ноября, князь Кутузовъ подъѣхалъ къ бивакамъ гвардейскаго корпуса и былъ встрѣченъ генералами, офицерами и солдатами. Поздравивъ отборное войско съ побѣдой, онъ сказалъ: *Дѣти! знаете ли, сколько взято орудій?— Сто-шестьдесятъ*, и, указывая на везепные за нимъ французскіе орлы, присовокупилъ: *какъ ихъ бѣдняжекъ жаль!* опи и головки повѣсили: *вѣдь имъ и холодно, и голодно*. Во время чая собравшимся гвардейцамъ Кутузовъ сказалъ: *Крыловъ сочинилъ басенку и разсказываетъ, какъ волкъ попалъ не въ овчарню, а на псарню. Увидя бѣду, пустился онъ въ переговоры и сталъ умолять о пощадѣ, но псарь сказалъ ему: ты сѣръ...* При сихъ словахъ князь Кутузовъ снялъ свою бѣлую фуражку и, потрясая наклоненною головой, продолжалъ: *а я, пріятель, сѣдъ...* Воздухъ потрясся отъ восклицаній гвардіи*). За подвиги послѣднихъ дней князь Кутузовъ получилъ отъ государя наименованіе *Смоленскаго*.

Итакъ послѣднія сраженія въ Смоленскѣ и подъ Краснымъ**) окончательно разстроили непріятельскую армію. Отсюда отступленіе ея обратилось въ бѣгство; одна только гвардія еще кое-какъ держалась. Теперь русскіе начали надѣяться, что не только всѣ войска Наполеона будутъ истреблены, но и онъ самъ не избѣгнетъ плѣна. Въ особенности разсчитывали на это тогда, когда непріятелю придется переправляться черезъ рѣку Березину, на которой мостовъ не было, а холодное время года и значительная глубина рѣки мѣшали переходить въ бродъ. Но тутъ,

---

*) Михайловскій-Данилевскій.

**) Въ числѣ трофеевъ отбитъ былъ жезлъ французскаго маршала Даву; жезлъ этотъ представляетъ собою небольшую цилиндрической формы палочку, обитую фіолетовымъ бархатомъ, съ вышитыми золотомъ орлами. Жезлъ маршала и его орденъ Почетнаго Легіона 1-й степени взяты были прапорщикомъ Л.-Гвардіи Финляндскаго полка Карповичемъ. Жезлъ этотъ хранится въ Казанскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ.

въ послѣдній разъ въ Россіи. Наполеонъ *) еще разъ доказалъ свои военныя дарованія: онъ разставилъ остатки своихъ войскъ такъ, что русскіе начали стеречь его вовсе не тамъ, гдѣ слѣдовало, а его инженеры и саперы съ неимовѣрною быстротой навели тайкомъ нѣсколько мостовъ. Наши войска спохватились только тогда, когда половина французовъ была уже на другомъ берегу, а остальная часть непріятеля переходила черезъ мосты, несмотря на русскія пули и ядра, которыя сѣяли смерть въ столпившихся врагахъ.

---

*) Наполеонъ I Бонапартъ, императоръ французовъ, второй сынъ Карла Бонапарта, благороднаго корсиканца, небогатаго и обремененнаго семействомъ. Онъ родился въ городѣ Аяччіо 15 августа 1769 года, а скончался на островѣ св. Елены 5 мая 1821 года.

Когда Наполеону минуло 9 лѣтъ, его опредѣлили на казенный счетъ въ военную школу. Учителя его замѣчали въ немъ предпріимчивость и рѣдкія умственныя способности: начальникъ школы не рѣдко говорилъ про Наполеона: *Корсиканецъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ, пойдетъ далеко.*

Поступивши въ ратное дѣло, своими военными дарованіями скоро заслужилъ онъ чинъ генерала и сдѣлался знаменитымъ въ своемъ отечествѣ. Франція тогда управлялась безъ государя. Наполеонъ Бонапартъ, молодой, но опытный генералъ, 26 лѣтъ былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ всѣхъ французскихъ войскъ. Счастіе ему везло: онъ постоянно одерживалъ самыя блистательныя, подчасъ невѣроятныя, побѣды.

Въ пылу сраженій, чтобъ ободрить солдатъ, Наполеонъ показывался въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ; естественно, что за такую храбрость войско любило своего главнокомандующаго и готово было итти за нимъ въ огонь и въ воду... Послѣ покоренія Сѣверной Италіи слава о подвигахъ Наполеона пронеслась изъ конца въ конецъ по всѣмъ государствамъ Европы. Въ французской столицѣ его встрѣчали съ восторгомъ: въ глазахъ большинства соотечественниковъ онъ сталъ первымъ человѣкомъ...

Тогда нѣкоторые изъ его друзей и подчиненныхъ предложили ему уничтожить народное правленіе и взять власть въ свои руки. Наполеонъ и самъ подумывалъ объ этомъ, а потому съ удовольствіемъ воспользовался предложеніемъ... Преданное ему войско заставило молчать тѣхъ, которые недовольны были этимъ государственнымъ переворотомъ. Чтобы сдѣлаться въ глазахъ народа законнымъ государемъ, онъ, 2-го декабря 1804 года, явился въ соборъ Парижской Богоматери и тамъ вѣнчался на царство. Такимъ образомъ Напо-

Непріятелю и тутъ не везло; правду говоритъ наша пословица: *пошла бѣда—отворяй ворота!* При переправѣ французской артиллеріи одинъ изъ мостовъ провалился, и люди, лошади и пушки полетѣли въ рѣку; но самъ Наполеонъ съ тою частью войска, которая у него была разстроена меньше остальныхъ, находился уже на другомъ берегу.

Ужасами переправы чрезъ знаменитую съ тѣхъ поръ Березину не могла быть удовлетворена въ насъ жажда мести: намъ подавай самого Наполеона, а онъ усколь-

---

леонъ, еще такъ недавно терпѣвшій бѣдность и подумывавшій поступить на службу къ турецкому султану,—сдѣлался императоромъ французовъ. Скоро ему показалось, что властвовать въ одной Франціи ему недостаточно, и вотъ начинается рядъ войнъ; въ маленькихъ государствахъ онъ свергаетъ съ престоловъ законныхъ королей, а на ихъ мѣсто сажаетъ своихъ братьевъ и родственниковъ. Такимъ маneромъ Наполеонъ хозяйничалъ въ Италіи, въ Голландіи и въ маленькихъ нѣмецкихъ государствахъ. Австрія и Пруссія, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, нѣсколько разъ брались за оружіе противъ честолюбиваго завоевателя. Въ это время императоръ французовъ развелся съ женой и принудилъ австрійскаго императора выдать за него свою дочь... Кромѣ Англіи и Россіи всѣ государства Европы были порабощены Наполеономъ, но и этого ему было мало, онъ задумалъ побѣдить и остальныя два сильныя государства, начавъ съ Россіи... Послѣ бѣгства изъ предѣловъ нашего отечества, Наполеонъ снова собралъ большое войско, но Россія, въ союзѣ съ Австріей, Пруссіей, Швеціей и другими государствами, взяла Парижъ и возстановила на французскомъ престолѣ Бурбоновъ (31 марта 1813 г.). Наполеонъ отрекся отъ престола въ Фонтенебло (14 апрѣля) и получилъ въ свое владѣніе островъ Эльбу, но пробылъ тамъ всего нѣсколько мѣсяцевъ: 1 марта 1815 года онъ снова явился во Францію и безъ труда пробрался до Парижа, поддержанный,—уже не народомъ, а только однимъ войскомъ—и, разбитый при Ватерлоо, воротился во Францію, гдѣ и отрекся въ пользу своего сына, который долженъ былъ принять имя Наполеона II. Это новое царствованіе продолжалось *сто дней.* Наполеонъ I намѣренъ былъ бѣжать въ Америку, но англійскій корабль объявилъ его плѣнникомъ и получилъ порученіе заключить его на островѣ св. Елены. На скалистомъ пустынномъ островѣ, далеко отъ Франціи, подъ строгимъ надзоромъ, Наполеонъ прожилъ еще пять лѣтъ, отравляемый горестями и униженіями, безъ сомнѣнія, сократившими его дни. Онъ былъ погребенъ на островѣ св. Елены. «Зарытъ онъ безъ

нулъ... Трудно себѣ представить общее негодованіе на виновника этого обстоятельства, адмирала Чичагова: всѣ сословія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство, а Крыловъ написалъ басню (*Щука и Котъ*), гдѣ пирожникъ берется тачать сапоги, т.-е. о морякѣ, начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ*).

Хотя самъ Наполеонъ и ускользнулъ изъ нашихъ рукъ, но дорого ему обошлась эта знаменитая переправа: онъ поплатился за нее около 25 тыс. плѣнныхъ, не счи-

---

почестей бранныхъ врагами въ сыпучій песокъ; лежитъ на немъ камень тяжелый, чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ». Въ 1840 году прахъ его перевезенъ въ Парижъ.

Наполеонъ, вмѣстѣ съ Александромъ Македонскимъ и Цезаремъ, принадлежитъ къ числу величайшихъ людей, какихъ только производилъ міръ; онъ положилъ конецъ безначалію, пересоздалъ общество и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, поставилъ Францію на ряду съ первоклассными государствами: однакожъ, его справедливо упрекаютъ въ безмѣрномъ честолюбіи и слишкомъ сильной страсти къ войнѣ. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что, несмотря на его суровость, войско и большинство французовъ боготворило его и готово было пожертвовать за него всѣмъ достояніемъ и даже жизнью. Въ заключеніе упомянемъ объ его наружности: Наполеонъ былъ маленькаго роста, довольно полный и широкоплечій. Его задумчивое лицо, съ оживленными глазами, съ прядью волосъ, спускавшеюся на широкій лобъ,—врѣзывалось въ памяти каждаго. Онъ носилъ обыкновенно синій съ отворотами мундиръ, бѣлый жилетъ и высокіе сапоги по колѣна; въ походахъ сверхъ мундира онъ надѣвалъ сѣрый сюртукъ и маленькую трехугольную шляпу.

*) Въ современной каррикатурѣ Кутузовъ былъ изображенъ скачущимъ на конѣ и тянущимъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Наполеонъ; на другомъ концѣ ея Чичаговъ сидитъ на якорѣ и восклицаетъ: *я всѣхъ спасаю!* Наполеонъ же, въ видѣ зайца, пробѣгаетъ за его спиной.

Державинъ по этому же поводу написалъ слѣдующее язвительное стихотвореніе:

Смоленскій князь Кутузовъ
Предерзостныхъ французовъ
И гналъ и билъ,
И наконецъ имъ гибельну онъ сѣть связалъ;
Но земноводный генералъ
Приползъ—да всю и распустилъ.

тая убитыхъ и утонувшихъ въ рѣкѣ *)... Когда же князю Кутузову-Смоленскому донесли о переходѣ Наполеона черезъ Березину, старецъ, всегда хладнокровный, вышелъ изъ себя и въ первыя минуты рѣшительно не хотѣлъ этому вѣрить, но, успокоившись, онъ вдохновенно воскликнулъ: *Богъ довершитъ то, чего не умѣли сдѣлать нѣкоторые генералы.*

XX.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Вильны, Наполеонъ свои жалкіе остатки арміи поручилъ неаполитанскому королю Мюрату, а самъ сѣлъ въ возокъ и съ чужимъ паспортомъ, чтобы не быть остановленнымъ на дорогѣ, уѣхалъ въ Парижъ собирать новыя войска. Императоръ же Александръ порѣшилъ докончить дѣло побѣдъ надъ Наполеономъ и, освободивъ Россію, освободить и Европу...

Между тѣмъ главная наша армія, подъ предводительствомъ князя Кутузова-Смоленскаго, вступила въ Вильну. Государь, желая провести день рожденія (12 декабря) среди своего побѣдоноснаго войска, выѣхалъ 7 числа изъ Петербурга, и, наканунѣ торжественнаго дня, въ пять часовъ вечера, на дворъ виленскаго замка прискакала взмыленная тройка почтовыхъ лошадей; занесенный снѣгомъ и инеемъ, въ открытыхъ саняхъ, сидѣлъ императоръ Александръ. Въ полномъ парадномъ мундирѣ, съ строевымъ рапортомъ въ рукѣ, ожидалъ его Кутузовъ на крыльцѣ замка...

При выходѣ государя изъ саней, фельдмаршалъ, зарыдавъ, бросился къ нему навстрѣчу. Александръ Пав-

*) Наши молодцы-казаки отбили у непріятеля при Березинѣ 40 пудовъ серебра, которые и пожертвовали для Казанскаго собора въ Петербургѣ. Изъ этого серебра сдѣланъ потомъ иконостасъ въ упомянутомъ соборѣ.

ловичъ обнялъ старца и пошелъ съ нимъ въ покои дворца рука объ руку. Когда Михаилъ Илларіоновичъ, послѣ часовой бесѣды съ государемъ, выходилъ изъ его кабинета, оберъ-гофмаршалъ поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ Георгія первой степени.

Въ день своего рожденія государь обѣдалъ у фельдмаршала, и когда Александръ входилъ въ залу, то, по распоряженію Кутузова, къ ногамъ его повергли непріятельскія знамена...

Теперь свободно вздохнула Россія послѣ шестимѣсячнаго погрома, въ продолженіе котораго *двадесять языкъ*, нахлынувшіе съ Запада, терзали, жгли и разоряли наше отечество отъ Нѣмана до Москвы и обратно... И такъ исполнилось царское слово: наше оружіе не было положено до тѣхъ поръ, пока вооруженные непріятели пребывали на русской землѣ.

25 декабря въ день Рождества Христова, былъ объявленъ манифестъ, въ которомъ императоръ Александръ извѣщалъ Россію объ изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ отечества, и съ этихъ поръ наша церковь ежегодно празднуетъ въ этотъ день *избавленіе Россіи отъ нашествія галловъ и съ ними двадесять языкъ* *). Всѣмъ нашимъ

*) Тогда же императоръ Александръ изъявилъ желаніе воздвигнуть храмъ во имя Христа Спасителя. Создать проектъ храма въ память грозныхъ событій 1812 года, проектъ новый, вполнѣ достойный русскаго народа и его монарха,—вотъ мысль, которая возникла въ талантливомъ художникѣ А. Л. Витбергѣ. Въ своихъ запискахъ («Русская Старина», 1872 г.) онъ разсказываетъ, что именно хотѣлъ выразить своимъ проектомъ: «Я пламенно желалъ,—говоритъ Витбергъ, чтобы храмъ сей удовлетворилъ требованію царя и былъ достоинъ народа. Россія, мощное, обширное государство, столь сильно явившееся въ мірѣ, не имѣетъ ни одного памятника, который былъ бы соотвѣтственъ ея высотѣ. Я желалъ, чтобъ этотъ памятникъ былъ таковымъ»... Мѣстомъ заложенія храма назначены были Воробьевы горы, гдѣ березовую рощу садилъ, какъ говоритъ преданіе, Петръ Великій своими руками. Храмъ по проекту Витберга предполагалось водвигнуть въ 110 саженъ высоты, соорудивъ его изъ трехъ отдѣловъ, и посвятить: нижній Рождеству, средній Преображенію и верхній Воскресенію Христову... 12 октября 1817 года, въ тотъ самый день, въ который пять лѣтъ передъ тѣмъ послѣдній отрядъ францу-

воинамъ, сражавшимся съ непріятелемъ, были розданы серебряныя медали на голубой лентѣ; на нихъ съ одной стороны былъ выбитъ 1812 годъ и изображено всевидящее око, а съ другой—выгравированы слова: *не намъ, не намъ, а имени Твоему.* Этимъ государь хотѣлъ сказать, что побѣду надъ нашествіемъ иноплеменныхъ онъ приписываетъ помощи Божіей.

Съ наступленіемъ новаго, 1813 года, подъ личнымъ предводительствомъ фельдмаршала, 1-го января, русскія войска, сопровождаемыя государемъ, съ музыкой и восторженными криками *ура* перенесли оружіе и знамена свои черезъ границу. Тутъ, по волѣ императора Александра, князь Кутузовъ-Смоленскій издалъ слѣдующее печатное на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ объявленіе: «При вступленіи предводимыхъ мною арміи въ гра-

---

зовъ оставилъ Москву, совершилась торжественная закладка храма на Воробьевыхъ горахъ въ присутствіи императора Александра I, великаго князя Николая Павловича, принца прусскаго Вильгельма, архіепископа Августина и академика Витберга. Послѣ торжественной закладки архитекторомъ Витбергомъ начаты были громадныя постройки храма Христа Спасителя, черезъ нѣсколько лѣтъ оставленныя вслѣдствіе песчанаго грунта мѣстности и необходимости прорывать для фундамента всю гору, почти до русла Москвы-рѣки.

10 сентября 1839 г. произошла торжественная закладка храма Христа Спасителя на Волхонкѣ, по проекту профес. архитектуры К. А. Тона. Общій характеръ зданія напоминаетъ древніе русскіе храмы; основаніе представляетъ квадратъ, имѣющій съ каждой стороны порталъ (выступъ) и образующій такимъ образомъ равноконечный крестъ. Фасадъ одинаковъ со всѣхъ сторонъ; все это зданіе увѣнчано пятью главами, изъ которыхъ средняя своими размѣрами превосходитъ всѣ остальныя и придаетъ единство и полноту всему строенію. Высота храма доходитъ до $48^1/_2$ саженъ; пространство, имъ занимаемое съ крыльцами, составляетъ до 1.500 квадр. саженъ. О громадности работъ, начатыхъ въ концѣ 1837 года, можно судить по тому обстоятельству, что подъ фундаментъ въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ рыли землю тысяча работниковъ. Во время земляныхъ работъ найдены два кладбища—одно надъ другимъ, на глубинѣ 3-хъ и 6-ти аршинъ, а на глубинѣ 9-ти аршинъ встрѣчены кости мамонта.

26 мая 1883 года храмъ Христа Спасителя торжественно былъ освященъ въ присутствіи императора Александра III. Стоимость храма обошлась правительству 15.123.163 р. 89 к.

ницы Пруссіи, императоръ повелѣваетъ мнѣ объявить, что движеніе наше есть только слѣдствіе военныхъ дѣйствій. Вѣрный всегдашнему своему правилу, его императорское величество не побуждается никакими видами завоеванія. Даже послѣ великихъ успѣховъ, коими Провидѣніе благословило его праведныя усилія, умѣренность его остается неизмѣнна, имѣя цѣлью независимость государствъ и миръ. Императоръ предлагаетъ ихъ и содѣйствіе свое всѣмъ народамъ, которые, бывъ нынѣ вооружены противъ Россіи, оставятъ Наполеона и послѣдуютъ своимъ собственнымъ выгодамъ. Призываю ихъ воспользоваться настоящимъ благопріятнымъ случаемъ и соединиться съ русскими арміями для преслѣдованія непріятеля, бѣгство коего доказываетъ его безсиліе. Особенно обращаюсь къ Пруссіи. Его императорское величество намѣренъ положить конецъ ея несчастіямъ, явить королю доказательство своей дружбы и возстановить монархію Фридриха въ прежнемъ ея блескѣ и пространствѣ. Надѣюсь, что одушевленный чувствованіями, которыя произведетъ въ душѣ его сіе откровенное объявленіе, монархъ Пруссіи не приметъ ничего въ уваженіе, кромѣ пользъ и желаній подданныхъ. Въ семъ убѣжденіи, императоръ повелѣлъ мнѣ не поступать непріязненно съ прусскими областями и, сколько военныя обстоятельства допускаютъ, облегчать участь пруссаковъ».

Король прусскій и почти всѣ союзники Наполеона стали теперь дѣйствовать за одно съ нами. Наши войска побывали и за Нѣманомъ, а потомъ добрались и до Парижа... Торжественный въѣздъ въ Парижъ императора Александра I послѣдовалъ въ 1814 г. Но ранѣе этого времени, еще 16 апрѣля 1813 года, въ прусскомъ городкѣ Бунцлау, наканунѣ Люценскаго сраженія, навѣки почилъ князь Кутузовъ. Ему было 67 лѣтъ 7 мѣсяцевъ 11 дней отъ рожденія.

Императоръ Александръ, желая утѣшить овдовѣвшую княгиню, удостоилъ ее слѣдующимъ рескриптомъ:

Судьбы Вышняго, которымъ никто смертный воспротивиться не можетъ, а потому и роптать не долженъ,

Храмъ Христа Спасителя.

опредѣлили супругу вашему, свѣтлѣйшему князю Михаилу Илларіоновичу Кутузову-Смоленскому, посреди громкихъ подвиговъ и блистательной славы своей переселиться отъ временной жизни къ вѣчной. Болѣзненная не для однѣхъ васъ, но и для всего отечества потеря! Не вы одна проливаете о немъ слезы: съ вами плачу Я, и плачетъ вся Россія. Богъ, призвавшій его къ Себѣ, да утѣшитъ васъ тѣмъ, что имя и дѣла его останутся безсмертными. Благодарное отечество не забудетъ никогда заслугъ его. Европа и весь свѣтъ не перестанутъ ему удивляться и внесутъ имя его въ число знаменитѣйшихъ полководцевъ. Въ честь ему воздвигнется памятникъ, при которомъ россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться, чужестранецъ же уважать землю, порождающую столь великихъ мужей».

Когда русскія побѣдоносныя войска шли впередъ, въ Россію возвращались бренные останки фельдмаршала. Съ прибытіемъ ихъ въ предѣлы Россіи, народъ нерѣдко выпрягалъ лошадей изъ погребальной колесницы и везъ ее на себѣ. На тысячеверстномъ пространствѣ возносились благословенія усопшему спасителю отечества.

Въ началѣ іюня тѣло князя Кутузова-Смоленскаго привезли въ Петербургъ. Народъ и сановники за три версты до заставы выпрягли лошадей изъ колесницы и на себѣ довезли ее до Казанскаго собора. Здѣсь 13 іюня, ровно черезъ годъ по вступленіи Наполеона въ Россію, похоронили фельдмаршала Кутузова. Надъ гробомъ его были поставлены знамена, отбитыя имъ у Наполеона.

Заканчиваемъ наше повѣствованіе о Кутузовѣ-Смоленскомъ словами поэта:

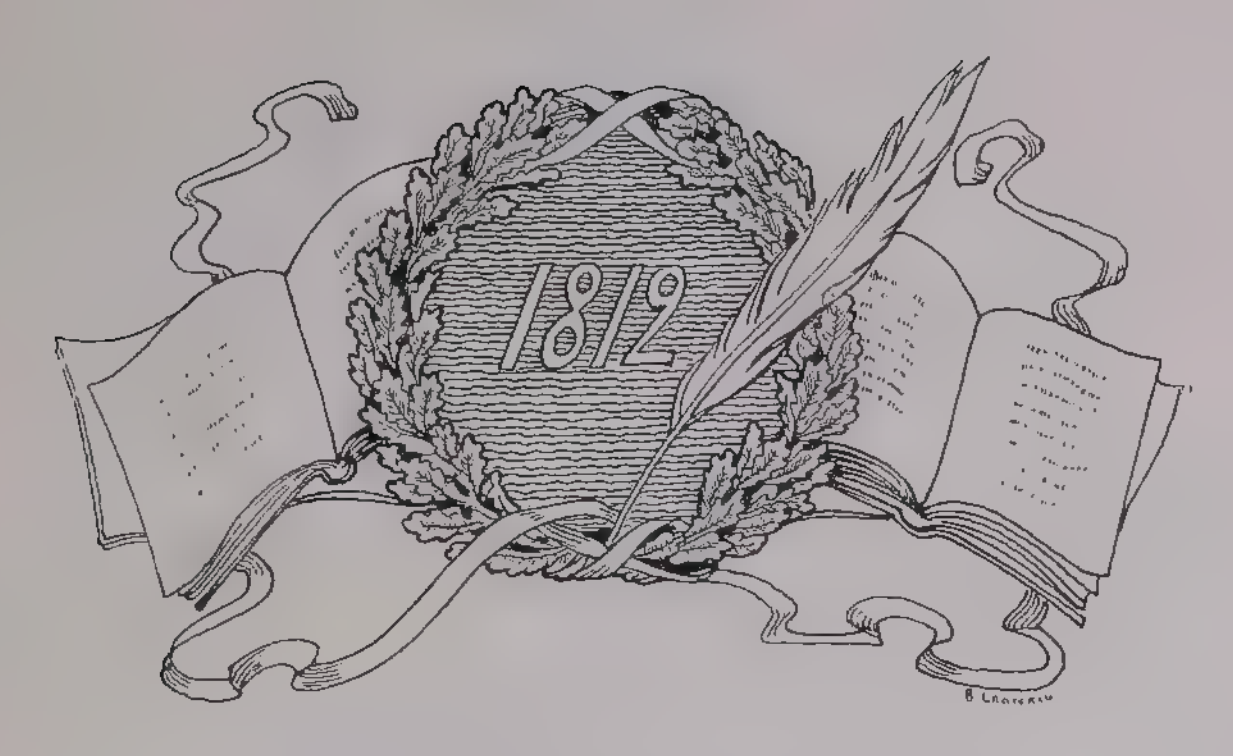
Почій же въ славѣ, нашъ герой!
Да при твоей гробницѣ
Архистратигъ, соратникъ твой,
Съ мечомъ небесъ въ десницѣ,
Стражъ пепла твоего, сидитъ!

Торжественный въѣздъ въ Парижъ
императора Александра I въ 1814 г.

Предъ ней неугасимый
Да пламенникъ любви горитъ,
Отчизною хранимый!
И будь сей огнь священный знакъ,
Что свыше Провидѣнье
На Русь сквозь самый бѣдствій мракъ
Сіяетъ во спасенье!

Стихотворенія, относящіяся къ Отечественной войнѣ и ея участникамъ...

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

(Барклай-де-Толли.)

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ

Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ.
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ -военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,

И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,
Вотще!—

. . . .

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье! *).

А. С. Пушкинъ.

---

*) Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками Кутузову, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только роптал народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и называли измѣнникомъ. (Сочин. А. С. Пушкина подъ редакціею В. П. Авенаріуса).

Поле Бородина.

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали
Молитвы родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
«Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!»
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.

Рука бойцовъ колоть устала.

И вождь сказалъ передъ полками:
«Ребята, не Москва ль за нами!
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И мы погибнуть обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули;
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пуля смерти понеслася
Изъ моего ружья.

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ, и болѣ
Ужъ я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу, и брали у него.
Носились знамена какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни.
Въ дыму огонь блестѣлъ;
На пушки конница летала,

Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5.

Живые съ мертвыми сравнялись.
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали—
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: «помилуй, Боже!»
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали,—
Но этимъ не могли помочь.
Однако же въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ погаснутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

М. Ю. Лермонтовъ.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.
Бодро онъ и хладнокровно
Велъ полки въ кровавый бой;
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.
Только подошли мы ближе
Къ средоточiю огня,
Ввизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ къ ногамъ коня.
И, сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.
«Богъ мой!» онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать:

«Насъ завидѣлъ непріятель
И спѣшитъ намъ честь отдать».
И Кутузовъ предо мною,
Вспомню ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.

Чрезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.

Старца бодрый видъ воинственъ,
Онъ средь полчищъ одинокъ,
Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.

На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось.

Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозь пальбу, огонь и шумъ.

Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.
А его молніеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.

День насталъ. Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:

Шли давно о ней молитвы
Пріунывшихъ усачей.

И на пиръ веселый словно
Каждый радостно летитъ:
Будь у каждаго три жизни—
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.

Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный,
Разразившись, поднялъ вой.

Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ;
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.

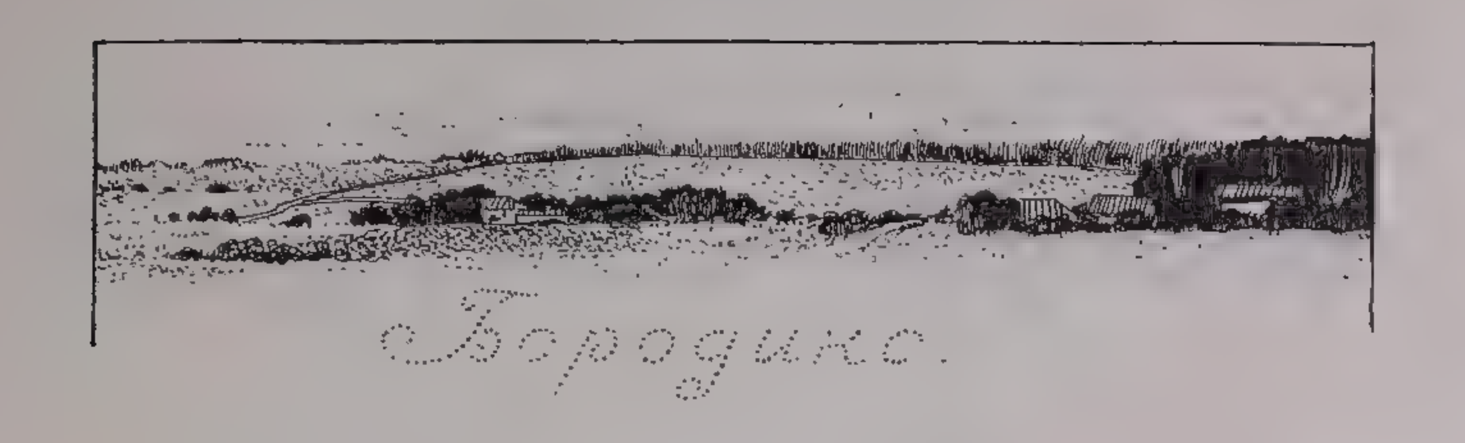
Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;
Грудью въ грудь схватились обѣ,
Чтобъ противника попрать.

Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ;
Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.

Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она;
И вцѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.

Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно:
Славься битвой исполинской,
Славься ввѣкъ, Бородино!

Князь Вяземскій.

— Скажи-ка, дядя, вѣдь недаромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французамъ отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя,
И, говорятъ, еще какія!
Недаромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина.

—Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля,
Немногіе вернулись съ боя,—
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!..

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали...
Ворчали старики:
— Что жъ мы, на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки!

И вотъ нашли большое поле,—
Есть разгуляться гдѣ на волѣ,—
Построили редутъ.
У нашихъ ушки па макушкѣ.
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки,
Французы тутъ какъ тутъ...
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга,
Постой-ка, братъ-мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою!
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною.
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!..
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ...
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?..
Мы ждали третій день...
Повсюду стали слышны рѣчи:
— Пора добраться до картечи!
И, вотъ, па поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь...
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ...
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый;
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:

Слуга—Царю, отецъ—солдатамъ...
Да, жаль его, сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой!

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ!
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой...
Земля тряслась, какъ наши груди,
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы

Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...

Вотъ затрещали барабаны,—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы!..

Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля!
Когда бъ на то не Божья воля—
Не отдали бъ Москвы!

М. Ю. Лермонтовъ.

Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ.*)

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
  Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
  И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О сколь съ израненнымъ челомъ
  Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
  И сколь врагу ужасенъ! **)
Хвала сподвижникамъ-вождямъ;
  Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
  И страхъ твои перуны.
Раевскій, слава нашихъ дней,
  Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
  Съ отважными сынами.

Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

---

*) «Пѣвецъ», приводимый здѣсь въ отрывкахъ, написанъ послѣ отдачи Москвы передъ сраженіемъ при Тарутинѣ. В. А. Жуковскій служилъ тогда ополченцемъ въ нашей дѣйствующей противъ непріятеля арміи.

**) Фельдмаршалъ Кутузовъ.

Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.

Петръ Петровичъ Коновницынъ.

Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

Александръ Петровичъ Тормасовъ.

Нашъ Милорадовичъ, хвала.
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.
Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами,
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.
Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.
Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.

Карлъ Федоровичъ Багговутъ.

Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ.

Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

Павелъ Александровичъ Строгановъ.

Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.
Хвала, нашъ Несторъ-Беннигсенъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ, не дремля онъ,
Какъ змѣй—орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ среди громовъ,
Средь копій бозмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!
Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ вознесенъ
За ратный строй друзьями...
Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной.
Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,

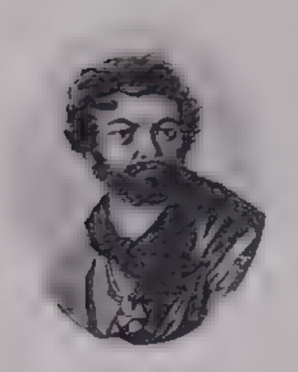

Александръ Самойловичъ Фигнеръ.

Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгановъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ міра увлекла
Его на путь кровавый...
О храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!
Хвала безтрепетнымъ вождямъ!

. . . .

Александръ Никитичъ Сеславинъ.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ!
Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,
Такъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый:
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышевъ
На мечъ и громъ дружину;

Александръ Ивановичъ Чернышовъ.

Алексѣй Федоровичъ
Орловъ

Орловъ—отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.
Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ сраженнымъ въ боѣ...

. . . .

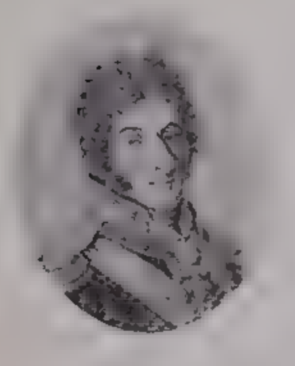
Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани;
А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
Гдѣ прелести? Гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ—
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ—
Одушевлялись струны...
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.
И ты... и ты, Багратіонъ?
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
«Увы, намъ! скоро грянетъ».

Яковъ Петровичъ
Кульневъ.

Александръ Ивановичъ
Кутайсовъ.

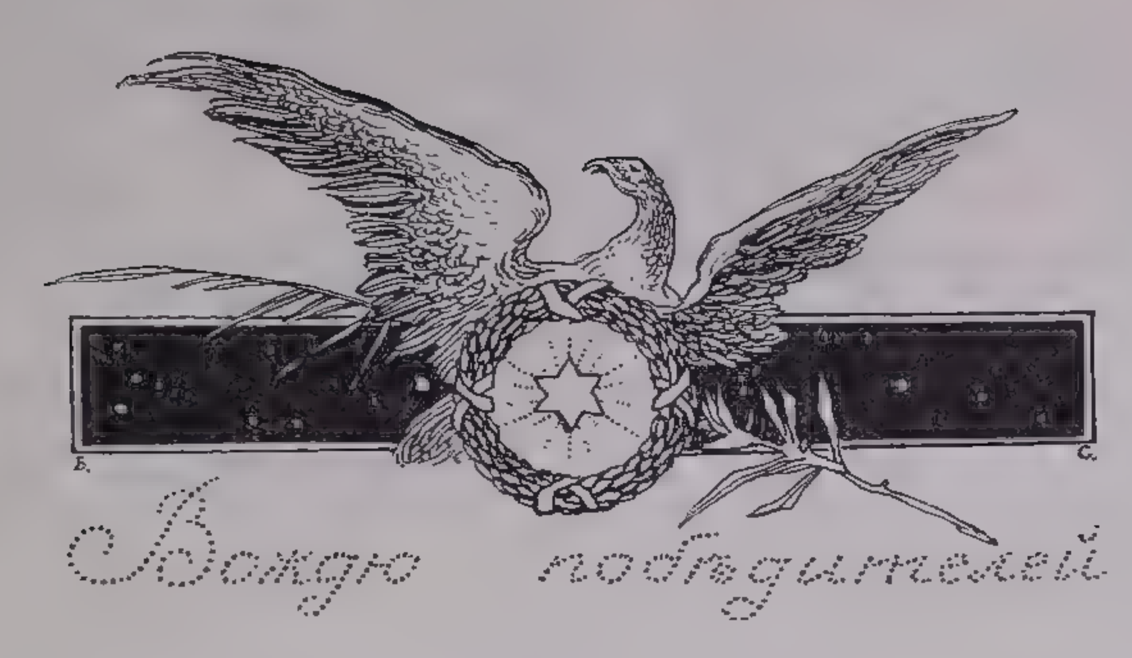
Петръ Ивановичъ
Багратіонъ.

А онъ навѣки взоръ смежилъ,
  Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
  Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ!
И честь вамъ, падшіе друзья!
  Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья—
  Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
  И позднихъ лѣтъ бесѣды.
Отъ нихъ учитесь умирать!
  Такъ скажутъ внукамъ дѣды;
При вашемъ имени вскипитъ
  Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
  И водрузитъ тамъ знамя.

В. А. Жуковскій.

Василій Андреевичъ
Жуковскій

Вождю побѣдителей

(написано послѣ сраженія подъ Краснымъ.)

О вождь славянъ, дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять,
И съ россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ...
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я сердцемъ славянинъ;
Я зрѣлъ, какъ ты, впреди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами,
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса;
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась...
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
О старецъ-вождь, я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ Рокъ невидимый летѣлъ;
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною.
Законъ судьбы для насъ неизъяснимъ.

Надменный сей не ею ль былъ хранимъ!
Вотще пески ливійскіе пылали—
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали—
Его промчалъ безвредно легкій челнъ;
Ступилъ на брегъ—въ рукѣ его корона;
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ;
Ужъ онъ царей-рабовъ своихъ созвалъ...
И возстаютъ могучіе тевтоны,
Достойные Арминія сыны;
Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны;
Богемецъ, венгръ, саксонъ ополчены;
И стали въ строй измѣнники сарматы;
Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;
И нордъ и югъ потокъ сей наводнилъ!
Вождю во слѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ—ужъ все подъ ихъ стопою,
Ужъ россъ главу подъ низкій міръ склонилъ...
О замыслы! о неба судъ ужасный!
О хищный врагъ!.. и трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни—все напрасно!
Здѣсь грозная судьба его ждала;
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ.
Хвала, нашъ вождь! едва дружины двинулъ—
Ужъ хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ назадъ:
Ихъ гонитъ страхъ, за ними мчится гладъ;
И щитъ, и мечъ бросаютъ съ знаменами,
Вездѣ пути покрыты ихъ костями,
Ихъ волны жрутъ, ихъ губитъ огнь и хладъ;

Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью...
Не узрятъ ихъ отечески поля,
Обречены въ добычу истребленью...
И будетъ гробъ имъ русская земля.
И скрылася, нашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ;
Посолъ Судьбы явился ты полкамъ—
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ.
Лети, неси за ними смерть и страхъ;
Еще ударъ—и всей землѣ свобода,
И нѣтъ слѣдовъ великаго народа!
О сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ оттоманъ—
А ты ужъ здѣсь, ужъ родины спаситель,
Уже погналъ, какъ геній-истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды;
И рядъ побѣдъ—полковъ твоихъ слѣды,
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы:
Ты жизнь ему побѣдами даришь...
Когда жъ, свершивъ погибельное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье!..
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ;
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани;
Во срѣтенье бѣгутъ и старъ и младъ,
Къ тебѣ ихъ взоръ, къ тебѣ подъемлютъ длани;
Вотъ онъ! Вотъ онъ! сей грозный вождь, нашъ щитъ:
Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!

Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!
Когда жъ, сложивъ съ главы своей шеломъ,
И мечъ съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ—
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!
О, дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!
Съ веселіемъ водя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,
И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана имъ тишина.
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Въ семействѣ скажетъ: имъ сбережена
Мнѣ мирная въ отечествѣ могила.
И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
Его рука мнѣ милыхъ сохранила.
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ алтаремъ, въ обители царей,
Вездѣ, о вождь, тебѣ благословенье;
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье.

В. А. Жуковскій.

Сказаніе о 1812 годѣ.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней проходятъ—
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры:
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій

Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно,
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...
Гдѣ жъ вы, пышныя мечтанья?
Гордый замыселъ?.. надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..
И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ—какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода—
Въ Тюльери, стоитъ онъ гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, Императоръ—
— Князь, вы видите? воскликнулъ—
Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить!

Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени...

Императоръ вашъ—на что же
Онъ надѣется,—на что же?
— Государь! въ отвѣтъ посланникъ,
Взять въ расчетъ вы позабыли,
Что за Русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!
Онъ тогда расхохотался,—
А теперь-теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. и днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... «Такъ вотъ что значитъ
Весь народъ!..»
                                        И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

А. Майковъ.

КЪ ТѢНИ ПОЛКОВОДЦА.

(Кн. Кутузова.)

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во меракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...
Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!
Явись—и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ молеңье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.

А. С. Пушкинъ.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!..
Но стали жъ мы пятою твердой,
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ.

«И что жъ? Свой бѣдственный побѣгъ,
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь;
Но тяжко будетъ ихъ похмѣлье,
Но дологъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ
Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!

«Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошенные гости,
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!..»
Сбылось—и въ день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,

Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньи падшій невредимъ:
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи;
Вы, черни бѣдственной набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?.. Еще ли россъ—
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава—
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль русскаго владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь?—Война и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали—
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали—
И Польши участь рѣшена...
Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми восторговъ общій гласъ!..
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.
Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу,
Младого внука своего.

А. С. Пушкинъ.

Знаменитый 1812 годъ извѣстенъ у насъ въ народѣ подъ именемъ *Разоренаго года*. О событіяхъ и герояхъ Разоренаго года мы уже говорили подробно; теперь приведемъ народныя преданія и пѣсни, сложенныя про Отечественную войну.

I. Народныя преданія

(легенды *.)

Какъ поселился Бонапартъ въ Кремлѣ, такъ и думалъ добраться до Сергіевской лавры, и вошелъ на колокольню Ивана Великаго, чтобы посмотрѣть на Троицкую дорогу. Пуста была дорога и развивалась предъ нимъ, что лента, и онъ узналъ тотчасъ святую обитель. «Пойду туда, -говоритъ онъ вслухъ:—много тамъ накоплено богатствъ, много серебра и золота, и камней самоцвѣтныхъ, и все будетъ мое. Дорога открыта: русскій царь собралъ въ другое мѣсто свое войско, а здѣсь не стоитъ ни одного воина, не блеститъ ни одного штыка».

И вдругъ онъ видитъ, выходитъ изъ монастырскихъ воротъ сѣдовласый старецъ въ монашеской рясѣ и съ крестомъ въ рукѣ. За нимъ идетъ несмѣтное войско. Стало ему мало большой дороги, и покрыло оно всѣ засѣянныя поля. А старецъ все идетъ впереди, и вдругъ онъ подняль глаза и показалъ Бонапарту золотой крестъ. А Бонапартъ такъ испугался, что чуть не слетѣлъ съ Ивановской колокольни.

По другому преданію, Наполеонъ водилъ свое войско до трехъ разъ на лавру и подходилъ къ самому монастырю, но вдругъ предъ нимъ выросталъ дремучій лѣсъ. Страхъ нападалъ на войско, и оно возвращалось два раза въ Москву, а въ третій разъ Бонапартъ рѣшился пробиться во что бы то ни стало черезъ лѣсъ, да и проплуталъ въ немъ трое сутокъ и насилу ужъ выбрался опять на Московскую дорогу.

---

*) «Московскія Вѣдомости» 1872 г., № 90.

Какъ бы то ни было, пришлось ему отказаться отъ своей попытки, а возвращаться ему къ своимъ съ пустыми руками не хотѣлось. Что было у насъ богатства въ домахъ и въ церквахъ, все было спрятано, и не много оставалось французу на поживу. А Бонапартъ зналъ, что у насъ въ Чудовѣ покоятся мощи митрополита Алексѣя, и думалъ онъ: «Русскіе его похоронили въ святительской ризѣ, а риза та осыпана драгоцѣнными каменьями, и на святительской шапкѣ столько горитъ алмазовъ, что если половину продать, то одѣлю я деньгами все мое войско, а остальные отвезу я во Францію, всѣмъ на-диво». Пошелъ онъ въ Чудовъ, сорвалъ золотую печать съ гроба угодника и гробовую доску снялъ. Видитъ онъ: лежитъ великій угодникъ въ своей святительской одеждѣ, и горятъ алмазы и всякіе каменья на его ризѣ и шапкѣ. Обрадовался Бонапартъ, да лишь только занесъ руку на шапку, святитель поднялся въ своемъ гробѣ и гнѣвно на него взглянулъ. «Какъ ты смѣлъ, говоритъ, тревожить меня, старца? Ты великое примешь за то наказаніе отъ Бога. Пришелъ ты на свою погибель въ Москву златоглавую, привелъ ты на нее сотни тысячъ воиновъ и усѣешь ихъ тѣлами русскія поля, а самъ ты умрешь на далекомъ островѣ, за тридевять земель, на Кіянѣ-морѣ». И ударилъ его въ щеку святой угодникъ, потомъ легъ опять въ свой гробъ, и гробовая доска сама его накрыла.

А Бонапартъ себя не вспомнилъ и упалъ. Долго пролежалъ онъ замертво, и какъ очнулся, такъ собралъ около себя свое войско и спрашиваетъ: «Много ли васъ?» Они говорятъ: «Насъ полтора милліона, а у русскихъ нѣтъ и пятой доли супротивъ насъ». А Бонапартъ имъ говоритъ: «Стоитъ за русскихъ другая сила, и той силы намъ не сокрушить. Нечего намъ здѣсь дѣлать, — домой!» А много ли изъ нихъ дошли до родины? Усѣяли они своими тѣлами русскія поля, по словамъ угодника, а Бонапартъ умеръ на далекомъ островѣ, за тридевять земель, на Кіянѣ-морѣ.

II. Пѣсни.*)

1.

Встань, Пожарскій князь!.. Встань, великій мужъ,
Отъ глубока сна пробудись на часъ:
Смерти лютыя ты разрушишь власть.
Ахъ! взгляни на градъ, ты который спасъ,
Посмотри Москву въ униженіи;
Посмотри славянъ, скорби преданныхъ!
Сбрось свой саванъ бѣлъ, вождь россійскихъ силъ:
Облекись въ броню ты нетлѣнную;
Препояшься, князь, ты стальнымъ мечомъ,
Въ праву длань возьми страшну палицу
И булатнымъ ты вооружись копьемъ;
Оградись щитомъ вѣры Русскія,
Воструби въ трубу громогласную,
Собери ты рать, рать могучую,
Силу грозную, богатырскую;
Воспали ты кровь храбрыхъ воиновъ,
Ободри ты духъ русскихъ юношей;
Поведи полки исполинскіе
На разбойника Бонапартія.

2.

Пѣснь священная! устраши враговъ,
Отомсти ты злымъ за отечество,
За престольный градъ, за славянску кровь!

*) Пѣсни сообщены были покойн. профес. *П. А. Безсоновымъ.*
Е. Д. Ж.

Ты разсѣй во прахъ адски полчища,
Сокруши врага нечестиваго,
Защити еще царство славное;
Ты прославь, прославь вѣру русскую,
Царя Бѣлаго, храбро воинство.

3.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Вспомнимъ, братцы, Россовъ славу
И пойдемъ враговъ разить,
Защитимъ свою державу:
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить!

* *
*

Мы впередъ, впередъ, ребята,
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ;
Вѣра намъ и вѣрность свята,—
Побѣдимъ или умремъ!

* *
*

Подъ смоленскими стѣнами,
Здѣсь, *Россіи у дверей,*
Будемъ биться со врагами,
Не пропустимъ злыхъ звѣрей!

* *

Вотъ рыдаютъ наши жены,
Дѣвы, старцы вопіютъ,
Что злодѣи разъяренны
Мечъ и пламень къ нимъ несутъ.

* *
*

Врагъ строптивый мещетъ громы,
Храмовъ Божьихъ не щадитъ;
Топчетъ нивы, палитъ домы,
Змѣемъ *лютымъ* въ Русь летитъ!

* *
*

Русь святую разоряетъ!..
Нѣтъ ужъ силъ владѣть собой:
Бранный жаръ въ крови пылаетъ,
Сердце просится на бой!

* *
*

Мы впередъ, впередъ, ребята,
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ;
Вѣра намъ и вѣрность свята,—
Побѣдимъ или умремъ!

4.

Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Это, право, не бѣда,—
Нашъ фельдмаршалъ, князь Кутузовъ,
Ихъ на смерть впустилъ туда.

* *
*

Вспомнимъ, братцы, что поляки
Встарь бывали также въ пей,
Но не жирпы кулебяки—
Ѣли кошекъ и мышей.

* *
*

Напослѣдокъ мертвечину
Земляковъ пришлось имъ жрать,
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крюкъ по-польски изгибать.

* *
*

Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги:
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.

* *
*

Побывать въ столицѣ—слава!
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то *Варшава*,
И *Парижъ* то будетъ знать!

5.

Ночь темна была и не мѣсячна.
Рать скучна была и не радостна;
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумавшись, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались.

Не люта змѣя, кровожадная,
Грудь сосала ихъ богатырскую,
То тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца молодецкія.
Не отцовъ родныхъ оплакивали
И не женъ младыхъ, и не дѣтушекъ;
Какъ оплакивали родимую—
Мать родимую, мать кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартіемъ,
Тутъ какъ вдругъ они встрепенулися,
Словно вихрь-орлы взоръ окинули
Во всѣ стороны и воскликнули,
Всѣ въ одинъ голосъ, какъ въ злату трубу:
«Молодцы-братцы, удалы друзья,
Неизмѣнныя чада русскія!
Что дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную:
Чтобъ не взвидѣть намъ ни домовъ своихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Ни самой души—красной дѣвицы,
Не побивъ силы Бонапартовой,
Не отмстивъ врагу за родну Москву.
Отсѣчемъ ему мы возвратный путь,
И мы примемся по-старинному,
По-старинному, по-Суворовски.
Закричимъ «ура!» и пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражія,
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ;
Кто пятокъ убьетъ, кто десяточекъ,
А лютой боецъ до пятнадцати.

Не дадимъ, друзья, люта промаху,
Постараемся всѣ, ребятушки,
Чтобы самъ *злодѣй* на штыкѣ погибъ,
Чтобъ вся рать его здѣсь костьми легла,
Ни одна-бъ душа иновѣрная
Не пришла назадъ въ свою сторону,
А народы всей матерой земли,
Чтобъ повѣдали, каково итти
Со оружіемъ во святую Русь».

6.

(На голосъ: Во селѣ, селѣ Покровскомъ.)

Нутка, русскіе солдаты,
Станемъ нѣмцевъ выручать:
Нѣмцы больно трусоваты,
Намъ за нихъ, знать, отвѣчать.

* *
*

Не боимся мы французовъ:
Штыкъ всегда востеръ у насъ,
Лишь бы батюшка-Кутузовъ
Допустилъ къ нимъ скоро насъ.

* *
*

Расщелкаемъ эту сволочь,
Разобьемъ мы ихъ полки,
Намъ не надобна и помочь,
Намъ не нужны пруссаки.

* *
*

По полдюжинѣ на брата
Мы домой приволочемъ:
Вѣдь для русскаго солдата
Бить—играть словно мечомъ.

* *
*

Бонапартъ хоть и храбрится,
Но напляшется и онъ,
Какъ удастся намъ сразиться.
Гдѣ нашъ князь Багратіонъ?

* *
*

Онъ Суворова-Рымникска
Ученикъ достойный былъ,
Подойди-ка къ нему близко,
Такъ покажетъ тотчасъ пылъ.

* *
*

Хоть будь впятеро сильнѣе,
Онъ не станетъ отступать:
Тутъ гораздо онъ смѣлѣе,
Гдѣ труднѣе побѣждать.

* *
*

Мы сражаемся за вѣру,
Бьемъ невѣрныхъ за любовь,
Не за вздорную химеру
Проливаемъ свою кровь.

7.

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
Вздумалъ вровень стать. (2 раза).
Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ туда жъ съ клешней тащится,
И давай плясать. (2 раза).

* *
*

Невпопадъ пошелъ *англезу* *),
Вздумалъ, бросивъ *экоссезу* **),
Польскую пройтить. (2 раза).
Не видавши пыли русской,
Кверху вздернулъ носъ французской,
И давай кружить. (2 раза).

* *
*

А *сарматы* пустословы
Подыграть ему готовы;
Гостикъ дорогой. (2 раза).
Скрипки, басы заревѣли,
Звонки трубы загремѣли, —
То-то пиръ горой! (2 раза).

* *

Скоро *польскимъ* онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ,
«Семъ на Русь пойду!» (2 раза).

---

*) Англезъ — англійскій очень быстрый и разнообразный танецъ.
**) Экоссезъ — старинный шотландскій танецъ.

«Тамъ я *барыню* пройдуся,
«Фертомъ въ боки подопруся,
«Пляску заведу!» (2 раза).

* *
*

Бородинскія заботы
Не отбили въ немъ охоты
Въ Матушку *Москву*. (2 раза).
«Тамъ мнѣ есть гдѣ разойтиться,
«А, чтобы повеселиться,
«Барынь позову». (2 раза).

* *
*

Побывать-то удалося,
Да не такъ отозвалося,—
Не съ кѣмъ поплясать. (2 раза).
Только проложилъ дорогу,
Занозилъ скоренько ногу,—
Пришлось отдыхать. (2 раза).

* *
*

Князь Кутузовъ помнилъ слово:
Хоть не скоро, да здорово,—
Старый воробей! (2 раза).
Знавши вывертки французски,
Заиграть велѣлъ по-русски
Музыкѣ своей. (2 раза).

* *
*

Наши грянули по-свойски:
Мы не знаемъ по-заморски,—
«Нутка *казачка!*» (2 раза).

Чуть прослышалъ *Корсиканецъ:*
«Провались проклятый танецъ:
«Дастъ онъ мнѣ толчка!» (2 раза).

* *
*

«То-ли дѣло по-нѣмецки,
«Танцовать по-молодецки
«Старый *алемандъ!» *)* (2 раза).
«Эта пляска мнѣ сходнѣе
«И для ногъ моихъ споспѣе:
«Ну назадъ, назадъ!» (2 раза).

* *
*

«Видно хватъ ты изъ французовъ»,
Говоритъ ему *Кутузовъ,* —
«Нѣтъ, братъ, погоди! (2 раза).
«Шаркать мастеръ ты ногою,
«Семъ попляшемъ мы съ тобою, —
«Нутка, выходи!» (2 раза).

* *
*

«Захотѣлъ плясать по-русски,
«Присѣдай-ка по-французски
«Ты, *Наполеонъ!»* (2 раза).
Бонапарту не до пляски,
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать пардонъ. (2 раза).

* *
*

---

*) Алемандъ, старинный прусскій танецъ.

Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться, —
  Дрогнула нога! (2 раза).
Бросивъ пышныя ухватки,
По-цыгански, безъ оглядки,
  Шаркнули назадъ. (2 раза).

* *
*

Его музыки не стало,
Скрипокъ будто не бывало:
    Пляска дорога! (2 раза).
Моргануль онъ *Коленкуру:*
«Семъ-ка выкинемъ фигуру
«На *цыганскій* ладъ». (2 раза).

* *
*

Не соваться-бъ было въ воду,
Не спросяся прежде броду,
  Хватъ-богатырю! (2 раза).
Мать россійская держава,
Силы много! — Слава, слава —
  Бѣлому царю! (2 раза).

Описаніе рисунковъ,

изображающихъ французовъ въ смѣшномъ видѣ.

Въ заключеніе представляемъ описаніе каррикатуръ *) на французовъ, которыя также характеризуютъ Отечественную войну 1812 года, особенно отступленіе непріятеля изъ Россіи, и даютъ понятіе о сатирѣ **) того времени. Замысловатыхъ каррикатуръ на бѣгство французовъ было довольно въ Англіи и Германіи, но и у насъ въ Россіи, особенно въ Москвѣ, продавалась бездна самыхъ разнообразныхъ *лубочныхъ* каррикатуръ, размалеванныхъ сурикомъ и вохрою. Всѣхъ ихъ было около сотни; представляемъ описаніе самыхъ распространенныхъ изъ нихъ:

1) Французскіе генералы въ изодранныхъ мундирахъ съ соломенными эполетами и съ шитьемъ изъ мочалы; исподнее платье на нихъ было: одна половина изъ парчи, а другая изъ дыряваго холста. Они изображены были танцующими, съ кислыми гримасами и ужимками, подъ барабанный бой самого Наполеона.

---

*) Каррикатуры — смѣшное изображеніе кого-либо или чего-либо въ смѣшномъ видѣ на рисункѣ.

**) Сатира — стихотвореніе, направленное противъ слабостей и пороковъ общества, съ цѣлью, осмѣявъ ихъ, возбудить къ нимъ общее презрѣніе. *Сатирическій* — значитъ едкій, насмѣшливый.

2) Бѣгущій Наполеонъ въ видѣ коршуна, преслѣдуемаго орломъ, съ надписью: *Въ 1812 году отецъ и сынъ научались бѣгать* *). Эта каррикатура служила подвѣскомъ къ портрету князя Кутузова-Смоленскаго.

3) Ополченіе бабъ, идущихъ на французовъ съ вальками и ухватами.

4) Французъ, бросивъ свое оружіе и вынувъ изъ котла мертвую ворону, жадно рветъ ее зубами; по сторонамъ его стоятъ на колѣняхъ два товарища его съ разинутыми ртами и просятъ у него знаками подѣлиться съ ними этимъ лакомымъ кушаньемъ:

Ворона, охъ, ворона! Нельзя ль хоть ножку дать?
А мнѣ изъ котлика хоть жижи полизать...

5) Бѣгущіе изъ Москвы французы, сгорбленные, скорченные, съ самыми плачевными физіономіями, одѣтые во что ни попало; впереди, высоко поднявъ голову, маршируетъ начальникъ ихъ въ спальномъ женскомъ чепцѣ; плечи его увѣшаны лошадиными попонами. Внизу надпись:

Маршъ, маршъ! домой пора, довольно погостили,
Безъ носа, рукъ и ногъ домой насъ отпустили!

6) Между двумя крестьянами, изъ которыхъ одинъ играетъ на дудкѣ, а другой замахивается кнутомъ на француза, послѣдній пляшетъ и ужасно кривляется; съ него сваливается киверъ. Внизу надпись:

Желалъ вышколить ты на свою погудку,
Анъ нѣтъ, не удалось,—пляши подъ нашу дудку.

---

*) Сынъ въ это время былъ еще малолѣтенъ.

7) Французы верхомъ на палочкахъ, на знаменахъ и на трубахъ своихъ, съ длинными натянутыми носами, вступаютъ во Францію и поютъ:

Ликуй, о храбрый галлъ, встрѣчай насъ съ торжествомъ:
Спустивъ все съ рукъ, спѣшимъ на палочкахъ верхомъ!

8) Французскіе мародеры бѣгутъ, увидавъ козла.

9) Осада французами русской бани, — крестьянскія бабы вилами отбрасываютъ тощихъ французовъ.

10) Наполеонъ представленъ былъ фараономъ, утопающимъ въ Красномъ (Чермномъ) морѣ; онъ изображенъ былъ ѣдущимъ на своихъ генералахъ, съ надписью: *Изъ знатныхъ воробьевъ надѣлалъ конюховъ*.

11) Надъ рѣкой высокая гора, съ которой скатываются французы вверхъ ногами прямо въ рѣку; за ними по горѣ катится оружіе ихъ. Внизу надпись:

Высоко влѣзя, мы и силою гордились,
Но вдругъ турнули насъ,—на Эльбу мы спустились.

12) Колесница съ сидящей на ней Фортуной *); рьяные кони шибко мчатъ ее; казакъ, сидящій на козлахъ, погоняетъ ихъ; другой скачетъ за колесницей; по дорогѣ разбросаны французское оружіе, зарядные ящики, знамена и пр. Внизу надпись:

Счастіе, за галломъ уставъ бресть пѣшкомъ,
Рѣшилось въ станъ русскій скакать съ казакомъ.

13) Изображенъ былъ одноглавый французскій орелъ съ повислыми крыльями и хвостомъ, низко летающій, съ надписью:

---

*) Фортуна — у древнихъ народовъ была богиня счастія: ее изображали въ видѣ женщины, съ завязанными глазами, съ крыльями и стоящей одною ногой на колесѣ.

Куда ты, птица однобока,
Такъ низко надъ землей летишь,
Хвостомъ виляя, какъ сорока,
И крыльями песокъ чертишь?

14) Русскіе не добромъ вспомнили и поляковъ, которые неистовствовали въ Москвѣ болѣе французовъ, посвятивъ имъ слѣдующую каррикатуру: Бонапартъ стоитъ съ обнаженною саблей въ рукѣ и съ угрожающимъ видомъ предъ набраннымъ польскимъ ополченіемъ, въ разнообразной одеждѣ и съ плачевными физіономіями. Внизу надпись:

Цыцъ, цыцъ, негодный ляхъ, гни спину и молчи,
И такъ же, какъ другой, въ рядахъ моихъ торчи!

Примѣч. автора. Предлагаемая книга составлена по слѣдующимъ сочиненіямъ:

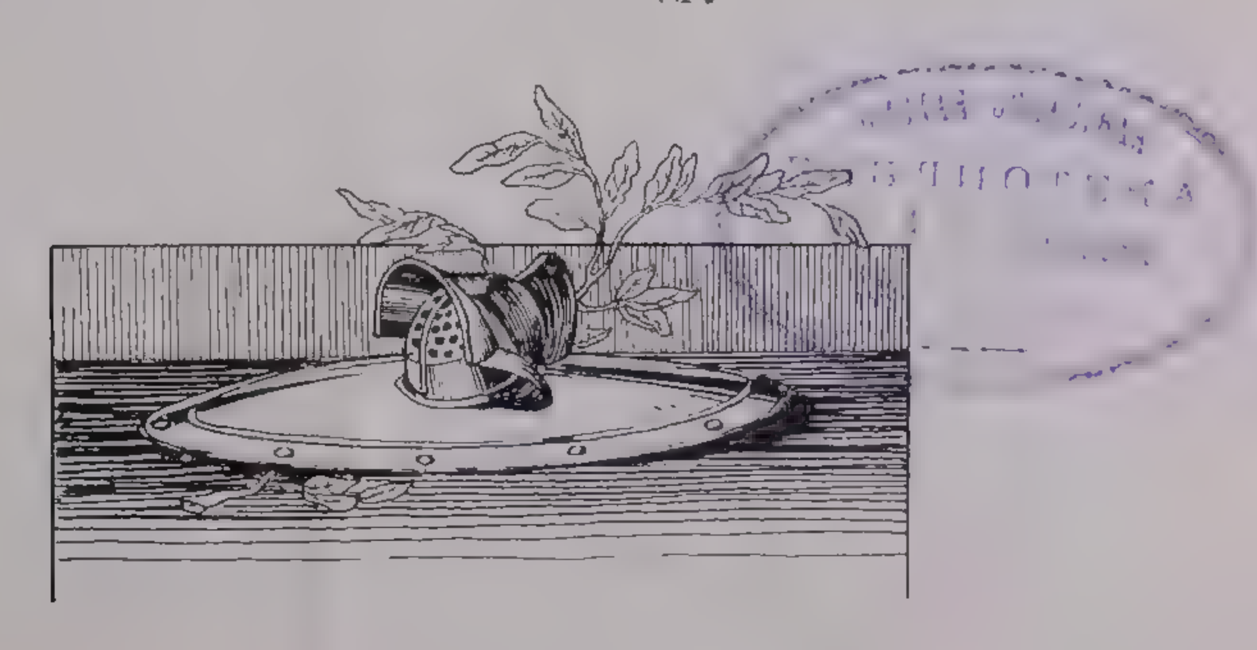
1) Исторія Отечественной войны 1812 года, соч. генералъ-майора Богдановича.

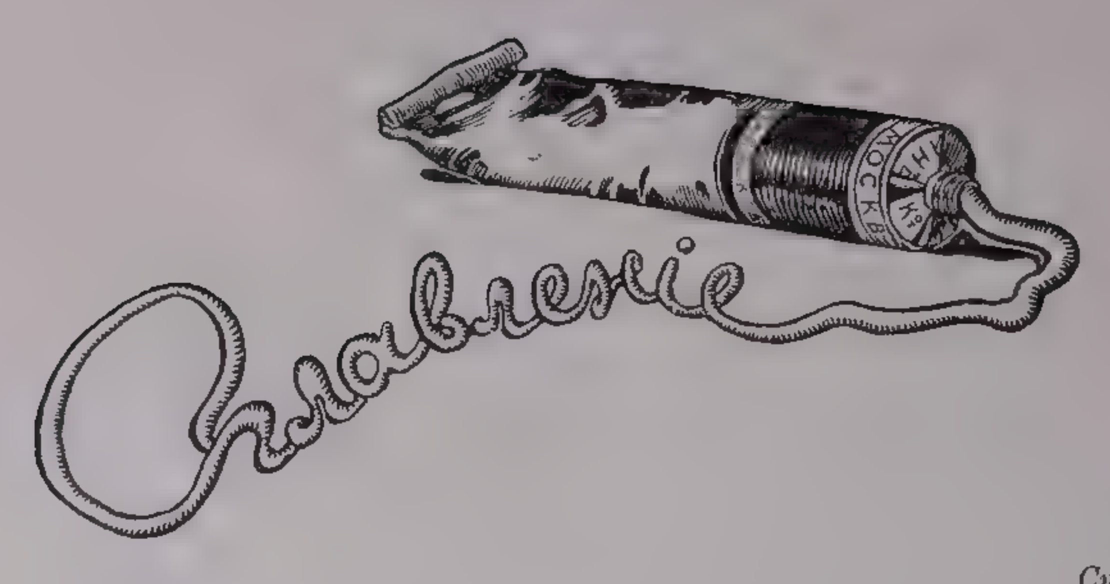
2) Военная галлерея Зимняго дворца.

3) Русь и русскіе въ 1812 году, соч. С. М. Любецкаго.

4) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, соч. Бантышъ-Каменскаго.

5) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля и мног. друг.

Стр.

1812 годъ 7
Стихотворенія, относящіяся къ Отечественной войнѣ и ея участникамъ 109
Полководецъ (Барклай-де-Толли) 111
Поле Бородина 114
Поминки по Бородинской битвѣ 118
Бородино 121
Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ 125
Вождю побѣдителей 131
Сказаніе о 1812 годѣ 135
Къ тѣни полководца (кн. Кутузова) 139
Бородинская годовщина 141
Народныя преданія и пѣсни про Отечественную войну 1812 года. 145
I. Народныя преданія (легенды) 147
II. Пѣсни 149
Описаніе рисунковъ, изображающихъ французовъ въ смѣшномъ видѣ 160

(**Москва,** Никольская улица, рядомъ съ Ремесленной Управой).

Комисс. Управл. Московск. Синод. Типогр.

(На почтовую пересылку прошу прилагать 20 к. на каждый рубль. Деньги можно присылать марками)

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

М. Елисѣевъ.

Книга для чтенія по географіи Россіи въ семьѣ и школѣ.

Рисунки *А. П. Апсита* и *В. В. Спасскаго.* Обложка *В. В. Спасскаго.*

Цѣна **1** р. **25** к., въ папкѣ—**1** р. **50** к.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

В. И. Немировичъ-Данченко. Охота за яйцами морскихъ птицъ.—*А. Разинъ.* Охота на отмеляхъ. -*В. Галузѣевъ.* Тундра и Бѣломорскіи край.—*А. Владимiровой.* Соловки.—*С. Васюковъ.* Въ царствѣ гранита. *К. К. Случевскій.* На Валаамѣ.—*С. Мечъ.* Лѣто въ Новгородской губ.—*К. К. Случевскій.* Ловля снѣтковъ на Псковскомъ озерѣ.—*И. С. Тургеневъ.* Поѣздка въ Полѣсье.—*Н. Красковскій.* Въ Бѣловѣжской пущѣ. -*М. Б. Городецкій.* Въ шахтахъ Привислянскаго края.—*Д. В. Григоровичъ.* Луговой берегъ Оки въ покосъ.—*Его-же.* Въ водополье на Окѣ.—*П. Мельниковъ.* Лѣсной пожаръ. *Графъ Соллогубъ.* Печерскій монастырь. *А. С. Размадзе.* Жегулевскія горы.—*Н. Лендеръ.* Въ гостяхъ у колонистовъ.—*А. П. Молчановъ.* На рыбныхъ промыслахъ въ Астрахани.—*Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* Въ камняхъ по рѣкѣ Чусовой.—*А. В. Елисѣевъ.* Въ Чердынскихъ лѣсахъ.—*В. Галузѣевъ.* На Уралѣ. *С. Т. Аксаковъ.* Буранъ въ Оренбургскихъ степяхъ.—*Н. В. Гоголь* Лѣтній день въ Малороссіи.—*Его-же.* Украинская ночь.—*Его-же.* Днѣпръ.—*Аѳан. Чужб.* Днѣпровскіе пороги.—*Е. П. Марковъ.* Преддверіе Крыма.—*Его-же.* Байдарскія ворота.—*Его-же.* Пещеры Чатырдага.—*М. Лермонтовъ.* Пятигорскъ.—*А. Н. Молчановъ.* Живописные уголки Кавказа.—*С. Атава.* Въ странѣ нефти.—*А. Гедеоновъ.* Среди льда.—*И. А. Гончаровъ.* По Сибири.—*С. Я. Елпатьевскій.* Весна на Енисеѣ.—*А. Я. Максимовъ.* Уссурійскій край: природа его и охота на тигра.—*Д. И. Шредеръ.* На Дальнемъ Востокѣ.—*Н. Уралов.* Съ караваномъ по Туркестану—*Н. Каразинъ* Байга.

У. К. М. Н. П. книга **одобрена** для ученич. библіот. всѣхъ средн. и низш. учебныхъ заведеній и **допущена** въ безпл. народн. читал. и библ. и для публич. народн. чтен. Училищ. Сов. при Св. Син. **одобрена** для библ. церковныхъ школъ, особенно двухкл., второкл. и учител.

Учебн. Комит. при Св. Син. **допущена** въ библ. духов. учебныхъ заведеній.

У. К. М. Земл. и Г. Имущ. **допущена** въ библ. вѣдом. М. З. и Г. И. учебн. заведеній. Главн. упр. Воен. учебн. завед. **рекомендована** для чтенія кадет. стар. класса кадет. корп. Собств. Е. И. В. Канцеляр. по учр. И. Маріи **одобрена**, какъ пособіе при преп. геогр. во всѣхъ учебн. заведеній вѣдом. учр. И. Маріи.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ.

П. Фурманъ.

Историческая повѣсть, редактированная *В. П. Авенаріусомъ.*
Рисунки и обложка *Р. Шнейдеръ.*
Цѣна **35** коп., въ папкѣ—**50** коп.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Домъ родительскій.—Сѣверное сіяніе.—Москва.—Училище.—За границей.—Солдатъ.—Слава.—Труды.

Учен. Ком. Мир. Нар. Просв. книга **допущена** въ ученич. библ. низшихъ училищъ.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА.

По Метерлинку для дѣтей.

Рисунки въ два тона и обложка *В. В. Спасскаго.*
Цѣна **40** коп., въ папкѣ—**60** коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга **допущена** въ ученич. библ. низш. учебн. заведеній (для городскихъ училищъ).

СОЧИНЕНІЯ И. С. НИКИТИНА,

выбранныя для учащихся въ низшихъ и среднихъ школахъ *А. И. Анастасіевымъ*; съ біографіей поэта, его портретомъ и автографомъ. (344 стр.).

Рисунки и обложка *В. В. Спасскаго.*
Цѣна **75** коп. въ папкѣ—**90** коп.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Иванъ Саввичъ Никитинъ. Очеркъ жизни и его литературной дѣятельности. ОТДѢЛЪ I. **Произведенія лиро-эпическія.** ОТДѢЛЪ II. **Произведенія эпическія.** Картины природы. ОТДѢЛЪ III. **Произведенія эпико-лирическія.** Картины народнаго быта. ОТДѢЛЪ IV. „Кулакъ". Поэма. ОТДѢЛЪ V. **Дневникъ семинариста.** Отрывки изъ дневника семинариста.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. книга **допущена** въ учен. библ. город. учил.

СБОРНИКЪ ПОДВИЖНЫХЪ ИГРЪ

съ приложенiемъ **комнатныхъ игръ.** Всѣхъ **200** игръ.

Съ рисунками и планами.

Сост. *А. Тороповъ,* преподават. подвижныхъ игръ на курсахъ для приготовл. преподават. и преподавательн. физич. упраж. при Моск. Общ. Содѣйств. Физич. Развитiю и руковод. подвижныхъ игръ въ Моск. Общ. „Физическое Воспитанiе".

Цѣна **1** руб., въ папкѣ—**1** руб. **25** коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга **признана** полежащею включенiю въ списокъ книгъ, **заслуживающихъ** вниманiя при пополненiи ученическихъ библiотекъ среднихъ учебныхъ заведенiй, а также **допущена** въ учительскiя библiотеки низшихъ учебныхъ заведенiй.

СѢДАЯ СТАРИНА.

А. Коринѳскiй.

ДЕСЯТЬ БЫВАЛЬЩИНЪ.

Рисунки въ два тона и обложка *В. В. Спасскаго.*

Цѣна **80** к., въ папкѣ—**1** р.

СОДЕРЖАНIЕ КНИГИ:

Запѣвка.—Гусли самогуды. Пѣсенный сказъ богатырскихъ временъ.—**Тысяцкiй Вышата.** Бывальщина XI вѣка.—**Никола-Святоша.** Бывальщина XII вѣка.—**Князь Романъ.** Бывальщина XII вѣка.—**Мстиславъ Удалой.** Бывальщина XIII вѣка.—**Вячко въ Юрьевѣ.** Бывальщина 1224 года.—**Князь Михаилъ Чермный.** Бывальщина временъ Татарщины.—**Король Даніилъ.** Бывальщина Червонной Руси.—**Ахматъ-Ханъ.** Бывальщина XV вѣка.—**Патрiархъ Гермогенъ.** Бывальщина смутнаго времени.

2р.

